

БОРИС ВЛАДИМИРОВ

КОМДИВ

**ОТ СИНЯВИНСКИХ ВЫСОТ
ДО ЭЛЬБЫ**

Annotation

От обороны Ленинграда до операции «Багратион», от кровавой мясорубки на Синявинских высотах до триумфальной Висло-Одерской операции, ставшей настоящим блицкригом Красной Армии, — автор этой книги, командир 311-й стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта, с боями прошел от Прибалтики до Эльбы, одним из первых вступил на территорию Германии и был удостоен звания Героя Советского Союза. Однако его мемуары, созданные на основе фронтового дневника, при жизни автора так и не увидели свет — комдив Владимирова писал настолько жестко и откровенно, не замалчивая ни ошибок командования, ни случаев непростительной слепоты и некомпетентности, что его воспоминаниям пришлось ждать публикации более трети века.

- [Борис Александрович Владимирова](#)
 - [Лето 1941 г. — начало весны 1942 г.](#)
 - [Любанская операция](#)
 - [Синявинские бои](#)
 - [В обороне под Ново-Киришами](#)
 - [Бои под Мышкино и Мгой](#)
 - [Дивизия освобождает Кириши](#)
 - [Уторгош](#)
 - [Дивизия в Белорусской операции](#)
 - [Бои в Прибалтике](#)
 - [Освобождение городов Яунелгавы и Скривери](#)
 - [По дороге в Польшу](#)
 - [Висло-Одерская операция](#)
 - [Бои в Польше и Германии](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)

- ☐ 13
- ☐ 14
- ☐ 15
- ☐ 16
- ☐ 17
- ☐ 18
- ☐ 19
- ☐ 20
- ☐ 21
- ☐ 22
- ☐ 23
- ☐ 24
- ☐ 25
- ☐ 26
- ☐ 27

Борис Александрович Владимиров
Комдив
От Синявинских высот до Эльбы

Лето 1941 г. — начало весны 1942 г.

Весть о войне застала меня в Красноярске, в 365-м стрелковом полку на должности заместителя командира полка по строевой части. Молнией пронеслась по военному городку мрачная новость, подняла всех на ноги, завертела и закружила. В одно мгновение дома и казармы превратились в растревоженный улей, все как-то сразу нарушилось и изменилось. Мирная жизнь с ее повседневными заботами отодвинулась далеко назад, и между привычным вчера и неизвестным, тревожным завтра легла огромная пропасть.

Положение на фронтах войны с каждым днем ухудшалось, но начавшаяся в полку мобилизационная горячка отвлекала от неприятных переживаний, связанных с военными неудачами.

За полгода до начала войны командиром нашего полка был назначен полковник Иванов. Без военной подготовки, с низким уровнем общего образования, он из уполномоченного Особого отдела при какой-то воинской части назначается сначала начальником отдела кадров Сибирского военного округа, а затем его направляют к нам, командиром полка. Работать с ним было трудно. Ничего не понимая в обучении войск, не разбираясь в делах боевой подготовки, он толком ни во что не влезал, а порхал, словно бабочка, с одного вопроса на другой. Дивизионное начальство, видя его полную некомпетентность, просто махнуло на него рукой.

В первый день войны, почувствовав серьезность и ответственность положения, Иванов, при молчаливом согласии командира дивизии, поторопился самоустраниться. В связи с этим командир 119-й стрелковой дивизии приказал мне возглавить работу по от мобилизованию полка. Когда она была выполнена и мы готовились к погрузке в вагоны, я получил телеграмму из штаба Сибирского военного округа о немедленном выезде в округ в связи с новым назначением.

Командир дивизии дважды обращался к командующему войсками округа с просьбой оставить меня в полку вместо совершенно растерявшегося Иванова, но из этого, к сожалению, ничего не получилось. Командующий был неумолим. Этот неожиданный вызов в последний момент перед отправкой полка на фронт, под впечатлением царившей в стране в те годы обстановки, я расценил как акт политического недоверия.

Отправляясь в Новосибирск в штаб округа, я покидал две семьи: одна — это жена и дочь, ученица 9-го класса, а другая — полк. Сидя ночью в полупустом пассажирском вагоне, после

напряженных дней работы, оторванный по неизвестно каким причинам от своего полка, я чувствовал себя одиноким, незаслуженно обиженным и, естественно, нервничал. Пытался заснуть, но в голову назойливо лезли тяжелые мысли. Болела душа и за себя, и за других, и за нерадостное настоящее. Неужели даже в такой критический момент, думал я, когда решается вопрос о судьбе Родины, когда надо объединять людей и поднимать народ на смертельную борьбу с противником, будет продолжаться неразумная политика подозрительности и огульного недоверия к людям. Эта ночь стала ночью тяжких дум и размышлений. Все, что долгое время накапливалось в душе, требовало ответа.

Почему наша армия, оставляя противнику целые районы с многомиллионным населением, все дальше и дальше отходит в глубь страны? Это был один из мучительных вопросов, к которому не раз приходилось возвращаться.

Выступление Сталина по радио 3 июля 1941 года не давало ответа ни на этот, ни на многие другие вопросы. Оно было рассчитано на наивных или отупевших от последовательно проводимой политики оглуления людей. Массовые репрессии наиболее подготовленных и талантливых людей в армии значительно подрывали ее боеспособность. Не хотелось верить, что армия настолько ослаблена, что не в силах остановить противника. Тогда только очень немногие знали, что неподготовленность страны к войне и наши первые крупные поражения имели место в силу ряда других причин, и главным образом из-за порочной системы управления страной. Азиатский режим Сталина естественным образом лишал инициативы ответственных лиц, сковывал их деятельность и, по сути, превращал в пешек. Поэтому многие вопросы государственной важности или не решались вообще, или решались очень робко, с постоянной оглядкой назад.

Вспоминались испанские события, которые увели нас в сторону от того единственно правильного пути, по которому шла наша подготовка к войне. В испанской кампании, как в кривом зеркале, увидели мы действительность и начали мудрить. Поэтому у нас теперь было мало танков и еще меньше противотанковых средств. Немцы же не обманулись и сделали противоположные нашим выводы. Дело в том, что в условиях сильно пересеченного горного рельефа местности танки не смогли показать свои боевые качества как подвижное маневренное и грозное средство боя. Были сделаны скороспелые выводы, и решающее предпочтение получила артиллерия, а роль танков была низведена до второстепенной. Наскоро

пересоставляется действующий Полевой устав, в котором с исключительной «верностью» дается характеристика современного глубокого боя, роль и порядок взаимодействия всех родов войск и с особой «проницательностью» излагаются действия танков. Вполне понятно, что после таких выводов производству танков и противотанковым средствам не могло уделяться должного внимания. В то же самое время гитлеровская Германия идет по совершенно другому пути. «Великий зодчий и стратег» нашего государства оказался не на высоте положения, и его «прозорливость» дорого обошлась советскому народу.

«Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину», — пришла мне на память первая фраза, сказанная Сталиным в его обращении к народу. Газеты, радио и пропагандисты трещали, как сороки, пытаясь внушить нашему народу и всему миру, что наше временное поражение является следствием вероломства немцев и их внезапного нападения. Слова эти неприятно резали слух, ибо все было шито белыми нитками, лишь бы оправдать преступную бездеятельность правительства.

Никто и никогда не сомневался в вероломстве гитлеровской Германии! Вероломство гитлеровцев и их отношение к Советскому Союзу давно было известно каждому пионеру в нашей стране. Ведь не ради мира и дружбы с нами Гитлер сколотил антикоминтерновскую ось. Этот военный шаг против нас нельзя было не предвидеть.

О возможности внезапного нападения Гитлера после заключения с Германией пакта о ненападении с тревогой шептались у кухонных очагов домашние хозяйки. Они не верили Гитлеру, а тот, кто обладал всей полнотой государственной власти, у кого в руках сосредотачивались все нити разведки и информации, почему-то вдруг перестал понимать простые политические истины, бездействовал и на что-то надеялся. За полтора года, ради чего и было заключено соглашение о ненападении, ничего существенного не было сделано для подготовки отпора врагу, если не считать несвоевременный демонтаж старой границы, чем сами себя же и высекли.

Разговоры о внезапности нападения немцев не могли быть убедительны даже для людей, далеких от военного дела. Как можно было не знать о готовящемся нападении немцев? Современная массовая армия, оснащенная до зубов военной техникой, не иголка, и как искусно ни маскировать передвижение и сосредоточивание войск, скрыть это, тем более в мирных условиях, невозможно.

Многие годы людей призывали к бдительности, а когда

нависла угроза войны, о ней позабыли. Населению денно и нощно внушалась вера в силу и мощь государства, вера в способность этого государства отразить любое нападение противника. «Ни пяди своей земли не отдадим врагу!» — торжественно провозглашалось на весь мир. Песня «если завтра война, если враг нападет...», созданная незадолго до войны, сегодня звучала злой иронией.

Вспомнился маршал Тимошенко, сменивший Ворошилова, наркома обороны. Последние месяцы накануне войны на страницах «Красной Звезды» часто появлялись фотоснимки: нарком обучает тактическим действиям в поле отделения и взводы, указывает цель пулеметчику, заслушивает решение командира отделения. В статьях расписывали неумолимую деятельность наркома, который снизошел до обучения мелких подразделений. Наркому обороны разбазаривать ценное время на подготовку подразделений так же разумно, как стрелять по воробьям из пушек. Лучше бы ему заниматься государственными вопросами обороны, которые, как показали первые дни войны, далеко не были решены. Как видно, ни бои у озера Хасан, ни в районе Халхин-Гола, ни война с Финляндией не вразумили наших полководцев.

Рассветало. Я вышел в коридор и стал глядеть в окно.

«Мои еще спят, — подумал я о жене и дочке. — Что их ждет впереди? Сколько тяжелых, голодных и холодных лет предстоит им пережить?»

За окном мелькали поля, пролески и изредка у самой железной дороги — отдельные домики с крохотными огородами. Вот промелькнули грязные дощатые бараки, с четырех сторон огороженные забором с колючей проволокой и сторожевыми будками. Нетрудно было догадаться, что это лагерь заключенных. Вспомнил отца, без вины виноватого, который, вероятно, тоже живет в неволе в таком же бараке за колючей проволокой. Знает, наверное, что началась война, и еще более страдает вдали от близких людей, связь с которыми потеряна навсегда.

Припомнил во всех подробностях историю, связанную с арестом отца.

В самый разгар репрессий 1937 года пришло письмо от брата из Тбилиси, в котором он сообщал об аресте отца органами НКВД. Письмо пришло в село Черемхово, на Амуре, где стоял Отдельный Разведывательный батальон, командиром которого в то время я был. Там же располагался и штаб дивизии.

Обстановка в войсках была мрачная, каждый день шли аресты. Жили и работали в постоянном страхе. Письмо брата стало последней каплей, что переполнила чашу терпения. Я

решил подать рапорт Ворошилову, в котором докладывал об аресте отца и просил уволить меня из армии или назначить на такую должность, где бы у меня не было ни одного подчиненного, перед которым мне пришлось бы отчитываться. Просьбу свою мотивировал тем, что теперь мой политический авторитет в глазах подчиненных подорван.

В тот же день я вручил рапорт начальнику штаба дивизии полковнику Зайцеву. Он прочел не торопясь, затем почесал бритую голову, потер ладонью лоб, несколько раз сочувственно и внимательно посмотрел мне в лицо и, наконец, пробасил:

— Да-а-а, время такое, ничего не поделаешь. Вот вчера вечером забрали командира танкового батальона Алексеева...

Тогда никто не осмеливался откровенничать, даже близкие друзья старались избегать разговоров на политические темы. Объяснялись тонкими намеками и мимикой. Это растянутое «да-а-а», «ничего не поделаешь» и сообщение об аресте Алексеева давало мне понять, что командир дивизии далеко не в восторге от того, что творилось вокруг.

Затем он, подробно и даже с сочувствием расспросив об отце, сказал:

— Вот что я тебе скажу: на твоем месте я бы этого не делал. — Немного помолчав, продолжил: — Давай решим так: рапорт твой я оставляю у себя в сейфе, а ты иди, поразмысли спокойно и обстоятельно, без горячки, а завтра скажешь о своем окончательном решении.

На следующий день я подтвердил Зайцеву свое первоначальное решение.

Через месяц меня вызвали в округ. Принял меня начальник отдела кадров округа полковой комиссар Свинцов. Не так давно он был комиссаром артиллерийского полка нашей дивизии, мы с ним встречались на учебных командирских сборах, но друг друга хорошо не знали.

— Почему вы хотите уйти из армии? — спросил Свинцов.

— Мой отец, как вам известно из моего рапорта, арестован органами НКВД. Я знаю своего отца как прекрасного, честного и порядочного человека и могу поручиться, что он ни в чем не виноват. Арест отца я объясняю перестраховкой недобросовестных лиц из органов НКВД. После ареста отца я, естественно, теряю политическое доверие подчиненных и, как командир части, не считаю возможным оставаться в рядах армии, поэтому и ставлю вопрос о своем увольнении, — ответил я несколько взволнованно, но твердо.

Пока я говорил, я видел, как меняется выражение лица Свинцова. Я был уверен, что сейчас на меня обрушится весь

арсенал хорошо заученных доводов, да еще обвинения в политической беспринципности.

— Вы неправильно рассуждаете, — начал он наставительно. — Ни за кого в наше время ручаться нельзя. Мы с вами живем в период исключительно обостренной классовой борьбы, в окружении капиталистических государств, которые шлют нам десятки и сотни шпионов и мечтают только о том, чтобы развалить советское государство, ведут пропаганду и на эту удочку ловят простаков и людей, недостаточно политически подкованных. Откуда вы можете знать, чем дышит ваш отец? Как же вы так безответственно заявляете, что он не виновен, да еще ручаетесь за это?! Сейчас вскрываются такие преступные факты, когда враги народа...

Мне тошно было слушать проповедь слепого фанатика, и я перебил его:

— Все это я слышал не раз и знаю, что вы скажете дальше. Но я еще раз повторяю, что знаю своего отца, верю ему и ручаюсь за него.

Свинцов был возмущен. Он принадлежал к тому типу политработников, которые раз и навсегда отrekliсь от собственных убеждений, чтобы легче жилось.

Он накинулся на меня, доказывая абсурдность и аполитичность моих утверждений, и для пущей убедительности прокричал:

— У меня четверо братьев, все они честные и преданные коммунисты, и все-таки я ни за кого из них никогда не поручусь.

— Если вы не можете ручаться за родных братьев, — ответил я, — то это значит, что у вас плохая семья. Я же могу поручиться не только за отца, братьев и сестер своих, но и за друзей, которых я хорошо знаю. Вот месяц назад арестован командир отдельного танкового батальона товарищ Алексеев. Он мне не близкий друг, но я его хорошо знаю по службе и уверен в его невиновности.

Пример с Алексеевым вывел Свинцова из терпения. Не слушая меня, он зло кричал что-то мне в лицо. Я встал, чтобы прекратить этот глупый спор с человеком, у которого вместо мозгов газетные передовицы, и резко сказал:

— Вы мне своим криком ничего не докажете. Я настаиваю, чтобы мой рапорт был направлен Ворошилову.

Надев фуражку, я отдал честь и вышел.

Через три месяца был получен приказ наркома обороны о моем переводе в Томск старшим преподавателем тактики на курсы усовершенствования офицерского состава запаса. Моя просьба была выполнена: на курсах у меня не было ни одного подчиненного.

С вокзала я направился напрямик в штаб округа. На улицах у громкоговорителей толпились люди, надеясь услышать ободряющую весть. Все надеялись и ждали, что вот-вот наступит переломный момент и наша армия даст врагу сокрушительный отпор. Правительственные сообщения не приносили ничего утешительного, и люди расходились с тяжелым сердцем.

— Что будет? Что будет? — тяжело вздыхали женщины.

В отделе кадров штаба округа меня направили в распоряжение командира 40-й запасной бригады полковника Торопчина. Когда я услышал эту фамилию, мне стало не по себе. Торопчина я знал еще начальником Томских курсов усовершенствования командного состава, где я работал старшим преподавателем тактики до назначения в 365-й стрелковый полк. Симпатий друг к другу мы не питали. На меня он производил впечатление человека ограниченного, сухого и замкнутого. Он мало считался с нами, преподавателями, а меня, как мне казалось, просто терпеть не мог за мои частые критические выступления.

Назначение в запасную бригаду к Торопчину было ударом ниже пояса. Я совсем пал духом. Этого я никак не ожидал. Я думал, что назначение в запасную бригаду связано с недоверием ко мне, и переживал это как незаслуженную обиду. Направляясь в штаб бригады, я представил себе, как встретит меня Торопчин, и твердо решил, что при первом удобном случае повидая командующего округом и откровенно выскажу ему все, что накопилось в душе.

Торопчин, однако, принял меня приветливо, как старого хорошего знакомого. Я был приятно удивлен, настроение поднялось. Мне стало даже стыдно, что я так плохо о нем думал, а он оказался не мстительным человеком.

Назначен я был в запасной стрелковый полк заместителем командира по строевой части. Полк был большой, около 7000 человек личного состава. Два-три раза в неделю мы формировали маршевые батальоны численностью в 1000 человек и отправляли на фронт.

Командиром полка был полковник Никулин, прекрасный человек, очень спокойный и скромный. За все время работы он ни разу не повысил голоса, со всеми был вежлив и ровен. На общем фоне постоянной грубости, прочно укоренившейся в армии как обязательный атрибут командирской требовательности, он выглядел человеком, к которому не липла никакая грязь.

Первые несколько дней работы в полку Никулин приглядывался ко мне, но, увидев, что я быстро освоился с делом и работаю с душой, предоставил мне полную свободу, не опекая и

не вмешиваясь в мою работу. За всю свою многолетнюю службу в армии я редко видел командиров, умеющих полностью доверять своим подчиненным и верить в их способности, как это умел делать полковник Никулин. Такое отношение окрыляло меня, я чувствовал прилив сил и с нарастающей энергией и необыкновенным наслаждением выполнял свою работу.

Часто приезжал к нам Торопчин, проверить, как идут дела, и оставался доволен. Это был уже совсем другой человек по сравнению с тем, кого я знал в Томске, менее самонадеян и всегда любезен со всеми. Уезжая, крепко жал нам руки и, показывая Никулину на меня, с отеческой гордостью говорил: «Мой воспитанник!»

Работы было много, но настоящие трудности ожидали нас впереди. Настали дни, когда на фронт надо было отправлять ежедневно по одному, а иногда и по два маршевых батальона. В это горячее время, которое тянулось около месяца, нам почти не удавалось спать. Москва крепко нажимала на штаб округа, и мы понимали, что план отправки маршевых батальонов на фронт, несмотря ни на что, должен быть выполнен точно.

Чтобы не «промахнуться» в этом деле, командующий округом решил возложить ответственность за организацию этой работы на одно лицо, с непосредственным ему подчинением. Выбор пал на меня, как имеющего уже некоторый опыт.

Меня вызвали в штаб округа и представили командующему.

— Я доволен вашей работой, — сказал командующий, — но вижу, что многие вмешиваются и мешают вам работать. Поэтому я решил назначить вас старшим и ответственным за всю работу по формированию и отправке маршевых батальонов. Вы будете непосредственно подчиняться мне. Можете по своему усмотрению использовать офицеров штаба округа. В случае надобности, обращайтесь прямо ко мне. Ясно?

— Так точно, ясно, — ответил я.

— Есть ли у вас вопросы ко мне? — спросил командующий.

Я решил воспользоваться благоприятным моментом.

— У меня есть личная просьба, товарищ командующий. Я очень прошу вас, после того как справлюсь с этой работой, отправить меня на фронт.

И тут же рассказал ему о своем отце и в связи с этим мучившими меня сомнениями.

— Ничего отрицательного о вас мне не известно, — сказал он и, взяв телефонную трубку, попросил кого-то зайти к нему. Через несколько минут в кабинет вошел начальник Особого отдела округа.

— Вот т. Владимиров обратился ко мне с просьбой отправить

его на фронт, — сказал ему командующий, указывая на меня, — и в то же время он сомневается, окажут ли ему доверие драться за Родину. Есть ли у вас компрометирующие данные и что вам известно об отце т. Владимирова?

Начальник Особого отдела взглянул на меня и, немного подумав, ответил:

— Нет, ничего компрометирующего нет. А об отце я постараюсь навести справки.

— Вот и прекрасно, — сказал командующий. — Сейчас вы нужны здесь, и сами видите, что и тыл нуждается в знающих офицерах. Даю слово, что при первой возможности, как только спадет напряжение, я направлю вас на фронт.

Я поблагодарил командующего и как на крыльях полетел на работу, которой было по самое горло. Надо было многое успеть сделать за очень короткие сроки. Чуть ли не каждый день прибывали две-три тысячи запасников. Их надо было распределить по военно-учетным специальностям, обработать в санитарно-пропускных пунктах, одеть, обуть во все военное, выдать снаряжение и личное оружие. Затем составить из них маршевые роты, батальоны и, снабдив запасами продовольствия, посадить в вагоны. Работа считалась законченной только после доклада начальника эшелона о принятии людей и готовности к следованию по железной дороге.

Мы имели дело с разными людьми, и с рабочими, и с колхозниками, превращая их в солдат и младших командиров. Переход из одного состояния в другое совершался в течение нескольких часов. Этот механический процесс был значительно короче процесса психологического. Успех же нашей работы во многом зависел от психического состояния людей, над которыми мы трудились. Друг друга мы понимали плохо. Мы спешили сделать из них солдат, а они совсем не торопились на этом пути. Мы чувствовали ответственность военного времени и были обязаны строго придерживаться графика работы, а они, оторванные накануне от родных мест, семьи и своего дела, мыслями своими были еще там, у себя дома.

Но беда была даже не в этом. К нам прибывало пополнение, по традиции изрядно подгулявшее и на довольно высоком градусе. С ним было невозможно нормально работать. Призывники представляли собой возбужденную, крикливую и шумную толпу, которая никого и ничего не слушала. Чуть ли не с каждым в отдельности приходилось вести разговоры или просто тащить за руку. Мы надеялись, что хмель скоро пройдет, однако заблуждались — чем дальше, тем больше люди хмелили. Казалось, что винные пары не испаряются, а сгущаются в их

крови. Особенно трудно было в бане. Под двойными парами их так сильно разбирало, что никакие уговоры не действовали. Сидя на лавках в мыльной пене, они горланили песни, стараясь перекричать друг друга.

Русский человек любит помыться и попариться в бане, и моется он неторопливо, обстоятельно, с особым наслаждением, как бы смывая с себя все заботы и неприятности, накопившиеся за неделю. Под винными парами это удовольствие, видимо, удваивалось.

Но время не ждет, и мы вынуждены были их торопить. Буквально каждого приходилось выводить за руку. И в то же время было жаль лишать их этой радости. Кто знает, сколько их вернется домой с войны? Эта баня могла быть последней для многих.

После помывки второй партии мы поняли причину столь продолжительного опьянения. Оказалось, что у многих в продуктовых мешках хранились бутылки с водкой, к которым они понемногу прикладывались.

Надо сказать, что даже в таком состоянии люди все-таки осознавали серьезность положения — не было ни грубости, ни драк, только шумная, пьяненькая толпа, напоминающая рой встревоженных пчел.

Несмотря ни на что, мы стремились организовать работу так, чтобы ничто не смогло нарушить ее жесткого графика. Имея небольшой практический опыт и еще раз тщательно продумав все вопросы, мы составили подробную схему работы с людьми, предусмотрев в ней все до мелочей. Надо сказать, что схема оказалась удачной.

Принятый порядок требовал большего числа людей для обслуживания прибывающих команд. С разрешения командира полка я отобрал около полусотни лучших сержантов и солдат кадрового состава. Подробно ознакомив их с общими и частными задачами и распределив между ними обязанности, я тут же, на месте провел со всеми практические занятия. Когда они все твердо усвоили, мы приступили к работе. Сразу все пошло как по маслу.

Работа была организована примерно так: как только прибывали люди, мы выстраивали их по командам, и сержанты, выделенные для этой работы, осматривали у каждого продуктовые мешки и извлекали бутылки с водкой. Тут же, на глазах у всех, водку выливали на землю. «Пострадавшие» чуть ли не со слезами укоряли «варваров-сержантов» в истреблении дорогостоящего продукта. Иной раз, не выдержав бесчеловечных мук, бранились от всего сердца. Другого выхода у нас не было. Не

отбирать бутылки было нельзя, это опять привело бы к тому, от чего мы с таким трудом освобождались. Отправлять водку в санчасть для медицинских целей — значило дать повод для нежелательных разговоров. Этой не совсем деликатной мерой мы, конечно, вызывали недовольство, но зато обеспечивали порядок. Мы видели, как люди, не имея чем воздать дань Бахусу, быстро трезвели.

Далее начинался конвейер. Военнообязанные, разбитые по командам, в порядке очередности и точно по графику проходили установленные пункты обработки под командой моих многочисленных помощников из рядового и сержантского состава.

Обработка людей начиналась со стрижки волос, для чего было временно мобилизовано в городе 30 парикмахеров. После стрижки все раздевались, упаковывали свои вещи в мешки, писали на них адреса и сдавали сержантам для отправки по почте домой. После этого команды заводились в баню, где старшина с десятью солдатами вручал каждому мыло, мочалку и бачок для мытья. Они же следили за тем, чтобы никто дольше 30 минут в бане не задерживался. Закончив мытье, люди выходили в предбанник. Там они получали полотенце и нижнее белье. Надев белье, гуськом, друг за другом, шли по прямой, застланной соломой дорожке, с обеих сторон которой, в порядке последовательности надевания, находилось разложенное по размерам обмундирование, обувь, а также снаряжение. Выдачей и подгонкой обмундирования занимались сержанты. Чтобы не было задержки, каждый сержант имел один-два предмета, не больше. На последнем пункте этой дорожки один из средних командиров проверял подгонку обмундирования, снаряжения и вручал винтовку. На все это дело уходило около 70 минут.

Люди так быстро преображались, что даже друзья порой не узнавали друг друга. Помню случай. Собралась в кружок группа мобилизованных, только что прошедших санобработку и обмундированных во все новое. Стоят, курят. Разговор идет вяло, озираются по сторонам в поисках своих знакомых. Вдруг один из солдат, вытаращив глаза на стоящего рядом с ним, вскрикивает:

— Колька! Ты это али нет?

По его выражению лица видно, что он не уверен, что рядом с ним стоит его закадычный друг Колька.

— Егор? Вот черт, не узнал дружка своего!

Друзья от радости, что не потерялись в массе одинаково одетых людей, обнялись и хохочут во все горло.

— А кудри твои куда девались? — спрашивает Егор. Колька снимает пилотку, проводит рукой по стриженной голове и с

улыбкой отвечает:

— Нетути, сняли... будем живы, отрастут, а теперь на кой ляд они мне!

Все один за другим сняли пилотки и начали ощупывать свои стриженные головы.

Сейчас, после войны, с грустью и сожалением вспоминаю, с какой бесцеремонной поспешностью приходилось нам отправлять людей на фронт. Грустно, потому что не смогли мы уделить им должного внимания, которого они заслуживали. Большинство из них самоотверженно и мужественно прошли по дорогам войны, а многие навечно остались лежать в родной или чужой земле, отдав за Отечество свои молодые жизни.

К концу июля резко сократилось число маршевых батальонов, отправляемых на фронт.

В первых числах августа меня вызвали в штаб округа. Командующий округом представил меня генерал-майору Волчкову, которому поручалось сформировать и возглавить 143-ю запасную лыжную бригаду.

— Вот вам готовый начальник штаба, знакомьтесь, — сказал командующий Волчкову, указывая на меня.

Я представился, а затем обратился к командующему:

— Вы же обещали отправить меня на фронт, как только работы в Новосибирске будут закончены.

— Я помню и сдержу слово, — ответил командующий. — Нам в ближайшие месяцы предстоит сформировать несколько стрелковых соединений. Формирование одного из них будет возложено на вас. Закончите работу и отправитесь на фронт. А пока помогите товарищу Волчкову. Сегодня же, чтобы не терять время, отправляйтесь вместе в Красноярск, где будет дислоцироваться управление вашей бригады.

Красноярск более других сибирских городов устраивал меня, так как там жила моя семья. Кроме того, меня привлекала новая, большая работа.

Организационно в запасную лыжную бригаду входили пять запасных стрелковых полков, один артиллерийский и три отдельных батальона общей численностью более 30 000 человек постоянного и переменного состава. Территориально части бригады разворачивались в широкой полосе Восточной Сибири от Канска до Минусинска.

Пока мы были в дороге, в удобном двухместном купе спального вагона, я присматривался к своему новому патрону. Он был старше меня лет на десять, очень опрятен, подтянут и вежлив. Держал себя просто, но с достоинством, соблюдая определенную дистанцию. Было видно, что он происходит из

интеллигентной семьи. Длительный опыт работы в армии с людьми подсказывал мне, что я буду иметь дело с человеком справедливым, выдержанным, но недостаточно общительным. В его характере было много черт, присущих офицерам, которые долгое время не работали в строю.

В Красноярск мы прибыли поздно ночью. После того как Волчков устроился в гостинице, я отправился домой, в военный городок в 6 км от города. Дома меня не ждали и были несказанно рады моему внезапному появлению. Мы проговорили всю ночь, так как после месячной разлуки, за время которой произошло столько событий, было о чем поговорить. Уснул я только под утро, естественно, проспал и опоздал на 15 минут. Волчков уже ждал меня в штабе. Встретил сурово.

— Вы опоздали на 15 минут, — сказал он, глядя на свои часы. — На первый раз ограничусь замечанием, но предупреждаю, чтобы подобных опозданий впредь не было.

Конечно, я был виноват, но в то же время меня задел его излишний формализм.

«Настоящий аппаратчик, — подумал я. — Будь на его месте строевой командир, он сумел бы войти в положение человека, приехавшего домой, к семье».

Волчков, еще не зная меня и моего отношения к делу, решил дать своему новому подчиненному на всякий случай наглядный урок требовательности и аккуратности. Эта была первая и последняя натянутость в наших отношениях. В дальнейшем все сложилось как нельзя лучше.

Работы в Красноярске было много. Нужно было сформировать части, разместить, обеспечить материально и организовать боевую и политическую подготовку. Везде мы сталкивались с большими трудностями. Казарменного фонда не хватало, приходилось просить, а иногда и требовать у местных властей жилые помещения, склады и квартиры для офицерского состава. Не меньше проблем представляло собой налаживание воинского порядка, дисциплины и боевой учебы. Многие офицеры поступали к нам из запаса с низким уровнем военной подготовки, без командирских навыков. Эти необходимые качества могла им дать только практическая работа непосредственно в частях и подразделениях, но в подготовке войск мы были ограничены во времени. Кроме того, с наступлением зимы весь личный состав должен был получить твердые практические навыки в лыжной подготовке. Помимо этого, мы периодически по заданию штаба округа формировали маршевые роты и батальоны и отправляли их на фронт. Штаб бригады работал круглые сутки, но никто не жаловался на усталость, даже машинистки, — наоборот, работали

все с необъяснимо откуда взявшейся просто неиссякаемой энергией. Желание трудиться в те необыкновенные месяцы подъема можно сравнить с неутолимой жадью, когда пьешь, пьешь и все не можешь напиться. В то тяжелое время для нашей страны мы трудились как одержимые.

За время моей работы в 143-й запасной бригаде пару раз проездом на несколько часов останавливался в Красноярске командующий войсками округа генерал-лейтенант Медведев. На вокзале его встречали генералы красноярского гарнизона. Вместе с ними был и Волчков. Перед выездом, готовясь к докладу о положении дел в бригаде, он нервничал, волновался, а возвращался расстроенным и подавленным. Командующий любил в разговоре употреблять крепкие выражения, а невзлюбив подчиненного, бранился зло и долго, пока не доводил свою жертву до отчаяния. К сожалению, с легкой руки Ворошилова, брань широко распространилась в нашей армии. Мне вспоминается один из многих рассказов о Ворошилове на эту тему.

Ворошилов любил стрелять из пистолета и при всяком удобном случае демонстрировал свое мастерство командному составу. Находясь как-то в одной из частей Ленинградского военного округа, он решил проверить офицеров в стрельбе из пистолетов. Как и следовало ожидать, результаты оказались неудовлетворительными. Тогда Ворошилов решил лично продемонстрировать офицерам класс. После стрельбы офицерам принесли и показали мишень с пробоинами. Результаты были отличными.

— Вот как надо стрелять, — сказал Ворошилов и для пущей убедительности употребил крепкое словцо.

Довольный своим результатом, он весело беседовал с офицерами, стыдил их и острил на их счет, пересыпая остроты нецензурными словечками. К концу беседы один из молодых политруков роты попросил разрешения у Ворошилова обратиться к нему с вопросом.

— Что там у вас, говорите, — разрешил Ворошилов.

— Товарищ Маршал Советского Союза, — робко, тоненьким голоском начал политрук, — в вашем приказе, который нам зачитывали, говорится о том, что в войсках армии распространена матерная брань и предлагается покончить с этим бескультурьем, а тех, кто ругается, строго наказывать. А вот вы сами все время материтесь. Как это понимать?

Ворошилов вспыхнул, побагровел, хотел что-то ответить, но вдруг, круто обернувшись к командующему войсками Ленинградского округа Белову, сказал:

— Белов, объясни! — и тут же удалился к своему автомобилю.

Все были смущены. Белов долго стоял, ошеломленный неожиданным поворотом дела, зло посмотрел на офицеров, затем укоризненно покачал головой и, не найдя никакого объяснения, выпалил:

— Эх, вы, мать вашу... Какого человека обидели! — и быстро направился к Ворошилову.

От командующего Александр Тимофеевич Волчков возвращался «убитый», молча проходил к себе в кабинет, садился за письменный стол и, откинувшись на спинку кресла, долго тер платком лоб и затылок. Работать в этот день он уже не мог: общение с командующим выбивало его из колеи. Он тяжело переживал грубости в свой адрес, это лишало его сразу дара речи, что еще больше подогревало командующего.

Как-то после одной из таких словесных экзекуций я зашел к Волчкову выяснить, чем конкретно был недоволен командующий. Александр Тимофеевич не сразу нашелся, что ответить. Он тяжело вздыхал, о чем-то напряженно и мучительно думал, ерзал в кресле и все время вытирал платком потный лоб. Наконец, как бы очнувшись, с усилием выдавил из себя:

— Да-а-а... знаете ли... должен вам сказать... — Он развел в стороны руки, показывая, что сам ничего не может понять.

Сам по себе Медведев был неплохим человеком. Он не щадил себя в работе, болел за дела округа, любил порядок, дисциплину, был отзывчив, умел ценить хороших командиров и проявлял заботу о подчиненных. Солдафонство его, как и многих других военачальников, имело свое объяснение. Как правило, тон общения с людьми задавался сверху. Приоритет этого, казалось бы, несвойственного советской действительности тона всецело принадлежал нашим бывшим партийным вельможам. Это были люди невежественные, а многие из них и аморальные, но наделенные неограниченной властью. Все нижестоящие казались им жалким ничтожеством. Дурной пример заразителен, особенно для людей с низким культурным уровнем. Вот так вниз по ступенькам служебной лестницы передавалась от старшего к младшему эта зараза.

Общение с Медведевым делало Волчкова абсолютно беспомощным, лишало уверенности в своих силах. Ему все казалось значительно сложнее, чем было на самом деле.

Помню, я сидел в столовой за только что поданной тарелкой супа. Подходит ко мне дежурный по штабу с приказанием от Волчкова немедленно прибыть к нему. Я решил доест суп и сказал офицеру:

— Доложите генералу, что буду у него через пять минут.

— Генерал приказал, чтобы вы все бросили и явились, — пояснил дежурный офицер.

«Видимо, что-то очень срочное», — подумал я и побежал в штаб.

Войдя в кабинет, я увидел озабоченного Волчкова и подумал, что что-то действительно стряслось. Он потел, тяжело дышал — первый признак волнения.

— Не знаю, как быть, — обращаясь ко мне, сказал Волчков, разводя руками. — Только что по прямому проводу разговаривал с командующим. Он требует, чтобы ровно через два часа ему были представлены служебные характеристики на всех командиров частей. Когда я заикнулся, что за такой короткий срок этого сделать невозможно, он и слушать не захотел, и категорически потребовал выполнить его приказание в срок. Ну и, как всегда, не обошлось без крепких слов.

Последняя фраза была произнесена с горькой гримасой на лице.

— Как же нам быть? Просто ума не приложу, — продолжал он, растерянно глядя на меня.

Опасения Волчкова показались мне преувеличенными.

— Вы обедали, Александр Тимофеевич? — спросил я.

— Да какой там обед, когда я просто не знаю, как за два часа составить девять характеристик. В таком идиотском положении я еще никогда не находился.

— Идите обедать, отдохните, а через полтора часа приходите в штаб. К этому времени характеристики будут готовы. Вы их подпишете, и мы прямым проводом передадим их в штаб округа, — сказал я спокойно и уверенно.

Мои слова произвели на Волчкова такое впечатление, как если бы я отважился сразиться с целым полком.

— Да как это вы так вдруг сделаете? — спросил он недоверчиво.

— Сделаем все, как надо, не беспокойтесь, идите обедать.

Проблема была в том, что все люди в бригаде были новыми и своих командиров частей знали плохо. Давать правдивую характеристику офицеру, которого почти не знаешь, вещь не из легких. Это и беспокоило Волчкова, который привык ко всему относиться честно. Он не видел выхода из этой ситуации. Но выход был.

Как только Волчков ушел, мы с начальником отдела кадров капитаном Боничем приступили к работе. Прежде всего мы просмотрели личные дела, аттестации за прошлое время и записали каждому в характеристике, каким служебным опытом

обладает и как аттестовывался в прошлом. В конце добавили только то, что знали о каждом, указав при этом, что за короткий срок совместной работы не было возможности хорошо узнать человека. В результате такого подхода характеристики оказались достаточно полными и правдивыми.

Когда Волчков вернулся в штаб, все характеристики лежали у него на столе. Он раскрыл папку и начал читать. Читал он вдумчиво, не торопился. Постепенно лицо его прояснялось. Дочитав последнюю характеристику, он с благодарностью посмотрел на меня, встал, обнял и, улыбаясь, сказал:

— Вы прямо кудесник!

Я был доволен, что этот славный, немного наивный человек воспрял духом. На ум пришли строчки из «Ларчика» Крылова:

Случается нередко нам
И труд, и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться,
За дело просто взяться.

Не стал я цитировать классика: не хотелось его обижать.

С тех пор Волчков стал больше мне доверять. Он уже не боялся оставлять штаб и выезжать в войска. Теперь он уже не докучал мне своими подробными указаниями.

Позже, когда он увидел, что разговоры по телефону с начальством у меня заканчиваются на более благоприятной ноте, чем у него, то и эту дипломатическую миссию возложил на меня.

Разговаривать с начальством надо действительно уметь. Одну и ту же вещь можно преподнести так, что в одном случае похвалят, а в другом — получишь нагоняй. Эту хитрую «науку» особенно хорошо многие из нас изучили на фронте.

Штабу приходилось заниматься еще и гарнизонными делами, так как Волчков был одновременно начальником гарнизона г. Красноярска.

В частях бригады люди, готовясь к отправке на фронт, вели себя на редкость дисциплинированно, и случаев чрезвычайных происшествий почти не было. Но совершенно по-иному вели себя те, кто находился на излечении в красноярском госпитале. Многие из них получили ранения при подходе к фронту, не побывав еще в боях и не успев сделать ни одного выстрела. Бравирова повязками и костылями, они изображали из себя героев, проливших кровь за Родину. Самовольно группами они удирали из госпиталей, напивались и устраивали драки на улицах города и в общественных местах. Начальники госпиталей жаловались на них, но были бессильны против самовольных отлучек, так как

раненные с верхних этажей спускались через окна, связав простыни. Комендантский патруль, постовые милиционеры и местные жители относились к ним как к фронтовикам, снисходительно и всячески старались их «умиротворить». Но «фронтовики» не успокаивались, а еще больше распалялись. Видя, что их действия остаются безнаказанными, разбушевавшиеся «герои» избивали тех, кто пытался их урезонить, и лезли в драку с представителями власти. Тогда из милиции поступал сигнал SOS. Приходилось бросать работу и выезжать к месту происшествия. Из своего армейского опыта я знал, что в таких случаях надо действовать решительно и строго. Не разбираясь, кто прав, кто виноват, я действовал только командами, которые быстро приводили в чувство как победителей, так и побежденных. Утихомилив дебоширов, я строем отправлял их на гарнизонную гауптвахту, где за ночь в холодном помещении они приходили в нормальное состояние и в дальнейшем вели себя тише.

В декабре я заболел гриппом и лежал дома. Это был шанс видеть свою семью. Рано утром уходя на работу и возвращаясь далеко за полночь, я видел жену и дочку только спящими, а выходных дней мы не имели.

На третий день болезни утром, когда температура еще держалась, ко мне на квартиру принесли телеграмму из штаба СибВО следующего содержания:

«Вручить немедленно Волчкову. Подполковника Владимирова расчетом прибытия 14 декабря первым отходящим поездом командуйте распоряжение комвойсками».

«Наконец-то меня вызывают для отправки на фронт», — подумал я. Забыв о болезни, быстро оделся, собрал необходимые вещи и отправился в штаб бригады за проездными документами и в ту же ночь выехал в Новосибирск.

Начальник отдела кадров представил меня командующему, а затем начальнику штаба округа. Что говорил мне командующий войсками округа, помню плохо. От высокой температуры у меня кружилась голова, я едва держался на ногах, но все время думал о том, чтобы командующий не заметил моего состояния. В кабинете начальника штаба округа мне стало еще хуже. Я видел его как в тумане, слышал голос, но никак не мог сосредоточиться на его словах. У меня было только одно желание — как можно скорее добраться до вокзала, сесть в вагон, лечь и уснуть. А начальник штаба, как нарочно, все говорил и говорил, медленно расхаживая по своему огромному кабинету.

Из всего сказанного мне было ясно, что надо немедленно

отправляться в поселок Уяр, станция Клюквенная (возле Красноярска), в месячный срок сформировать 140-ю отдельную стрелковую бригаду и отбыть с ней на фронт.

Как я добрался до своего вагона, не помню, наверное, шофер довез меня до вокзала и помог разыскать поезд и вагон.

Я сразу заснул, а проснулся перед самым Красноярском, весь мокрый от пота, но в гораздо лучшем состоянии. С вокзала я сразу поехал в штаб бригады, чтобы доложить генералу Волчкову о моем новом назначении.

Волчков с сожалением выслушал меня, ему явно не хотелось расставаться со мной.

— Мне очень, очень жаль терять вас, — сказал Волчков, — но... ничего не поделаешь, — добавил он с грустью. Мы тепло распрощались с ним, пожелав друг другу успехов. Так я расстался с человеком, с которым проработал душа в душу четыре недолгих, но горячих месяца.

Судьбе, однако, было угодно, чтобы мы встретились вновь в Москве после войны, в 1945 году. Встретились случайно во дворе пропускного бюро 1-го дома НКО. Очень были рады снова увидеть друг друга, обнялись, расцеловались. Вопросы, воспоминания — как это обычно бывает. Я поделился с ним своими квартирными затруднениями, которые и привели меня в бюро пропусков. Я направлялся к начальнику управления кадров, чтобы, в связи с отсутствием квартиры в Москве, отказаться от учебы на ВАКе, куда я был зачислен кандидатом, и просить о направлении на службу в войска.

— Машина у вас есть? — спросил Волчков.

— Есть, — ответил я, не понимая, какое это имеет отношение к нашему разговору.

— Видите ли, я давно искал хорошего человека, которому мог бы передать свою квартиру. После ухода в отставку я переселился к себе на родину, в Пензу. Квартира пустует. Давайте, не откладывая в долгий ящик, поедем, и я вам ее передам.

Я был на седьмом небе. Так, в благодарность за помощь в работе Александр Тимофеевич наградил меня редким для нашего времени подарком — прекрасной отдельной квартирой, где я живу до сих пор.

Это была наша с ним последняя встреча. Через два года Александра Тимофеевича не стало, но я всегда вспоминаю о нем с благодарностью, как о прекрасном человеке, с которым свела меня судьба.

Работа в 143-й запасной лыжной бригаде была первой большой работой, которой я отдавал все свои силы, а взамен

получил бесценный опыт, который очень пригодился мне в будущем.

Труды мои в бригаде не остались незамеченными. Мне было присвоено очередное звание подполковника, и приказом командующего войсками СибВО я был награжден месячным окладом.

Не совсем оправившись от перенесенного на ногах гриппа и чувствуя неприятную слабость во всем теле, я все-таки решил отправиться к месту нового назначения в поселок Уяр (ст. Клюквенная). Там уже начала формироваться 140-я отдельная стрелковая бригада.

На станции меня встретил с искренним дружелюбием, как встречают долгожданных друзей, комиссар бригады подполковник Борис Михайлович Луполовер. Он сразу расположил меня к себе. Командиру далеко не безразлично, с каким комиссаром предстоит работать. Равные в правах, они, как пара коней в упряжке, изо дня в день везут тяжелый воз служебных обязанностей. Работа их должна строиться на взаимном уважении и доверии. Когда этого нет, появляются непринципиальные разногласия, мелкие раздоры, часто переходящие в скрытую враждебность, отчего в конечном счете страдает дело.

Надо сказать, чем шире у нас насаждались азиатские методы управления страной, тем быстрее и обширнее шел процесс обновления офицерских кадров. На смену опытным офицерам выдвигались менее подготовленные, а зачастую и менее разборчивые в вопросах нравственности. Все, чем был интересен и красив человек, все личное, индивидуальное было раздавлено как лишнее и вредное. Никто не осмеливался в те печально памятные годы выражать свои взгляды, чувства, симпатии, если они не отвечали официально принятым. Вполне естественно, такая средневековая обстановка, где «все дрожало, все безмолвно повиновалось» (лучше А. С. Пушкина не скажешь), порождала определенный тип людей, умеющих лавировать и приспособливаться. Даже после долгих сроков заключения эти люди подчас выходили оттуда такими же, какими и входили, а свои злоключения объясняли закономерным проявлением классовой борьбы в стране, в ходе которой возможны всякие отклонения: лес рубят — щепки летят. Неужели в их головах ни до ареста, ни после не шевельнулась мысль, а все ли благополучно в руководстве партии? Я много раз задумывался об этой породе человека, стараясь понять его психологию. Пришел к выводу, что это совершенно особый вид, предки которого, если верить в переселение душ, были четвероногими его друзьями.

Очевидно, поэтому у этих людей такая рабская покорность хозяину.

В последние годы перед Отечественной войной у нас заметно снизился качественный уровень офицерского состава. Часто встречались люди, чьи способности и подготовка совершенно не отвечали занимаемому положению в армии. То же самое, если не в большей степени, относилось и к политработникам. Вполне понятно, как невыносимо тяжело командиру, когда он вынужден ежедневно, бок о бок работать с тупым, ограниченным и самоуверенным типом, про кого говорят: «На грош амуниции, а на рубль амбиции». Б. М. Луполовер не принадлежал к этой породе, что меня очень радовало, а чем лучше я узнавал его, тем большим уважением проникался к нему.

В течение двух зимних месяцев шла напряженная работа по формированию бригады и подготовке ее к предстоящим боевым действиям. На базе кадрового полка мирного времени формировалось уже третье очередное соединение. Каждая часть, убывая на фронт, действовала по принципу: после меня хоть потоп. В результате такого отношения совсем еще недавно благоустроенный военный городок походил на поле ратное после Мамаева побоища. В казармах и землянках, предназначенных для размещения личного состава бригады, царил хаос: недоставало дверей и окон, внутреннее оборудование во многих местах было разобрано и растащено. Нужно было проявлять немалую изобретательность, чтобы, не имея ни средств, ни нужных материалов, заделывать все дыры.

Личным составом бригада укомплектовывалась главным образом за счет кадровых частей, расположенных в Монгольской Народной Республике, и только частично призванными из запаса по мобилизации и выздоравливающими после ранения. Большинство солдат, прибывших из МНР, были старослужащими, по третьему году службы. Все они стремились на фронт. Командный состав был представлен в основном кадровыми офицерами, не имеющими еще боевого опыта.

Несмотря на тяжелые условия, люди сохраняли бодрость духа. Я не помню, чтобы кто-то ныл, жаловался, выражал недовольство или нарушал дисциплину. Трудности переносились спокойно, на них просто не обращали внимания. Люди понимали, что стыдно жаловаться, когда на фронте идут кровопролитные бои, хотя оттуда стали все чаще поступать радостные вести: то в одном, то в другом месте наши войска переходили в наступление. Вслед за Ростовом освобождены Елец, Тихвин, Калинин. Наконец-то после длительного отступления и колоссальных потерь поднялась, как писал Л. Н. Толстой в «Войне и мире», «...дубина

народной войны со всею своей грозною и величественною силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие».

Народ воспрянул духом, и нашим ребятам уже не сиделось в Уяре.

Была у нас, правда, одна проблема, которая доставляла много хлопот. Несмотря на все принятые меры, мы никак не могли справиться с вшивостью. Начальник медслужбы бригады майор Иван Данилович Евсюков, энергичный и ответственный за свое дело врач, казалось, предпринимал все, что было в его силах, но безуспешно. Я нажимал на него, командиров частей и подразделений, требовал ежедневных профилактических осмотров и докладов. Евсюков добросовестно выполнял свои обязанности, но порадовать меня ничем не мог.

— Вы что-то не доделываете, — говорил я Евсюкову, — нужно кропотливо, не спеша, от начала до конца проверить весь процесс обработки как личного состава, так и нательного белья и жилых помещений.

— Все это делается, и очень основательно, — ответил он мне, — но найти причин пока не удастся.

— Тогда поработаем вместе и начнем с прачечной, — сказал я.

В прачечной на складе чистого белья нас встретила заведующая, полуграмотная женщина, жена уехавшего на фронт бойца. На стеллажах, столах и полу лежали связки нательного белья.

— Вот, товарищ заведующая, никак нам не удастся избавиться от паразитов. Решили посмотреть, все ли у вас здесь содержится в порядке, — объяснил я ей причину визита.

Женщина взглянула на меня с явным недоумением, не разделяя, очевидно, нашего беспокойства, а потом ошарашила вопросом:

— А разве люди могут быть без вшей?

Мы онемели. Я посмотрел на Евсюкова, он был явно смущен и растерян, чувствуя неловкость за подчиненную, чьи первобытные взгляды никак не вязались с задачами санитарной службы. Мы не стали ничего объяснять и приступили к обследованию склада. Сразу же обнаружилось, что рядом с чистым бельем лежат узлы грязного. Очаг распространения вшивости оказался на складе в прачечной.

Первый военный Новый, 1942 год мы встречали вдали от фронта в Уяре. Сержантов и солдат у нас было мало, но

офицерским составом мы были почти полностью укомплектованы. Появилась возможность собраться единой семьей, в непринужденной обстановке, поговорить по душам и лучше друг друга узнать.

Как водится, за праздничным столом были и тосты, и речи. Себе желали успехов в ратных делах, Родине — победы, женам — скорых встреч с мужьями. Впереди была неизвестность. Все понимали, что смертельный вихрь войны пронесется над каждым, а там... как повезет.

Но живой, к счастью, думает о живом. Грустные мысли улетучивались, на смену пришли песни, танцы, смех. Разошлись на рассвете. Под ногами приятно похрустывал снег, а 30-градусный мороз больно хватал за уши.

В конце первой половины января 1942 года бригаду проверял лично командующий войсками СибВО. Меня, уютно спящего под теплым одеялом, разбудил дежурный по бригаде и доложил, что генерал-лейтенант Медведев прибыл в своем вагоне на станцию Ключевенная.

Зная горячий нрав генерала, я вскочил, быстро оделся, разыскал Луполовера, и мы, словно пара орловских рысаков, помчались на станцию. Узнав у начальника станции о месте нахождения вагона, мы, немного отдышавшись, приняли бравый вид и направились к нему. Командующего на месте не было. К нам вышел его адъютант и с ехидной улыбкой сообщил:

— Командующий войсками округа направился в подразделения бригады. Он встает рано и командиров к себе не вызывает.

Генерала мы нашли в поле, в одном из батальонов, где подразделения отрабатывали «оборону». Не успел я отрапортовать ему, а комиссар — представиться, как командующий накинулся на нас с бранью и криком:

— Натрепались, черт вас возьми, «завоюем гвардейское знамя»! — процитировал нас Медведев. — Черта с два с такой подготовкой вы станете гвардейцами.

Бригада не имела еще лопат, и солдаты на занятиях не окапывались. Это и возмутило командующего. Говоря о гвардейском знамени, он имел в виду наше письмо крайкому и крайисполкому, в котором мы от лица личного состава бригады заверяли краевое начальство, что добьемся успехов в предстоящих боях и получим наименование «Гвардейская бригада».

Я терпеливо молчал, понимая, что в этот момент любое слово послужит поводом к еще более яростной вспышке гнева. Цель проверки была ясна: оценить состояние бригады и, где надо,

помочь, а вдобавок, независимо от того, как мы работаем, «дать нам духу», чтобы работали еще лучше. Такая практика была широко распространена в армии и, очевидно, брала свое начало еще с петровских времен, когда рекомендовалось требовать невозможного, чтобы получить максимум возможного.

Борис Михайлович, однако, стал довольно смело и резонно возражать генералу, и это окончательно вывело командующего из себя. Из его уст, как из кратера действующего вулкана, летели на наши головы выражения одно другого крепче. Я делал знаки Луполоверу, чтобы он помолчал, но он не замечал их и продолжал отстаивать наши позиции, тем самым вызывая еще большую ярость начальства. В конце концов, поняв, что командующий обладает неиссякаемым запасом самой отборной лексики, комиссар бригады наконец замолк.

Проверив тактическую подготовку батальона, командующий направился к землянкам, где размещался личный состав батальона. Убогие, сырые, холодные землянки вызвали новый приступ злой ругани в наш адрес. Луполовер, к счастью, хранил молчание, и я решил, во избежание дальнейших вспышек высочайшего гнева при проверке других объектов, доложить генералу, что мы сами не в восторге от целого ряда имеющихся в бригаде недостатков:

— В этой землянке, товарищ командующий, — докладывал я, — еще сравнительно терпимо, во многих других — значительно хуже. Дыр много, и мы делаем все, чтобы навести порядок, но на каждом шагу встречаемся с большими трудностями, и особенно по части приобретения нужных материалов для оборудования землянок и других помещений.

Медведев выслушал меня, не перебивая, поворчал в своем стиле по нашему адресу, но уже в более низком регистре, и направился к казармам.

Долго еще ходили мы по расположению бригады. Командующий дотошно осматривал все, что в какой-то степени могло отразиться на ее боеспособности. Чем больше он знакомился с делами бригады, тем больше оттаивал. Во второй половине дня он провел строевой смотр всей бригады. Обходя строй, он останавливался почти перед каждым солдатом и офицером, внимательно осматривая обмундирование и снаряжение. Смотр закончился опросом претензий. Все это делалось строго по правилам устава, не сокращая и не ускоряя долгую процедуру.

На дворе начало темнеть, мороз крепчал, давал о себе знать, особенно нам, голодным и холодным с раннего утра. Опрос претензий прошел отлично. Ни одной жалобы не было заявлено.

Большинство офицеров и солдат выразили желание скорее отправиться на фронт.

К этому времени у командующего уже сложилось достаточно полное и, очевидно, неплохое впечатление о состоянии бригады. Он по-отечески терпеливо выслушал нас и во многом даже с нами согласился. Все в нем оттаяло — и лицо, и голос, и взгляд. Напускная суровость уступила место его природной доброте.

Уже совсем стемнело. Мы решили, что на этом командующий закончит проверку, но ошиблись. Работа продолжалась еще около двух часов и закончилась только после того, как было проведено собрание младших командиров и совещание офицерского состава. Командующий подробно рассказал о положении дел на фронте и о полугодовом опыте войны. На прощание он дал офицерам несколько общих полезных советов и пожелал боевых успехов.

Отпустив всех, он велел нам остаться, пригласил сесть и сказал:

— Люди у вас хорошие. Скоро получите путевку на фронт. Смотрите, выполните обещание, данное вами крайкому. Будьте достойны сибиряков. Скоро получите все положенное из оружия и матчасти по штатному расписанию.

Потеплевший взгляд уставших глаз и теплые, душевные нотки голоса сказали нам то, о чем умолчал командующий. Мы видели, что генерал доволен нашей работой, хотя вслух об этом он нам не сказал, чтобы, наверное, не вызвать «головокружения от успехов».

В заключение командующий спросил, какие у нас имеются претензии и просьбы к штабу округа. Претензий у нас не было, зато просьбы были. Мы попросили заменить начальника штаба бригады подполковника Соколова офицером Генерального штаба майором Мокшевым, который в качестве представителя Генштаба находился в бригаде с начала ее формирования. Подполковник Соколов, грамотный, знающий офицер, недавно перенес серьезную операцию на желудке, чувствовал себя плохо, но крепился, чтобы его не заподозрили в нежелании идти на фронт. Мокшев по характеру был прямой противоположностью Соколова: атлетического телосложения, всегда бодрый, жизнерадостный и общительный. К тому же у него был боевой опыт: в финскую войну он командовал лыжным батальоном. Служить он хотел в нашей бригаде, о чем неоднократно говорил мне.

На вакантную должность заместителя командира бригады по строевой части мы просили командующего назначить майора Ерошина, который работал на курсах политсостава запаса. Луполовер знал его лично и рекомендовал. На должность командира 1-го батальона — майора Захарова, опытного офицера

отдела боевой подготовки штаба округа.

Командующий обещал, и действительно, через несколько дней наши просьбы были выполнены.

За несколько дней до отправки на фронт, в действующую армию, нам объявили дату погрузки в эшелоны — 12 февраля 1942 года. Этот день, как водораздел жизни, запомнился навсегда.

И вот он настал. С утра части бригады грузились в железнодорожные составы. С шумом и песнями эшелоны двинулись на запад. Этот день походил на большой праздник. Лица бойцов сияли радостным возбуждением. Стремление попасть на фронт для нашего брата, военного человека, было делом естественным. Здесь и не пахло честолюбивым желанием отличиться или тем более военной романтикой. Поэзия войны отошла в область предания, как только на смену коню, сабле и пике пришли самолеты, танки и целый ряд средств массового уничтожения людей. Единственным двигателем были любовь к Родине и ненависть к врагу, чья отвратительная идеология вместе с тупой прусской наглостью вызывала чувство омерзения. Когда же враг подошел к Москве и встал вопрос быть или не быть Отечеству, вряд ли кто мог спокойно оставаться в тылу, что для уважающего себя военного человека было неловко и стыдно. В эшелонах мы чувствовали себя именинниками, без пяти минут фронтовиками.

Как ручьи и реки несут воды в моря и океаны, так и наша семитысячная бригада сибиряков через несколько суток должна была влиться пусть небольшой, но сильной и свежей струей в бушующий океан мировой войны.

Мы не знали, куда нас повезут, на какой фронт. Вопросы сосредоточения и дислокации войск держались в такой стражайшей тайне, что, по всей вероятности, даже командование округом не знало конечного пункта нашего маршрута.

Офицеры штаба бригады разместились в пассажирском вагоне в составе третьего эшелона. Ночью эшелон остановился на станции Красноярск. Воспользовавшись трехчасовой стоянкой, некоторые офицеры и мы с Борисом Михайловичем успели побывать дома.

Когда я вернулся, все офицеры уже были в сборе, ожидая отхода эшелона. Вскоре паровоз дал гудок, вагоны скрипнули, и поезд стал медленно набирать скорость. Мы с комиссаром расположились в одном из купе, заняв нижние полки. Хотя вокруг шутили и смеялись, в душе разлилась щемящая тоска и беспокойство, которые не получалось ничем замаскировать. Краткое свидание с семьей перед долгой, а может, и вечной

разлукой разбередило душевные раны. Работая над формированием бригады, некогда было думать о близких людях, забот хватало по самое горло. Здесь, в вагоне, когда служебные дела отодвинулись на задний план, все мысли были только о родных. Разговор не клеился, и мы улеглись спать. Но тревожные мысли не давали уснуть, и предательский комок не раз подступал к горлу.

Я думал о том, что в холодном городе оставил жену и дочку и что ждет их впереди. Мысль о возможном голоде, безжалостном и грозном спутнике каждой длительной войны, терзала меня. В ранней юности я испытал на себе весь ужас настоящего голода. Видел не раз, как днем по улицам, едва держась на ногах, бродили живые тени людей в поисках пищи, а вечером собирали их уже окоченевшие трупы, грузили как дрова в большие фургоны и вывозили за город. Никогда не смогу забыть, как женщины, живые скелеты, искали друг у друга в волосах насекомых и с жадностью их поедали. Эти юношеские впечатления страшной зимы 1920/21 года вселили в меня паническую боязнь голода.

В Новосибирске наш эшелон встретили генералы и офицеры штаба СибВО. По заданию командующего округом они проверили укомплектованность и обеспеченность бригады личным составом и всеми видами материально-технического снабжения. Одновременно с этим была произведена некоторая замена политработников. Мне были представлены прибывшие для прохождения в бригаде батальонные комиссары Сергеенко и Рохмачев. Первый заменил начальника политотдела, а второй — комиссара штаба бригады.

Перед тем как представить этих офицеров, начальник политуправления округа попросил всех офицеров выйти из купе и, оставшись наедине со мной, конфиденциально сообщил мне решение Военного совета округа исправить допущенную ошибку политуправления в укомплектовании политотдела бригады. Ошибка заключалась в том, что все руководящие политические работники оказались евреями.

Я никогда не был антисемитом и не обращал внимания на такие вещи. Но разговоры по этому поводу, видимо, ходили среди солдат и офицеров бригады и дошли до политуправления. О разговорах этих я узнал от хозяйки дома, где мы с комиссаром снимали комнату. Как-то раз она меня спросила с насмешливой улыбкой:

— А правда, что ваша бригада национальная?

— Откуда вы это взяли? — удивился я.

— Ваши солдаты говорят: «Наша бригада еврейская».

Вопрос хозяйки неприятно кольнул меня. Подобные

разговоры расхолаживали людей и могли подорвать доверие к командованию бригады. Политотдельцы не сочли, очевидно, нужным проинформировать меня по этому щекотливому вопросу. Я начал перебирать в голове, кто у нас еврей, и оказалось, что из четырех руководящих политработников евреями оказались все четыре. Кстати, и меня, по внешности, многие, вероятно, принимали за иудея.

До войны вряд ли бы кто из военнослужащих стал бы поднимать вопрос о национальном составе. Война всколыхнула и подняла многое: и хорошее, и плохое, что давным-давно было забыто, обострила национальные, а порой и шовинистические чувства. К тому же бешеная антисемитская пропаганда Гитлера просачивалась к нам и заражала своим ядом. С тех пор, т. е. со дня разговора с хозяйкой дома, и до конца войны я, каждый раз беседуя с новым пополнением, сообщал им свою краткую биографию, где подчеркивал свое русское происхождение.

Проверку нашего эшелона на станции «Новосибирск» начальник политуправления округа закончил информацией о состоянии дел на фронте. Отрадно было слышать, что на всех его участках наши войска вели активные и успешные боевые действия.

При отправке на фронт бригада была вооружена только винтовками, поэтому в Новосибирске, Омске, Тюмени и на других станциях нас довооружали пушками, минометами, пулеметами, противотанковыми ружьями и автоматами.

Везли нас быстро, без задержек. Навстречу неслись один за другим эшелоны с промышленным оборудованием демонтированных заводов, санитарные поезда с ранеными и больными и теплушки с эвакуированными по «Дороге жизни» ленинградцами. Кто-то из офицеров, глядя в окно на санитарный поезд, полный ранеными, сказал:

— Эх, отвоевались...

Чего больше было в этом слове, вырвавшемся из глубины души: жалости, сострадания, печали, а может, зависти?

Большинство эвакуированных принадлежало к старой интеллигенции. Среди них были ученые, профессора ленинградских вузов. Покидая город, они надевали на себя все, что имели, остальное было брошено в разбитых, холодных домах. В енотовых шубах и каракулевых мантиях, замотанные в старые пледы и пуховые шали, измятые и грязные, они являли собой жалкое и страшное зрелище вырванных из ада людей. Их высохшие от голода и холода тела, мертвые пергаментные лица и глаза, глядевшие опустошенно и безучастно, производили жуткое впечатление. Казалось, что это не живые люди, а футляры, в

которых чуть теплится жизнь, но скоро они остынут, рухнут на землю и рассыпятся в прах.

На одних станциях эшелоны разгружались и ленинградцев вывозили и размещали в населенных пунктах, на других — останавливались на время приема горячей пищи, после чего следовали дальше по своему маршруту. Везде наблюдалась одна и та же картина: все эвакуированные находились в состоянии тяжелой дистрофии. Помогая друг другу, они с трудом выходили из вагонов и тут же на перроне справляли свои естественные нужды, ни на кого не обращая внимания, все вместе, и мужчины и женщины.

Нас, еще не хлебнувших горя, поражала такая бесцеремонность, но голод разрушает не только тело, но и психику человека. Пройдет не больше месяца, как такое же состояние абсолютной апатии многие из нас получат возможность испытать на себе.

Кое-где в пустых теплушках и возле них между путями лежали еще не убранные трупы детей и взрослых, умерших в дороге. Проходя мимо одной из теплушек, я обнаружил в ней сидящего на полу человека. Обеими руками он обнимал железную печь. Я вскочил в вагон, чтобы разбудить его и помочь выйти, но это был мертвец. Окоченевшими руками он крепко держал такую же холодную, как и сам, печь.

Бойцы старались не пропустить ни одного эшелона с ленинградцами, чтобы поделиться с ними своими пайками. Многие ребята отдавали все свои запасы, оставаясь голодными.

Встречи с блокадниками вызывали справедливое чувство безудержной ненависти к гитлеровским захватчикам. Никакая агитация и пропаганда уже не были нужны. Бойцы своими глазами видели, что принесло с собой нашествие варваров.

Приближаясь к фронтовой полосе, надо было еще и еще раз обдумать все до мелочей; все, что касалось разгрузки эшелонов, сбора, сосредоточения и марша бригады. Никто не мог знать, как сложится обстановка, в какие условия с первых своих шагов попадет бригада, будет ли время для подготовки к бою, будет ли первый бой встречным, оборонительным или наступательным. Это были задачи со многими неизвестными. Надо было быть готовым ко всяким неожиданностям. Первые удачные боевые действия бригады вселят в каждого бойца уверенность в свои силы, а без этого драться с грозным противником нельзя. Да и меня никто в бригаде не знал на деле как командира. Безусловно, в первые часы и дни боя я, как командир соединения, буду на виду у подчиненных. Малейший мой промах, неточность или неуверенность может подорвать доверие ко мне. Нельзя было

категорически, особенно на первых порах, допустить даже малейшую оплошность. Поэтому тщательно, во всех деталях старался я обдумать варианты, с которыми, возможно, придется столкнуться.

Не зная обстановки, трудно заранее определить образ действия командира, но я считал, что не мешает еще раз продумать целый ряд вопросов и по видам боевого и материального обеспечения.

Больше всего я боялся бомбежек с воздуха, но нам повезло — за весь путь от начала до конца маршрута ни один самолет противника не появился над нашими эшелонами.

До самого Череповца мы не знали, на какой фронт нас везут, и только потом стало ясно, что везут нас на Ленинградский фронт. Эшелон подошел к Тихвину. Все, что мы увидели, говорило о недавно прошедших здесь боях. От домов остались одни трубы, кое-где закопченные голые стены. Кругом, как раны на теле земли, зияли воронки от бомб и снарядов. Нигде ни одной живой души, если не считать нескольких железнодорожных рабочих, ремонтирующих дорогу. Такого мы еще не видели. Молча смотрели мы на мертвую землю и думали о героях, участниках освобождения Тихвина, ценою своей жизни спасших от голодной мучительной смерти сотни тысяч жителей Ленинграда.

Любанская операция

Весна 1942 года

Война началась для меня на Ленинградском фронте в начале марта 1942 года. Я командовал 140-й отдельной стрелковой бригадой, прибывшей на фронт из Сибири, а ровно через год, в марте 1943 года, был назначен командиром 311-й стрелковой дивизии и прошел с ней весь боевой путь от Волхова до Эльбы.

Эти два соединения одинаково дороги моему сердцу. Первые очень тяжелые, кровопролитные бои в составе 140-й бригады под Любанью и Синявино невозможно забыть и через десятки лет — они гвоздем засели в памяти.

Нелегко было и в 311-й дивизии, когда мы дрались за Ленинград в составе Волховского фронта, отвлекая силы противника на себя. Но это было позже, когда многие из нас уже имели небольшой боевой опыт, полученный в боях 1942 года.

140-я бригада, прибыв на фронт, вошла в состав недавно организованного 4-го гвардейского стрелкового корпуса, который состоял из 3-й гвардейской стрелковой дивизии, четырех отдельных стрелковых бригад и частей артиллерии. Командиром корпуса был генерал-майор Николай Александрович Гаген, боевой, грамотный командир. Он принял меня и бригадного комиссара Бориса Михайловича Луполовера на командном пункте в районе города Волхов. Мы подробно доложили ему о боевом составе бригады, ее укомплектованности и боевой готовности. Командир корпуса внимательно выслушал нас и, как нам показалось, остался доволен подробными докладами. Генерал спросил, кто из нас уже участвовал в этой войне. Получив отрицательный ответ, он заметно сник, помрачнел и уже без особой симпатии глядел на нас.

Я, как на беду, выглядел моложе своих 36 лет и, видимо, произвел на командира корпуса невыгодное впечатление. Сдержанность и отсутствие самоуверенности в моем поведении он, очевидно, расценил как слабость и неопытность.

Выйдя из землянки командира корпуса, мы с комиссаром решили, что разговор с Гагеном, как говорится, «начался гладью, а кончился гадью». Внезапная холодность командира корпуса по отношению к нам, не обстрелянным еще в этой войне командирам оставила неприятный осадок. Но мы старались не унывать, надеясь в первых же боях показать себя и бригаду с лучшей стороны.

Я был кадровым офицером, с 16 лет в рядах Красной Армии.

В прошлом принимал участие в боях. Не один раз имел возможность проверить себя как командира, умеющего в сложной обстановке найти нужное решение. Да и сейчас я был здесь только потому, что неоднократно просился на фронт у командующего Сибирским военным округом, полагая, что моя военная подготовка и желание драться с врагом Отечества будут полезны действующей армии.

Как известно, в первой половине 1942 года развернулись ожесточенные бои западнее реки Волхов с целью прорыва нашими войсками блокады Ленинграда. В начале января 1942 года войска Волховского и Ленинградского фронтов перешли в наступление.

Главный удар из района севернее Новгорода в северо-западном направлении на Любань наносила 2-я ударная армия Волховского фронта. Соединения 54-й армии Ленинградского фронта с рубежа Воронов, Малукса, южный берег болота Соколий Мох вели наступление на Тосно. В течение двух месяцев (январь, февраль) части 54-й армии изо дня в день с необыкновенным упорством атаквали противника. Чтобы ускорить разгром группировки немецких войск в районе Любани, Ставка Верховного Главнокомандующего потребовала от командующего Ленинградским фронтом развернуть наступление силами 54-й армии с севера в направлении Любани навстречу группировке Волховского фронта.

9 марта в результате удара частей 54-й армии гитлеровцы оставили ст. Погостье, разъезд Жарок, лес и поляны, прилегающие к Погостью. Однако дальнейшие попытки наших войск развить прорыв успеха не имели.

15 марта командующий 54-й армией генерал И. И. Федюнинский поставил 4-му гвардейскому стрелковому корпусу задачу: с утра 16 марта перейти в наступление, нанося удар в общем направлении на Зенино, Смердыню с целью разгромить противостоящего противника и к исходу дня выйти на глубину до 6 км, чтобы потом, по мере продвижения, наращивать удар.

Как показал опрос пленных, немцы ждали наступления корпуса на день раньше, т. е. в воскресенье, говоря: «Русские всегда портят нам праздник».

Боевой порядок корпуса строился в три эшелона: первый эшелон — 284-я стрелковая дивизия с 16-й танковой бригадой, 3-я гвардейская стрелковая дивизия со 124-й и 98-й танковыми бригадами и 285-я стрелковая дивизия; второй эшелон — 33-я и 32-я отдельные стрелковые бригады; третий эшелон — 137-я и 140-я отдельные стрелковые бригады (стрелковые дивизии, кроме 3-й гвардейской стрелковой дивизии, только на время прорыва входили в состав корпуса).

С утра 16 марта части первого эшелона корпуса перешли в наступление. Прорвав оборону и тесня врага, они медленно, с большими потерями, продвигались вперед. Глубокий снег и заросли ольхового леса затрудняли использование танков, артиллерии и орудий для стрельбы прямой наводкой.

За пять суток непрерывных боевых действий, несмотря на героизм солдат и офицеров, части первых двух эшелонов продвинулись всего на 6–10 км и вышли на рубеж реки Кородынька, деревень Зенино, Дубовик. В дальнейшем, вследствие возросшей ширины фронта и больших потерь, наступление корпуса еще более замедлилось.

Здесь следует пояснить, что немцы, отброшенные еще в декабре 1941 года к линии железной дороги Мга — Кириши, немедленно перешли к организованной обороне. Два полных месяца до начала Любанской операции они занимались устройством оборонительных позиций на всех возвышенностях и других удобных для обороны местах и превратили их в довольно сильные опорные пункты и рубежи. Все избы, амбары и сараи в населенных пунктах были превращены в ДЗОТы. С построек снимались крыши и рядом со срубом, с внешней стороны, ставился второй сруб. Промежутки между срубами засыпались землей. Оконные проемы, частично заложенные бревнами, служили бойницами, или бойницы специально прорезались в стенах домов. С наружной стороны эти срубы заваливались и утрамбовывались снегом, что делало их труднонаблюдаемыми. В каждом таком оборонительном сооружении устанавливались пулеметы, а в некоторых — артиллерийские орудия и минометы. Вне населенных пунктов применялись стенки (заборы), сложенные из бревен с бойницами высотой до одного метра, шириной 80–90 см и длиной 5–6 м и более, а в низких местах клались настилы из бревен для стрельбы лежа. Наши войска, ведя наступление на заблаговременно укрепившегося противника, вынуждены были действовать в очень сложных условиях, к чему они, надо прямо сказать, тогда еще подготовлены не были.

От начала марша и до ввода 140-й бригады в бой части бригады ночами по колено в снегу двигались шестнадцать суток. Каждый шаг требовал большого физического напряжения, что выматывало силы бойцов. Низкорослые монгольские кони проваливались в снег по самое брюхо и из последних сил тянули повозки, минометы и артиллерийские орудия, останавливаясь через каждые 40–50 м. Автомобили буксовали в снегу, и их подталкивали выделенные для этой цели команды. Местами автомобили зарывались в сугробы и застревали. Пока их вытаскивали, колонны останавливались, и утомленные бойцы

стоя дремали. Менее выносливые, сойдя с дороги, ложились в снег. Их находили, будили, поднимали на ноги и тащили вперед, пока они не приходили в себя.

Когда наступал рассвет, части бригады укрывались в лесу на дневной привал. Разгоряченные на марше люди, промокшие от пота, первые минуты не чувствовали холода, хотя мороз достигал 20 градусов, валились в снег и, прижавшись плотнее друг к другу, засыпали. Мороз же быстро хватал за мокрые спины прозябших до костей бойцов и поднимал снова на ноги.

В нелетную погоду разрешалось разводить костры, но и эта мера не приносила большого облегчения. Мало кто из командиров и бойцов умел по-настоящему ставить шалаши из веток хвойных деревьев. В них гулял ветер, выдувая тепло. Бойцы ложились поближе к костру и ворочались все время, подставляя огню то один, то другой бок. Так проходили часы дневного отдыха в борьбе с пронизывающим холодом за драгоценные минуты сна. Дневные привалы превращались в настоящую пытку, и люди все больше слабели и теряли силы. С каждым привалом росло число простуженных, а обгоревшие полушубки и валенки заменить было нечем. Уже 10 марта командир корпуса генерал-майор Н. А. Гаген вынужден был донести командующему армией: «Дороги тяжелые, личный и конский состав 137-й и 140-й бригад переутомлен».

В безоблачные дни немецкие самолеты утюжили небо в поисках войск корпуса. Несколько раз налетали «юнкерсы» и бомбили, но, благодаря рассредоточенному расположению частей на привале и хорошей маскировке, потери в бригаде были незначительными.

Несмотря на чрезмерную физическую усталость, личный состав продолжал стойко переносить трудности зимнего марша. Бойцы хорошо знали, что армия сражается за снятие блокады Ленинграда, и это поддерживало их дух. Они мужественно переносили тяжелые условия похода. За первые десять суток марша было подано 47 заявлений о приеме в партию.

Со дня ввода корпуса в бой 140-я бригада с длительными остановками медленно продвигалась за наступающими частями корпуса. Об обстановке нас почему-то не информировали. О ней мы могли судить по медленному продвижению действующих впереди нас частей, грохоту артиллерийско-минометного огня противника, количеству убитых на пути нашего движения и потоку раненых бойцов. С наступлением темноты немцы усиленно освещали ракетами подступы к своему переднему краю. По огням ракет мы определяли линию фронта, которая представляла собой чуть вытянутую окружность с очень узким

разрывом у разъезда Жарок.

Бригаду каждую минуту могли ввести в бой, поэтому она должна была постоянно находиться в полной боевой готовности, а силы бойцов таяли с каждым днем, росло число простуженных и измотанных до крайности людей. Это вызывало большое беспокойство у командно-политического состава бригады. Офицеры понимали, что надо во что бы то ни стало сохранить силы бойцов до первого решающего боя. Боевому крещению мы придавали большое значение. Успех его должен был укрепить уверенность частей и подразделений в своих силах, что имело бы немалое значение для последующих боев.

Но что реально можно было сделать в этих тяжелых условиях? Бойцы мерзли, недосыпали и теряли силы. С утра 21 марта с исходного положения западнее отм. 36.5 была введена в бой 137-я бригада с задачей прорвать оборону противника на реке Кородыньке и выйти в район сараев. Одновременно была поставлена задача и 140-й бригаде продвигаться за левым флангом 137-й бригады, уничтожая оставшиеся группы противника и быть в готовности действовать в соответствии с обстановкой по особому приказу^[1].

Продвигаясь за левым флангом 137-й бригады, к 7.00 23 марта бригада вышла к отм. 40.6 севернее Зенино и сосредоточилась в густом лесу в пяти километрах от предполагаемого края обороны противника. 3-й батальон бригады еще накануне был направлен распоряжением штаба корпуса к деревне Малиновка для ликвидации прорвавшихся групп автоматчиков противника.

Не успели части расположиться в лесу, как противник внезапно обрушился огнем двух батарей по району 1-го батальона и штаба бригады. Этот налет озадачил нас. Немецкие самолеты в этот день не появлялись, и по условиям местности враг не имел возможности наблюдать за движением и сосредоточением частей бригады. И все-таки неприятель каким-то образом нас обнаружил.

Позже стало известно, что фашисты кроме автоматчиков засылали в районы расположения наших войск разведчиков, одетых в форму Советской Армии. Они подавали сигналы по радио или ракетами о местонахождении наших частей. Не имея опыта, бороться с этим мы тогда еще не умели.

Наконец подошла и наша очередь вступать в бой. На всем фронте армии шли малоуспешные бои. Противник хорошо укрепился в населенных пунктах, вдоль дорог, оврагов и рек, занимая все господствующие на местности пункты. Отражая атаки наших частей и нащупывая слабые места в их боевых порядках, противник переходил в короткие контратаки, всегда

хорошо поддерживаемые сосредоточенным огнем артиллерии и минометов.

24 марта по телефону был передан приказ штаба корпуса:

«140-й бригаде, обеспечивая стыки с 137-й бригадой и 3-й гвардейской стрелковой дивизией, наступать с целью овладения районом рощи „Хвойная“, перерезать дорогу Кондуя — Смердыня, имея в виду быть готовой к отражению контратак противника с направлений Макарьевской Пустыни и Смердыни, содействуя частью сил 3-й Гвардейской стрелковой дивизии в овладении районом Смердыня, Доброе, Васино»^[2]. Задачу эту бригада должна была выполнить собственными силами без 3-го своего батальона и какого-либо усиления.

Полоса сплошного болота, заросшего лесом, глубиною более 4 км отделяла бригаду от противника. Густой ольховый лес стоял перед нами стеной. Через это препятствие надо было пробиваться, как в индийских джунглях. К тому же в лесу лежал глубокий снег. В направлении нашего наступления оказалась единственная очень узенькая просека, которую мы решили использовать для сближения с противником. Никаких следов человеческих ног на снегу — как на самой просеке, так и в лесу — мы не обнаружили.

До начала боя штаб бригады не располагал никакими данными об обороне противника, его силах и группировке. В общих чертах было известно, что немцы занимают рощу «Хвойная», которой должна овладеть бригада. С соседями у нас не было непосредственного соприкосновения и связи. Для того чтобы установить ее со 137-й бригадой и 3-й гвардейской дивизией, направлялись группы бойцов, которые бесследно исчезали, видимо, натываясь на засады противника. При движении частей по единственной просеке ожидать засады можно было на каждом шагу. Чтобы избежать этого и своевременно установить начертание переднего края обороны немцев, вперед была выслана разведывательная рота с задачей, развернувшись в цепь, прочесать лес в полосе движения бригады и, продвигаясь к роще «Хвойная», войти в соприкосновение с противником.

Когда разведрота удалилась на расстояние до одного километра, части бригады начали выдвигаться к просеке. В голове колонны двигался 1-й батальон майора Г. Е. Назарова, за ним — 2-й батальон майора К. А. Куничева. За стрелковыми батальонами двигалась артиллерия бригады. Командование бригады находилось в голове колонны.

Саперы младшего лейтенанта С. П. Парцевского и часть стрелков, вооружившись топорами и пилами, рубили и пилили деревья, чтобы расширить просеку и сделать ее пригодной для движения артиллерийских систем и повозок с минометами и

боеприпасами. Работа сначала шла медленно, но вскоре наладилась, и 1-й батальон стал втягиваться в лес. Кругом — тишина. Ни одного выстрела со стороны противника. От разведки никаких донесений не поступало.

Прокладывая перед собой дорогу, батальон Назарова все больше углублялся в лес. Казалось, ничто не предвещало опасности, как вдруг воздух потрясли разрывы снарядов. Беглым огнем одной артиллерийской батареи противник обрушился на колонну 1-го батальона. По точности огня было понятно, что противник следит за нашим движением, хотя, как и ранее, наблюдение с земли и воздуха исключалось, а впереди действовала наша разведка. Нам ничего не оставалось, как только быстрее пробиться вперед и во избежание потерь увеличить дистанцию между подразделениями батальонов. Артиллерийские налеты повторялись методично через каждые 10–15 минут.

Пока батальоны пробивались сквозь чащу леса, разведроты, пройдя заросшее лесом болото и не встретив на своем пути противника, вышла на опушку длинной лесной прогалины, за которой в трехстах метрах снова начиналась густая растительность.

Прежде чем преодолеть открытый участок местности, командир роты должен был выслать вперед разведывательный дозор. Но лейтенант П. Е. Картошкин этого не сделал, и рота, развернутая в цепь, двинулась по прогалине, не имея впереди дозоров. Когда она подходила к середине прогалины, впереди с опушки леса, до которой оставалось менее 150 м, взвилась сигнальная ракета. Не успели разведчики даже подумать об опасности, как затрещали пулеметы, автоматы и раздались взрывы мин. Только глубокий снег, в который зарылись бойцы, спас роту от уничтожения.

В это время 1-й батальон приближался к лесной прогалине, и засада противника, видимо опасаясь обхода, поспешно отошла. Разведроты, однако, был нанесен значительный урон.

В сумерках батальон приблизился к роще «Хвойная», восточнее которой проходил передний край обороны немцев. Уже стемнело, когда батальон занял исходный рубеж для атаки. Впереди в 100–150 м притаились гитлеровцы.

За первым батальоном в 300–400 м в глубине залег 2-й батальон. Артиллерийские дивизионы застряли в лесу, так как лошади окончательно выбились из сил.

В этот день резко потеплело, и обессиленные бойцы 1-го батальона, заняв позиции и кое-как окопавшись в снегу, тут же засыпали мертвым сном. Мы с комиссаром бригады Б. М. Луполовером, начальником штаба бригады майором Е. Н.

Мокшевым, командирами батальонов и рот всю ночь находились в боевых порядках стрелковых подразделений, чтобы успеть своевременно предотвратить возможную ночную вылазку противника. Немцы, ожидая нашей ночной атаки, держались настороже. Они не решались на активные действия, уступая нам в численности живой силы. Это спасло нас от трагедии, которая могла бы разыграться в ту ночь.

Утром немцы открыли ожесточенный огонь из всех пулеметов и автоматов. Нас разделяла густая заросль мелкоколосья. Мы не видели друг друга, но это не мешало немцам беспрерывно строчить по всему фронту, не жалея патронов.

Наши бойцы огня не вели. Артиллерия бригады только что успела выйти в район огневых позиций. Пользуясь безнаказанностью, противник наращивал огонь, и потери наши росли.

Командиру батальона Г. Е. Назарову было приказано немедленно открыть огонь по противнику, расположенному не более чем в 150 м. Приказ был передан в роты, но бойцы по-прежнему не стреляли. Поставив задачу командирам артиллерийских и минометного дивизионов подготовить огонь по переднему краю врага, я отправился в батальон, чтобы лично выяснить, почему молчат огневые средства стрелковых подразделений. Добираться до стрелковой цепи пришлось под непрерывным свистом пуль. Отдельные бойцы, физически менее выносливые, безучастно лежали в снегу в неподготовленных для стрельбы ячейках. Основная же масса бойцов добросовестно поработала лопатами, хорошо зарылась в снег и была готова к ведению огня. На вопрос, почему не ведут огонь, бойцы и командиры отвечали:

— Целей не видим.

— Но и противник нас не видит, а стреляет и наносит потери, — ответил я бойцам.

Ответы солдат и офицеров не были случайными. Бригада была сформирована из кадрового состава, которому в процессе учебы постоянно внушались требования уставов о бережном расходе боеприпасов. В статье 16-й Полевого устава 1936 года указывалось:

«Насыщенность современного боя артиллерией и автоматическим оружием вызывает исключительно большой расход боеприпасов. Бережное отношение к каждому снаряду, к каждому патрону в бою должно быть непреложным правилом для всех командиров и бойцов Красной Армии. Необходимо поэтому воспитывать

каждого командира и бойца в твердом знании, что только меткий, организованный, дисциплинированный огонь будет наносить поражение врагу и, наоборот, беспорядочный огонь, помимо разительного расхода боеприпасов, является лишь выражением собственного беспокойства и слабости».

Безусловно, правильные для своего времени требования Полевого устава не могли служить в данной обстановке руководством для ведения ружейно-пулеметного огня. Практика показала, что насыщенность войск автоматическим оружием дает возможность вести массовый, интенсивный огонь, заливая противника свинцовым дождем. Такой «беспорядочный» огонь врага, кроме морального угнетения, приносил немалые потери, и мы чувствовали это на себе.

Первое время в ходе войны с большим трудом приходилось повышать огневую активность стрелков и пулеметчиков. Очень часто пехота вызывала огонь артиллерии, в то время как она своими средствами могла справиться с противником. Характерно, что в первых боях бригада израсходовала несколько боекомплектов артснарядов и мин и менее половины боекомплекта патронов. Командир корпуса генерал Н. А. Гаген почти в каждом боевом распоряжении настойчиво требовал: «Все и всё должно стрелять», разъясняя, что массовое применение автоматического огня не исключает, а, наоборот, повышает роль одиночных метких прицельных выстрелов.

Ни о каком залповом огне в этих условиях, как тогда настойчиво требовалось в приказах, не могло быть и речи. Непрерывная трескотня автоматического огня противника и разрывных пуль над головами, не говоря уже о разрывах снарядов и мин, заглушала все команды. В этом неумолкаемом грохоте надо было подползать чуть ли не к каждому солдату для отдачи приказа об открытии огня.

Что представляла собой оборона противника и где расположены его огневые точки, в батальоне никто толком сказать не мог. Не знали также, имеется ли заграждение перед передним краем, оборудована ли оборона траншеями и ходами сообщений. Об обороне противника можно было судить только по его плотному огню, насыщенному автоматическими средствами.

Не имея еще боевого опыта, командиры стрелковых рот, прижатые к земле огнем пулеметов и автоматов, не решались на активные разведывательные действия, а слабые их попытки в этом направлении, кроме потерь, ничего не приносили. И действительно, огонь противника был так плотен, что пробиться

вперед, казалось, было невозможно даже небольшой группе бойцов.

Кроме того, крайняя усталость всего личного состава сильно сказывалась на активности. Нельзя было медлить с атакой, но и бросать батальон в бой на неразведанную и неподавленную оборону немцев было бы безрассудством.

Командир батальона майор Г. Назаров был ранен, как и его начальник штаба. Обязанности командира батальона принял заместитель начальника штаба лейтенант Я. И. Салтан, молодой, смелый, знающий офицер. Мы с ним решили произвести рекогносцировку переднего края обороны противника на направлении атаки одной из рот. Нужно было установить, что представляет собой передний край обороны и где расположены огневые точки противника. Кроме того, нужно было установить способ ведения разведки в густых зарослях леса, чтобы тут же, на основе личного опыта, дать практические указания командирам стрелковых рот и батарей. Успех атаки всецело зависел от того, насколько надежно будет подавлен противник на переднем крае. К нам присоединился начальник политотдела бригады батальонный комиссар Н. Г. Сергиенко.

Разделившись на две группы и взяв с собой по два автоматчика, мы с лейтенантом Салтаном поползли в нейтральную зону. До переднего края, судя по огню немцев, было не более 100–150 м. Ползти в густом лесу по глубокому снегу было трудно. Снег заваливался в рукава, за голенища валенок, а ветки деревьев и кустарников цеплялись за одежду и снаряжение.

Пули свистели над нами все время и не давали поднять головы. Стараясь не обнаружить себя, мы медленно ползли к обороне немцев, но обзор нисколько не улучшался. Перед глазами все так же стояла густая растительность, мешающая наблюдению. Передохнув немного, поползли дальше. В 40–50 м от себя в просветах леса мы увидели утрамбованную снежную насыпь в рост человека. За насыпью находились немцы, которые непрерывно стреляли из автоматов, как из брандспойтов, не прикладывая их к плечу. Где-то рядом длинными очередями строчили пулеметы, но их никому из нас не удалось обнаружить. Дольше оставаться здесь было опасно, и мы поползли назад.

Возвращение наше было омрачено: в нескольких шагах от цепи батальона был убит батальонный комиссар Н. Г. Сергиенко. Две шальные пули попали и в мою каску, но, к счастью, советская сталь не подвела. Следует отметить, что наша разведка имела и воспитательное значение: бойцы и командиры после этого стали действовать смелее и инициативнее.

Теперь, чтобы организовывать разведку противника в полосе

наступления батальона, а затем и ружейно-пулеметный огонь по выявленным огневым точкам, в каждую роту были направлены офицеры штабов батальона и бригады. На разведку и организацию ружейно-пулеметного огня ушло не менее пяти часов светлого времени. Нелегко было под свист пуль учить бойцов и офицеров элементарным приемам ведения боя в лесу. В тот день не досчитались мы многих офицеров, но, как только заговорили наши пулеметы, автоматы и винтовки, огонь противника заметно ослаб.

Не лучше обстояло дело с артиллеристами и минометчиками. Время готовности артиллерии к открытию огня истекало. Командиры батарей и дивизионов, потеряв время в долгих и безрезультатных поисках наблюдательных пунктов, не подготовились к ведению огня и не знали, что же дальше делать. Да и мы с начальником артиллерии бригады капитаном К. И. Понтузенко, не раз побывавшие в боях, не имели готовых рецептов для действия артиллерии в сплошных зарослях леса. На местности, ровной как стол, не было ни одной возвышенности и ни одного высокого дерева для наблюдения. Это ставило артиллеристов в очень трудное положение. Как вести артиллерийско-минометный огонь, когда ни один пулемет противника не засечен, ни один участок его обороны не просматривается и разрывы наших снарядов и мин не наблюдаются?

Прежде чем давать указания командирам батарей и минометных рот, нам нужно было решить эту задачу самим. Винить артиллеристов в незнании своего дела было бы несправедливо, так как никогда раньше в довоенные годы никому в таких условиях стрелять не приходилось, да никто такой стрельбы и не требовал.

Поразмыслив сообща с начальником артиллерии бригады капитаном К. Понтузенко и с командирами дивизионов капитанами Т. С. Зайцевым, П. М. Николаевым и старшим лейтенантом А. Р. Ясенецким над тем, как организовать артиллерийскую подготовку атаки, мы пришли к решению: командирам батарей и минометных рот выйти на рубеж атаки к командирам поддерживаемых стрелковых рот, и первые выстрелы произвести с перелетом снарядов за передний край обороны немцев, а затем, постепенно укорачивая дистанцию стрельбы, довести разрывы снарядов и мин до переднего края противника, т. е. на удаление 100–150 м от передней линии нашей пехоты. Задача эта облегчалась тем, что немцы в этот день вели артиллерийско-минометный огонь в полосе бригады отдельными налетами, и поэтому командиры батарей в паузах между ними

могли слышать разрывы своих снарядов и мин и корректировать огонь на слух. Такая стрельба была по площади не очень эффективной, но в этих условиях, при ограниченном времени, ничего другого нельзя было придумать.

Трудно было и со стрельбой прямой наводкой. Не видя целей и опасаясь поражений своих войск от разрывов снарядов при попадании в стволы и ветки растущих рядом деревьев и кустарников, оружейные расчеты решили, что стрельба в этих условиях невозможна. Пришлось и здесь потратить немало времени на обучение расчетов и организацию огня, но, опять-таки, не по целям, а по снежной насыпи противника.

Штаб корпуса все время торопил нас с атакой. Весь день ушел на подготовку и организацию боя и попутно на обучение личного состава ведению огня в лесисто-болотистой местности. Только к восьми часам утра 26 марта части бригады были относительно готовы к атаке.

Замысел боя бригады сводился к следующему: после короткой артиллерийской подготовки 1-й батальон, поддерживаемый всеми огневыми средствами бригады, прорывает оборону противника и овладевает дорогой Кондуя — Смердыня, в трех километрах севернее Смердыни. После прорыва переднего края вводится в бой 2-й батальон, и, развивая первоначальный успех, батальоны овладевают опорным пунктом противника рощей «Хвойная». (3-й батальон продолжал вести бой с прорвавшимися группами в районе Малиновки.)

О том, что делалось на фронте наступления корпуса, мы не имели представления. Штаб корпуса не ориентировал нас в обстановке, очевидно полагая, что правдивые данные о безуспешных действиях корпуса снизят нашу уверенность в успехе наступления и тем самым отрицательно скажутся на выполнении поставленной перед нами задачи. Мы, однако, догадывались по наступившему затишью на фронте армии, что наступление частей корпуса и армии остановлено организованным сопротивлением противника. И действительно, части корпуса и армии в этот день активных действий не вели.

В восемь часов утра 26 марта, после 20 минутной артподготовки (прямо скажем, очень слабой), 1-й батальон смело атаковал противника и, прорвав его передний край, устремился вперед. Из-за правого фланга 1-го батальона был введен в бой 2-й батальон. Противник поспешно отходил, оставляя на поле боя убитых и раненых. Первая боевая удача окрылила бойцов. Несмотря на глубокий снег и заросли леса, подразделения быстро продвигались вперед. Натиск был так силен, что, казалось, от былой усталости бойцов не осталось и следа. В числе первых

дорогу оседлала 1-я рота 2-го батальона лейтенанта В. Я. Авдеева.

Вскоре подошедшими подразделениями с соседних участков обороны немцы успели занять подготовленную позицию в глубине леса и встретить батальоны огнем всех своих средств. Батальоны залегли. Нужно было снова организовывать огонь артиллерии и минометов. Как и раньше, оборона противника не просматривалась.

Не подлежит сомнению, что гитлеровцы с начала сближения неустанно следили за действиями бригады, но, занятые отражением атак на других участках своей обороны, не могли сосредоточить против бригады необходимых сил и средств. Когда же наступление частей армии было отбито, у немцев развязались руки. Они без особого риска усилили оборону на направлении наступления бригады, маневрируя траекториями и подтянув с соседних участков пехоту, артиллерию, 20-мм зенитные пушки, обрушились на бригаду таким ураганным огнем, что за несколько часов боя весь лес был превращен в щепу.

Батальоны оказались в исключительно тяжелом положении. С фронта строчили пулеметы, автоматы и 20-мм зенитные пушки прижимали бойцов к земле. Сверху градом сыпались снаряды и мины, от разрывов которых стоял сплошной гул.

Ничто не мешало немецкой артиллерии молотить наши огневые порядки: авиации нашей мы ни разу не видели, а контрбатарейная борьба не велась. С каждой минутой в батальонах росли потери. Командир 2-го батальона лейтенант А. С. Филиппов, заменивший раненого комбата майора К. Куничева, просил разрешения вывести батальон из-под артиллерийского огня противника. Он не видел, что огнем противника охвачена большая полоса местности. Отвод батальона в этих условиях привел бы к еще большим потерям.

Положение спасли наши артиллеристы, и особенно минометчики. Они сумели быстро сосредоточить весь огонь своих батарей по пехоте противника. Это заставило немецкую пехоту залечь в укрытия и ослабить огонь пулеметов и автоматов.

Огнем 120-мм минометного дивизиона старшего лейтенанта А. Ясенецкого были подавлены стреляющие прямой наводкой зенитные пушки. Особенно самоотверженно действовали командир 82-мм минометного батальона лейтенант И. К. Яковлев, только что принявший командование батальоном, и командиры минометных рот этого батальона лейтенанты С. Д. Сайкин и В. С. Сидоров. Находясь в боевых порядках пехоты под сильнейшим огнем противника, они вели интенсивный огонь по пехоте немцев и не прекращали его даже тогда, когда в расчетах оставалось по два-три человека.

Благодаря огню наших минометов стрелковые подразделения получили возможность ближе подойти к переднему краю обороны противника и тем самым частично выйти из-под наиболее губительного артиллерийско-минометного огня.

Связь штаба бригады с батальонами и артиллерией осуществлялась проводными средствами. Радиостанций в батальонах не было. Телефонная связь с частями бригады неоднократно обрывалась, но усилиями и героизмом связистов она снова и снова без промедления восстанавливалась. Надо отдать должное организаторскому таланту начальника связи бригады старшему лейтенанту И. И. Спице, который настолько надежно организовал связь в бригаде, что в самых тяжелых условиях мы ни на одну минуту не теряли управления частями. Командир батальона связи с первых часов боя заболел, его заменил комиссар батальона старший политрук В. П. Лапчанский, который вместе с адъютантом батальона связи П. М. Тарасенко сумел так мобилизовать связистов, что командование бригады за два месяца непрерывных и тяжелых боев ни разу не имело к связистам никаких претензий.

Бой не прекращался с утра до позднего вечера. Весь лес был скошен разрывами снарядов и мин, лишь кое-где торчали отдельные обломки стволов деревьев. Фашисты несколько раз переходили в контратаки, которые всякий раз отражались огнем минометов и пехоты. Наши артиллеристы и минометчики израсходовали в тот день до двух боекомплектов снарядов и мин. Бой начал утихать только с наступлением темноты. Многие подразделения остались без командиров рот и взводов. Заменяли их сержанты. Боевые порядки рот и батальонов были расстроены. Оба командира батальонов, их заместители и начальники штабов выбыли из строя по ранению. О продолжении наступления не могло быть и речи. Нужно было немедленно приводить подразделения в порядок и вывести всех раненых.

Оставив боевое охранение на занятых нами позициях и поручив заместителю командира бригады майору Г. К. Ерошину организовать разведку противника, мы оттянули батальоны на несколько сот метров в тыл, чтобы накормить людей, привести в порядок подразделения и дать возможность бойцам немного отдохнуть.

Кроме того, надо было срочно пополнить артиллерийские и минометные подразделения боеприпасами. Отдав необходимые указания командирам частей, мы с комиссаром бригады Б. Луполовером направились на командный пункт, чтобы по телефону доложить командиру корпуса о результатах боя. Из-за больших потерь настроение у нас было подавленное. Захват

бригадой участка дороги Кондуя — Смердыня, которая на фронте корпуса связывала два самых больших узла обороны немцев и давала возможность противнику маневрировать силами и средствами на фронте более десяти километров, хотя и имел большое тактическое значение, обошелся нам очень дорого.

Под свежим и тяжелым впечатлением от кровопролитного боя одержанный успех невольно ассоциировался с пирровой победой. Больше всего удручало то, что боевое крещение, которое имеет большое психологическое значение для последующих боев, принесло нам значительные потери. Готовясь к бою, мы ждали больших результатов при меньших потерях. В голове бродили противоречивые мысли. Думалось, что, организовав бой, где-то мы допустили ошибку, не все учли, не все сделали, чтобы избежать таких больших потерь. Тут же возникал другой вопрос: почему за весь день упорного, ожесточенного боя бригада была предоставлена самой себе и никто ничем не помог ей? На многие километры раздавался грохот артиллерийского огня, но ни армейская, ни корпусная артиллерия не была привлечена к подавлению огня противника, тем более что в бой бросался последний резерв корпуса, последние свежие силы.

Я по телефону доложил командиру корпуса, что ближайшая задача бригадой выполнена, но потери так велики, что до приведения частей в порядок дальнейшее наступление считаю невозможным. Я ждал, что командир корпуса обрушится на меня с упреками за большие потери, а главное — за доклад о необходимости приведения частей и подразделений в порядок. Нужно отметить, что в тот тяжелый период войны было не принято в ходе боев докладывать о потерях. Такие доклады, очевидно, рассматривались как стремление подчиненных оправдать невыполнение боевой задачи, ссылаясь на «объективные» причины.

К своему удивлению, я услышал очень теплый голос командира корпуса:

— Бригада дралась очень хорошо и проявила исключительное упорство и стойкость в достижении цели. Вы перерезали основную рокаду противника и вклинились в один из его самых сильных опорных пунктов. К сожалению, мы ничем не могли вам помочь. Приводите людей в порядок, а завтра с утра продолжайте выполнять боевую задачу.

Разговор с командиром корпуса немного ободрил нас, и мы с комиссаром отправились в батальон, чтобы немедленно начать подготовку к завтрашнему наступлению.

Это было 26 марта. Тогда мы еще не знали, что противнику удалось перерезать коммуникации 2-й ударной и несколькими

соединениям 59-й армий в районе Спасская Полисть. В тот день, да и в последующие дни, тяжело досталось медицинскому составу медсанроты бригады и медпунктам батальонов. Врачи-хирурги, в большинстве женщины, не имели возможности ни на минуту отойти от операционных столов, оказывая помощь нескончаемому потоку раненых. Врачи, недавно окончившие медицинские институты, не имея почти никакой практики, вынуждены были оперировать сотни тяжелораненых бойцов круглые сутки без сна и отдыха. От длительного стояния за операционным столом у многих хирургов так сильно отекали ноги, что приходилось надевать обувь больших размеров. Это был поистине самоотверженный труд. С глубокой признательностью вспоминаю врачей медсанроты: Смирных, Баранова, Тихонову, Генаденко и многих, многих других.

Нельзя не вспомнить с великой благодарностью санитарных работников батальонов, которым приходилось все время находиться вместе с бойцами в пламени боя, жертвовать собственной жизнью, спасая раненых. Это были совсем молодые девушки, почти подростки. Особо отличилась в первом бою 19-летняя военфельдшер 2-го батальона Полина Ясинская. С поля боя она вынесла и вывезла на волокушах 12 тяжелораненых. Будучи контуженной, потеряв слух и речь, она не уходила с поля боя до тех пор, пока все раненые не были доставлены в медпункт батальона. Следовало бы сказать о многих других девушках-санитарках, которые, пренебрегая опасностью, делали все, чего требовала обстановка. Прошу их простить мне, что за долгие послевоенные годы их фамилии стерлись из памяти.

Всей работой по выносу раненых из боя, оказанию им помощи в медсанроте и эвакуацией в госпиталь руководил начальник санслужбы бригады, энергичный и смелый человек, врач Иван Данилович Евсюков. Его помощником был замечательный фельдшер 19-летний Алексей Дорофеевич Лузан.

К утру следующего дня наша разведка донесла, что ночью противник оставил свои позиции перед фронтом бригады и отошел в глубь рощи «Хвойная». Приведенные в порядок за ночь батальоны, вновь приняв боевые порядки, начали продвигаться вперед. Противник, оставив в роще «Хвойной» часть сил и несколько десятков снайперов-кукушек, основными силами занял дорогу Макарьевская Пустынь — Смердыня. На оставленных фашистами позициях большими кучами лежали гильзы расстрелянных снарядов и патронов, валялись брошенные автоматы и пулеметы. Один из сараев был набит трупами немецких солдат, которые, очевидно, были подготовлены для кремации. В одном из сгоревших сараев были обнаружены трупы

советских военнопленных, по многим признакам, заживо сожженных.

Судя по всему, противник отходил в большой спешке. Мы захватили 12 пулеметов и несколько десятков автоматов. Очищенная гитлеровцами от снега дорога Кондуя — Смердыня стала пригодна для движения всех видов транспорта. Бойцов радовал вид только что освобожденной нами территории и в то же время вызывал еще более жгучую ненависть к врагу. Они видели, как недешево обошелся ему этот бой^[3].

Перед бригадой теперь стояла задача овладеть всей рощей «Хвойная». Бои шли в хвойном лесу. Немцы умело и широко использовали своих снайперов: искусно замаскированные «кукушки» сидели на многих развесистых деревьях. Не обнаруживая себя, они стреляли разрывными пулями и выводили из строя всех, кто попадался им на мушку. Было очень трудно проводить командирские рекогносцировки обороны противника. Наблюдению лежа мешал густой кустарник, но стоило только подняться на ноги, как тут же кто-нибудь из офицеров падал, сраженный снайперским выстрелом. В одной из таких рекогносцировок был тяжело ранен в голову замечательный разведчик бригады капитан А. Н. Кочетков.

Бои шли за каждый метр леса. Корпус растянулся на фронте более 15 км, а разрывы между малочисленными соединениями корпуса доходили до двух и более километров. Боевые порядки частей представляли редкие, вытянутые по фронту цепи со множеством не занятых промежутков.

Несмотря на чрезмерно широкий фронт и упорное сопротивление противника, соединения корпуса ежедневно с наступлением темноты получали боевые задачи на наступление. Продвижение было незначительным, а людей теряли много. Противник, используя разрывы между частями, все чаще переходил в контратаки.

Перед фронтом корпуса действовало до 16 немецких батальонов пехоты восьми различных дивизий, до 15 танков, 16 бронемашин, 4 артиллерийских и 5 минометных батарей и до 12 орудий ПТО. Состав батальонов противника был различный: от 150 до 400 солдат. При создавшемся положении корпус не мог продолжать наступление растянутым фронтом. Потери в частях были значительными. Артиллерийских боеприпасов почти не было, а личный состав крайне утомлен. Немцы, к нашему счастью, тоже были изрядно потрепаны, у них не было сил для активной обороны.

Хотя противник и переходил в контратаки, они проводились накоротке и носили нерешительный характер. Пользуясь

большими запасами артиллерийских боеприпасов и абсолютным господством в воздухе, немцы систематически совершали огневые налеты и все чаще наносили бомбовые удары пикирующими бомбардировщиками по боевым порядкам наших частей.

Командование армии продолжало настойчиво требовать от корпуса решительных действий. 28 марта одним полком 3-й гвардейской дивизии и 32-й бригадой корпус организует оборону на рубеже Смердыня — Дидвино. Остальными силами он совершает перегруппировку к своему правому флангу. Задача корпуса состоит в том, чтобы во взаимодействии с 311-й и 11-й дивизиями, которые наступают с севера, 80-й и 281-й дивизиями с запада окружить и уничтожить группировку противника в районе к юго-западу от Кондуи и овладеть Макарьевской Пустынью. После неоднократных атак 80-я и 281-я дивизии овладели одним из сильных узлов обороны — Кондуйей, но продвинуться далее не сумели. Противник, маневрируя пехотой и артиллерией и нанося удары авиацией, удерживал за собой Макарьевскую Пустынь^[4]. 140-я бригада продолжала вести бои в роще «Хвойная», но теперь уже в направлении Макарьевской Пустыни. На второй день боя части бригады захватили склад боеприпасов, где оказалось 18 тысяч 81-мм мин.

Молодой, смелый и инициативный командир минометного батальона И. К. Яковлев, тут же во время боя, обратился ко мне с просьбой разрешить ему использовать эти немецкие трофейные мины для стрельбы из наших 82-мм минометов. Я немедленно поставил задачу перед службой артиллерийского снабжения бригады проверить возможность использования немецких мин для стрельбы из наших минометов. Выполнение этой задачи было поручено командиру минометного батальона лейтенанту И. К. Яковлеву и артиллерийскому технику бригадной артмастерской воентехнику 2 ранга В. Л. Лупежову. За сутки они произвели отстрел немецких мин из наших минометов и составили краткие таблицы стрельбы. Наличие большого количества немецких мин и полученная возможность вести прицельный огонь ими из наших минометов дали возможность более уверенно решать боевые задачи. Своих снарядов и мин, кроме неприкосновенного запаса, у нас уже не было, так как доставка их на позиции была очень затруднена. Теперь было чем поддерживать атаки нашей пехоты, тем более что накануне в бригаду вернулся 3-й батальон, еще сравнительно полнокровный.

Имея большое количество мин и усилившись прибывшим батальоном, мы немедленно, с полной уверенностью в успехе, приступили к организации боя, с задачей овладеть сараями и выйти на дорогу Макарьевская Пустынь — Смердыня.

На следующий день, проведя довольно внушительную для тех дней подготовку атаки минометным огнем, части бригады перешли в наступление. К вечеру западная опушка рощи «Хвойная» и «сарай» были очищены от противника. Гитлеровцы потеряли около двухсот человек убитыми и ранеными. Части бригады захватили десять пулеметов, большое количество автоматов, ручных гранат, снарядов, радиостанцию и много других трофеев. Теперь дорога Макарьевская Пустынь — Смердыня, упорно обороняемая противником как рокада для маневра вдоль фронта, находилась под ружейно-пулеметным огнем^[5].

Почти всю первую половину апреля части корпуса вели борьбу за овладение Макарьевской Пустынью и Смердыней, маневрируя между этими населенными пунктами, но все атаки, не поддержанные огнем артиллерии из-за отсутствия снарядов, отбивались противником. Нельзя было действовать обычными методами без поддержки артиллерии. Нужно было менять тактику атак противника, действуя мелкими подразделениями на широком фронте то в одной, то в другой точке. Такие атаки в отдельности не давали ощутимых результатов в плане продвижения, но изрядно выматывали противника и в общей сложности наносили гитлеровцам значительный урон в живой силе.

Инициаторами таких действий были командиры взводов и рот. Первым показал пример капитан А. Кочетков. С взводом разведчиков они просочились через передний край противника и внезапно атаковали ротный наблюдательный пункт немцев. Уничтожив до взвода пехоты вместе с командиром роты, не ожидавших атаки и не готовых к отпору, разведчики удерживали занятые позиции до подхода нашей роты.

В один из дней перед самым рассветом взвод под командованием младшего политрука Н. Климова по собственной инициативе ворвался в расположение обороны немцев. Перебив часть гарнизона ротного опорного пункта, взвод захватил артиллерийское орудие и, повернув его в сторону противника, открыл огонь по убегающим фашистам. Так изо дня в день росла боевая активность в стрелковых подразделениях. То, что не удавалось сделать батальонам, делали стрелковые взводы и отделения.

3 апреля противнику удалось обойти Дидвино, которое обороняла 3-я рота 32-й бригады, и окружить его. Личный состав роты, находясь в окружении до 13 апреля, мужественно оборонялся, отбивая атаки противника с большими для него потерями. Только 14 апреля эта рота была высвобождена из

окружения частями 294-й стрелковой дивизии. Рота прибыла в свою часть в составе 43 человек со своим и трофейным вооружением^[6].

В начале второй половины апреля противник начал активные действия в районе рощи «Клин». Он пытался разъединить части 281-й и 198-й дивизий для того, чтобы проникнуть в направлении Малиновки. С целью окружения и ликвидации противника командующий 54-й армией поставил корпусу задачу: уничтожить группировку противника в районе рощи «Клин». На время этой операции корпусу были подчинены 281-я и 198-я дивизии, которые оборонялись на этом участке фронта армии. Во исполнение приказа в направлении Липовика перебрасывается 311-я дивизия, а под рощу «Клин» — 3-я гвардейская дивизия, 140, 33 и 32-я бригады. На прежних рубежах их сменили 80-я дивизия и другие части армии.

Передний край обороны противника проходил по северо-западной опушке рощи «Клин», южному перешейку этой рощи к отм. 38.2. Окопов у противника не было. Их заменяли деревянные срубы из бревен высотой от 2 до 5 м с настилом в середине. Широко применялись противопехотные и противотанковые мины и фугасы, установленные перед передним краем. Отдельные участки прикрывались проволочными заграждениями. Оборона в основном строилась на системе пулеметного огня. Все пулеметы были установлены на переднем крае обороны. Всего в роще «Клин» предположительно было до 1300 солдат, 15–20 танков, 20–25 станковых пулеметов, 3–4 минометных и 4–5 артиллерийских батарей. В огневой системе обороны рощи «Клин» принимала участие артиллерия противника, расположенная в районах Виняголово, Макарьевской Пустыни, Смердыни и Рамцах^[7].

Начало наступления на этом участке совпало с сильным снеготаянием днем и заморозками ночью. Везде стояли талые воды. Местами уровень воды достигал 20–50 см. Все прибитые зимой дороги исчезли, только кое-где оставались следы от колес повозок. Густой лес с кустарником и валежником затруднял наблюдение. Возникли исключительные трудности с доставкой боеприпасов, продовольствия и фуража. Все надо было доставлять на вьюках и вручную. Ежедневно, а часто по два раза в сутки, личный состав автороты и тыла бригады под командованием энергичного командира автороты младшего воентехника В. Г. Мочулко навьючивался боеприпасами и тащил их за 6–10 км на огневые позиции по колено в грязи и воде. Эта команда была единственной живой нитью, которая связывала фронт с тылом. Но тяжелее всего было людям на передовых позициях. Под огнем

противника, занимающего все возвышенности, бойцы лежали в ледяной воде, не просыхая ни днем ни ночью, лишенные какой-либо возможности погреться и обсушиться у костров.

Мне вспомнились стихи ленинградского поэта Александра Гитовича, который часто навещал нас в ту пору. Он писал о солдатах Волхова, познавших тяжелейший воинский труд и нашедших в себе силы бить врага в адских условиях:

На запад взгляни, на север взгляни —
Болото, болото, болото...
Кто ночи и дни выкорчевывал пни,
Тот знает, что значит работа.
Пойми, чтобы помнить всегда и везде:
Как надо поверить в победу,
Чтоб месяц работать по пояс в воде,
Не жалуясь даже соседу.

Командиры, не имея никаких резервов, не могли даже частично производить смену людей на передовых позициях. Поразительная выносливость и героическая стойкость наших войск достойны восхищения.

В средних числах апреля командование 54-й армией принял генерал-лейтенант Александр Васильевич Сухомлин. Это был образованный и хорошо профессионально подготовленный генерал, который отличался редким спокойствием и тактом. Даже в самых острых и сложных ситуациях ему никогда не изменяли выдержка и сдержанность. В обращении с подчиненными он не позволял себе оскорбительных окриков и того же требовал от командиров соединений по отношению к подчиненным им командирам и солдатам. Пожалуй, это был человек, который действительно пользовался искренним уважением и любовью подчиненных ему командиров.

20 апреля части корпуса перешли в наступление с севера на обороняющегося противника в роще «Клин» и местами вышли на передний край. Дальнейшее продвижение, однако, было остановлено сильным пулеметным и минометно-артиллерийским огнем. Упорные бои за овладение рощей «Клин» велись вплоть до 4 мая. Все атаки частей корпуса отбивались огнем противника с большими для нас потерями. Используя затишье на других участках фронта, немцы подбрасывали резервы к роще «Клин».

В конце апреля в бригаду небольшими партиями начало поступать пополнение, которое едва возмещало потери. Войска не имели укрытий, не могли зарываться в землю из-за болотистой почвы. Резко участились налеты авиации противника на штабы и

боевые порядки наших войск. В один из таких налетов почти полностью был выведен из строя штаб нашей бригады. Погибли заместитель командира бригады майор Г. Ерошин, начальник политотдела бригады батальонный комиссар Н. Чернущенко, начальник артиллерии капитан К. Понтузенко, бригадный инженер старший лейтенант К. Златокрылец и другие. Тяжелое ранение получил начальник штаба бригады майор Е. Мокшев. Каким-то чудом уцелели мы с комиссаром, несколько бойцов и офицеров.

Окружив 2-ю ударную армию Волховского фронта, противник все больше нагнел, чаще переходил в атаки, которым, как правило, предшествовал длительный сосредоточенный артиллерийско-минометный огонь и налеты авиации.

5 мая части корпуса, не имея успеха в наступлении на рощу «Клин» с севера, приступили к подготовке нового варианта операции с целью окружения противника, обороняющегося в роще. По решению командира корпуса главный удар наносился правым флангом корпуса в направлении отм. 33.0 и вспомогательный — в направлении стыка дороги юго-западнее Дубовика и далее на юг вдоль дороги на Липовик. Практически это решение выражалось в следующем: 32-я бригада с танками 98-й и 16-й танковых бригад (всего пять танков) наносила удар вдоль северного берега ручья Полянский в направлении отм. 33.0 с задачей выйти на западный берег реки Чагоды.

33-я бригада атаковала северо-западный угол рощи «Клин». 3-я гвардейская стрелковая дивизия наносила удар левым флангом с задачей овладеть стыком дорог юго-западнее Дубовика. 140-я бригада, находясь во втором эшелоне корпуса, должна была быть в готовности развить успех наступления 32-й бригады.

Начавшееся 8 мая наступление не принесло значительных изменений. 32-я бригада, встретив упорное сопротивление противника, не смогла продвинуться вперед, вследствие чего 9 мая вводится в бой 140-я бригада, которой переподчиняются пять танков и ставится задача овладеть восточным берегом реки Чагоды. Развернувшись в стыке 1069-го стрелкового полка 311-й дивизии и 32-й бригады, 140-я бригада, несмотря на исключительно тяжелые условия местности и упорное сопротивление противника, форсирует реку Чагodu, перерезает дорогу Липовик — Дубовик и тем самым создает угрозу окружения противника в роще «Клин». Одновременно 32-я бригада, повернув фронт на север, овладевает северной опушкой безымянной рощи. Немцы, лишённые единственного пути подвоза, с этого дня вынуждены питать свой гарнизон с воздуха^[8].

В этом бою частями 140-й бригады было захвачено: шесть пушек разных калибров, два миномета, один станковый пулемет, сорок лошадей, тридцать пять повозок, склад боеприпасов и другие трофеи. За успешные действия в тяжелых условиях обстановки всему личному составу бригады командование корпуса объявило благодарность. Эта благодарность была вполне заслужена бойцами и офицерами бригады. Успешные действия явились результатом большой предварительной работы всего командного состава по организации боя и смелых, самоотверженных действий бойцов и младших командиров.

Для того чтобы завершить окружение противника, требовалось усиление правого фланга корпуса. С этой целью в ночь на 13 мая, за счет расширения фронта 33-й бригады и 13-го стрелкового полка, из района западнее Дубовика выводятся 5-й и 9-й стрелковые полки 3-й дивизии и сосредотачиваются правее 32-й бригады. Их задачей было наступление в направлении стыка дорог в одном километре юго-западнее Дубовика.

Оказывая сопротивление окружающим их нашим частям, немцы готовили удар с юга и из рощи «Клин», для того чтобы окружить части, прорвавшиеся к реке Чагоде, а затем, по показаниям пленных, ударом на север они планировали восстановить линию обороны по железной дороге. Атака готовилась трехдневной авиационной и артиллерийской подготовкой по войскам 4-го гвардейского корпуса.

В течение всей ночи на 14 мая немцы вели артиллерийский обстрел командного пункта 140-й бригады и прилегающих к нему районов. С рассветом внезапным ударом они прорвали фронт 281-й дивизии и силами до полка пехоты с тремя танками атаковали командный пункт бригады, на котором находилось не более 30 солдат и офицеров^[9].

Положение стало настолько серьезным, что один из офицеров штаба предложил уничтожить всю секретную документацию штаба бригады, чтобы она не попала в руки врагу. Это предложение было отклонено.

Гитлеровцы шли густой цепью, полупьяные (для храбрости), строча на ходу из автоматов. Увидев немецкие танки и большую массу пехоты, отдельные бойцы с криком «Фашисты!» начали, отстреливаясь, отходить. Услышав автоматную трескотню и шум моторов танков, мы с комиссаром бригады Б. Луполовером схватили свои автоматы и побежали навстречу отходящим бойцам. Важно было во что бы то ни стало остановить противника: его выход в тыл частям корпуса и армии грозил тяжелыми последствиями. Биться надо было до последнего.

— Ложись, огонь! — подал я команду.

Увидев и услышав нас, бегущих навстречу немцам с автоматами в руках, бойцы быстро развернулись в цепь, легли и начали стрелять. Встретив ответный огонь, гитлеровцы залегли, ведя, как всегда, интенсивный огонь из пулеметов, автоматов и минометов. Их танки продолжали медленно двигаться вперед. Отделение разведчиков со связками гранат и бутылками с горючей смесью выскочило навстречу танкам и заняло позиции за деревьями. Недалеко от разведчиков оказался один из танков 98-й бригады с неисправной ходовой частью. Скоро с вражескими танками было покончено: один из них подожгли наши разведчики, а два других были подбиты неисправным танком.

Гитлеровцы несколько раз поднимались и бросались в атаку, но, теряя людей, снова ложились. Помощник начальника штаба бригады молодой лейтенант В. Я. Авдеев, который только что прибыл из госпиталя после ранения, по собственной инициативе отправился на командный пункт 3-й гвардейской дивизии к генералу Мартынчуку и привел солдат комендантского взвода дивизии. Теперь мы почувствовали себя бодрее. В прибывшем взводе оказался ручной пулемет, и находился он в руках мастера своего дела. Пулеметчик вел огонь уверенно, ровными очередями, без единой задержки. Его меткая стрельба косила и прижимала противника к земле. В этот момент неравного боя чеканная дробь нашего пулемета, словно музыкальный инструмент в руках виртуоза, доставляла истинное наслаждение.

Мы с комиссаром, сержантом разведроты и двумя бойцами оказались в центре цепи и со всеми вместе вели огонь по противнику. Комиссара бригады легко ранило, но он, преодолевая боль, оставался с нами. Ранение в грудь получил сержант-разведчик, который тоже отказался уходить в тыл и, отплевываясь кровью, заряжал диски наших автоматов. Поднимая цепь бойцов в атаку, я был ранен двумя пулями. В горячке боя не ощущалось особой боли, и я продолжал вести огонь и командовать группой бойцов и офицеров. Последний раз мы сошлись с немцами на расстояние броска гранаты. Наши бойцы дрались с удивительной отвагой. Ни один из раненых не оставил поле боя. Около двух часов шел очень упорный бой. Не выдержав нашего натиска, немцы стали поспешно отступать, оставляя убитых и раненых. Глядя на удирающих немцев, я радовался благополучному исходу боя, в котором у противника был десятикратный перевес в силе. В тот момент я вспомнил одно очень верное изречение, рожденное из опыта многолетней боевой практики: «На войне до последней минуты нельзя отчаиваться в успехе»^[10]. Действительно, малейшее проявление неуверенности или слабости могло привести к печальным результатам.

От большой потери крови я начал терять сознание. На следующий день, находясь в медсанроте бригады, я получил очень теплое письмо от командира корпуса генерала Н. А. Гагена, в котором он, в частности, писал: «Побили фрицев здорово, они не ожидали». А в приписке комиссара корпуса полковника А. Лопатенко говорилось: «Ваша бригада дерется героически».

Удар противника по командному пункту 140-й бригады наносился одновременно с ударом по 5-му и 9-му полкам 3-й гвардейской дивизии, достигшим к этому времени южной опушки рощи «Клин», а также по частям 311-й стрелковой дивизии из района Дубовика силами до 300 человек. Контратака противника была отбита, но разрозненные группы немцев просачивались в тыл, нападали на одиночных бойцов, нарушали связь, пытались дезорганизовать управление войсками.

«17 мая для усиления удара в северном направлении и прочесывании леса в тылу боевого порядка корпуса распоряжением командарма 54-й армии в действие вводится 311-я стрелковая дивизия с подчинением ее командиру 4-го корпуса. В результате действий 3-й гвардейской и 311-й дивизий наши части овладели южной опушкой рощи „Клин“ и вышли к берегу ручья Черновской»^[11]. Части корпуса перешли к обороне, а затем стали выводиться в армейский резерв для укомплектования. На этом закончилась Любанская операция 54-й армии.

«Войска 54-й армии во взаимодействии с войсками Волховского фронта дрались в крайне тяжелых условиях местности и обстановки в целом. Высоких моральных качеств, отваги и огромного физического напряжения требовала от них эта борьба. И, несмотря на все трудности, армия сумела прорвать оборону противника и продвинуться в глубину до 25 км, поставив противника в критическое положение. И несомненно, что только в результате недочетов в организации наступления, допущенных командованием Волховского фронта и 54-й армии Ленинградского фронта, крупная вражеская группировка, оборонявшая район Кириши — Чудово — Любань, избежала окружения и уничтожения»^[12].

Итак, тяжелые бои под Любанью закончились. Соединения 54-й армии перешли к обороне на достигнутых рубежах. В конце мая 311-я стрелковая дивизия, совершив по приказу командования армии 65-км марш и сменив части 44-й дивизии, заняла оборону на рубеже: юго-восточный берег болота Соколий Мох — берег реки Волхов, в 2 км севернее Новых Киришей. Справа оборонялась 115-я стрелковая дивизия, а слева, за рекой

Волхов, — 310-я стрелковая дивизия 4-й армии. Во втором эшелоне за левым флангом 311-й дивизии заняла оборону 140-я отдельная стрелковая бригада.

Как дивизия, так и бригада немедленно приступили к укреплению оборонительного рубежа, проводили санобработку личного состава, ремонт оружия, техники, обмундирования и обуви. Противник, надломленный продолжительными боями, вел себя тихо.

Нашу бригаду часто посещал командир корпуса Николай Александрович Гаген и подолгу оставался у нас, помогая организовывать боевую подготовку. Особое внимание он обращал на обкатку танками бойцов, сидящих в траншее.

Здесь хотелось бы вернуться назад и остановиться на наших взаимоотношениях с командиром корпуса, рассказать немного о нем.

Когда в марте бригада прибыла из Сибири в район г. Волхова, мы с комиссаром бригады Б. М. Луполовером явились к Н. А. Гагену с докладом. Он нас подробно расспросил о боеспособности бригады. Несколько раз он сам бывал в частях на занятиях и учениях, чтобы лично убедиться в правильности информации. Проверки проходили без существенных замечаний.

Ко мне вначале, как мне казалось, он относился с изрядной долей неприязни и недоверия. Я объяснял это тем, что Гагена беспокоил вопрос, справлюсь ли я с бригадой, не имея еще опыта участия в боевых действиях в этой войне. Когда соединения корпуса совершали марш к линии фронта по бездорожью и глубокому снегу, генерал Гаген, контролируя каждую ночь передвижение частей корпуса, несколько раз обрушивался на меня, недовольный тем, что части бригады растягивались на марше. В целях маскировки от разведки противника с воздуха соединения корпуса двигались только в ночное время и до наступления рассвета должны были успеть выйти в район дневного привала в густой лес. Бригада с трудом, но все-таки успевала сосредоточиться в указанном нам районе. Опасаясь, что части бригады не успеют затемно выйти в назначенный район дневного привала, генерал Гаген, подогреваемый офицером Генерального штаба полковником Васильевым, человеком по натуре склочным, нервничал и все чаще допускал окрики и оскорбления в мой адрес. За 20-летнюю службу в армии я не имел ни одного замечания и к такому обращению не привык. Да и сам Гаген по натуре не был грубым человеком. Как-то раз на КП комкора я докладывал командиру корпуса о состоянии бригады и выходе в назначенный мне район дневки. При этом присутствовал полковник Васильев, который всюду, как тень, сопровождал

генерала Гагена. По какой-то пустяковой причине Гаген обрушился на меня с грубой бранью, не сдерживаясь в выражениях. На этот раз я не выдержал и резко ответил, что старший начальник имеет право наказывать и отдавать подчиненных под суд за провинность, но права оскорблять человека никому не дано, тем более когда для этого нет причин. Меня поддержал комиссар бригады Б. Луполовер.

После этого случая мы ни разу не слышали от Гагена не только грубости, но даже повышенного тона. По всей вероятности, генерал понял, что перед ним офицеры, умеющие за себя постоять.

Когда надо было докладывать о выполнении боевой задачи или о сложившейся обстановке в ходе боя, я чаще всего вызывал к телефону начальника штаба корпуса полковника Кудрявцева, всегда спокойного и тактичного, и докладывал ему. Генерал Гаген во время боевых действий несколько раз бывал в бригаде, хотя добираться до нас по болотам и под огнем противника было непросто. Мне импонировала его смелость, требовательность к себе и подчиненным и чувство огромной ответственности за порученное дело.

Помню, когда части бригады вырвались вперед других частей корпуса и, форсировав реку Тигоду на участке Липовик — Дубовик, разгромили батальон противника и перехватили единственную дорогу противника на этом участке, я доложил об этом полковнику Кудрявцеву. Через несколько минут меня вызвал к телефону Гаген и, выслушав мой доклад, спросил, почему я сразу не доложил лично ему.

— Поймите, — сказал Гаген, — мне мало только знать, что делается в полосе наступления бригады, я еще хочу слышать ваш голос.

Это было сказано с большой теплотой. Командир корпуса поблагодарил нас за службу и приказал объявить от его имени благодарность всему личному составу бригады. Он несколько раз упомянул майора Назарова, который первым с батальоном форсировал реку Тигоду.

После этого от прежней натянутости не осталось и следа. В дальнейшем наши отношения строились только на большом взаимном уважении и доверии. После моего ранения, находясь в медсанроте бригады, я получил письмо от генерала Гагена. Привожу здесь его полностью:

«Дорогой Борис Александрович!

В Вашем хозяйстве все в порядке. Назаров (командир батальона, вернувшийся после ранения в бригаду и

форсировавший с батальоном реку Тигоду) на месте. В районе КП тихо, меры все приняты, закрепляются. Побили фрицев здорово, они не ожидали. В непосредственной близости от КП около 60 убитых, 3 пленных. Взято 7 раций, 6 пулеметов, 1 миномет, винтовок несколько десятков. Подбито два танка, один сгорел. Сбор оружия продолжается. По документам, действовала диверсионная банда: 1, 2, 3 роты 162 ПП, 6 и 5 роты 45 ПП, 4 рота 185 ПП и 9 артбатарея 21 АП.

Еще раз желаю здоровья и скорейшего излечения. Если что надо, без стеснения сообщите мне, я буду рад Вам помочь. Жму Вашу руку. Привет с лучшими пожеланиями Давыдову и Воронину (это командир танкбата и его начштаба, которые были ранены одновременно со мной). Уважающий Вас Гаген Н.».

В конце письма была приписка комиссара корпуса полковника А. Лопатенко:

«Добрый день, товарищ Владимиров!

Искренне сожалею о том, что Вы получили ранение. От всего сердца желаю Вам скорейшего выздоровления и возвращения к нам. Будем Вас ждать так же, как и товарищей Давыдова и Воронина, скорее в строй. Не стесняйтесь, напишите, чем Вам нужно помочь. Помощь окажем. Ваша бригада дерется героически. А. Лопатенко».

На следующий день после того, как я получил это письмо, в медсанбат верхом, весь в грязи, приехал проводить меня сам Гаген. Он привез мне в подарок две бутылки трофейного французского коньяка. Я был удивлен и тронут вниманием ко мне в такое трудное, горячее время.

Бывая у нас в бригаде, генерал Гаген любил рассказывать о своем прошлом, о службе в царской армии, и его всегда с интересом слушали. В империалистическую войну Н. А. Гаген в звании офицера воевал на русско-германском фронте, где был отравлен удушливыми газами. Последствия этого чувствовались и теперь: он часто тяжело и с надрывом кашлял. Пройдя всю Гражданскую войну, мирную учебу, Николай Александрович с первых дней Великой Отечественной войны принял участие в боях, командуя стрелковой дивизией, которая за успехи в боевых действиях была переименована в «гвардейскую». Затем он был назначен командиром 4-го гвардейского корпуса, в состав которого вошла бывшая его 3-я гвардейская стрелковая дивизия.

Многие из личного состава бригады были представлены к

наградам за проявленное мастерство и героизм во время Любанской операции. Наградные листы по командной инстанции были направлены в штаб Волховского фронта (теперь мы входили в состав этого фронта) и вскоре возвращены оттуда с резолюцией командующего: «Армия успеха не имела, в награде отказать». Хотя в бригаде никто не думал о наградах и не ждал их, такое огульное отношение ко всем без исключения бойцам и командирам было в корне неверным. Армия действительно не выполнила полностью поставленную перед ней задачу, но многие командиры и солдаты дрались, не щадя своей жизни, и погибали героически. Их, хотя бы посмертно, нужно было отметить наградами.

В июле и августе в бригаду прибыло пополнение и недостающее оружие. Наряду с оборонительными и дорожными работами на нашем участке усиленно велась боевая подготовка с командным составом и подразделениями.

В целях проверки хода оборонительных работ и организации учебы бригаду посещал командующий 54-й армией генерал А. В. Сухомлин, которого отличали редкостная выдержка и самообладание. Будучи, по сути, образованным, интеллигентным человеком, он никогда не позволял себе грубость в обращении с подчиненными любого ранга даже в тяжелейшие дни войны, когда нервы у всех были напряжены до предела. Меня восхищала эта черта характера командующего, и хотелось знать, каким образом он этого достиг: либо природой был наделен этим прекрасным качеством, либо еще в молодости прошел хорошую школу. Трудности жизни, казалось, никак не отражались на нем: всегда аккуратный, подтянутый, стройный — прекрасный пример для подражания.

Но были, увы, и другие командиры, которые под воздействием фронтовой обстановки быстро теряли то, что приобреталось долгими годами мирных довоенных лет. Очень заразителна была нецензурная брань. Ругались везде и всегда, а чаще всего просто так, для «украшения речи». Но от генерала Сухомлина никто и никогда не слышал ничего подобного. На совещаниях начальствующего состава он требовал, возмущался, просил выкинуть из своих лексиконов матерщину. Все с ним соглашались, но за дверью землянки все возвращалось на круги своя.

Синявинские бои

Лето 1942 года — зима и весна 1943 года

Во второй половине августа в воздухе запахло грозой. По отдельным моментам можно было судить, что где-то на нашем Волховском фронте идет подготовка к новым сражениям. Первой ласточкой был приказ штаба 4-го гвардейского стрелкового корпуса об отправке в распоряжение начарткорпуса артдивизиона бригады в район пункта Сирокаска. 24 августа бригада срочно начала получать недостающее оружие: около 1000 автоматов, более полусотни противотанковых ружей (ПТР), около 40 единиц 82-мм и 120-мм минометов и более десятка станковых пулеметов. Едва успели мы очистить поступившее к нам оружие от заводской смазки, как сразу же получили задачу: «Бригаде сосредоточиться в тыловой район 8-й армии — Красный Октябрь, Овдакало, Подрыло».

258-я бригада выступила с наступлением темноты и в 5 часов утра 29 августа уже была в указанном районе.

История Синявинской операции такова: Верховное Главнокомандование предложило войскам Волховского и Ленинградского фронтов провести наступательную операцию с целью снятия блокады Ленинграда. Местом проведения этой операции был избран Шлиссельбургско-Синявинский выступ. Войска двух фронтов разделяли здесь всего лишь 12–15 км пространства, занятых противником. Центром вражеской обороны являлись Синявинские высоты.

27 августа 1942 года 8-я армия Волховского фронта, прорвав оборону противника, нанесла удар в направлении этих высот и подошла к населенному пункту Синявино. Здесь наступление армии застопорилось. Причина заключалась в том, что штаб и командование 8-й армии (командарм — генерал Ф. Н. Стариков) спланировали лишь артподготовку атаки, в то время как артобеспечение боя в глубине обороны противника спланировано не было совершенно.

В результате такой, я бы сказал, непредусмотрительности и неграмотности наша атакующая пехота несла очень большие потери и быстро утрачивала боеспособность. Было решено ввести в сражение второй эшелон армии (4-й гвардейский стрелковый корпус под командованием генерала Н. А. Гагена) только тогда, когда наступление войск 8-й армии было остановлено, а не в ходе

сражения. Эта вторая непростительная ошибка с несвоевременным вводом в сражение 2-го эшелона армии, предназначенного для развития успеха 1-го эшелона после прорыва обороны противника, отрицательно сказалась на всей операции.

На пятые сутки после начала наступления первого эшелона командир корпуса поставил нам, командирам соединений, боевые задачи. Наша 140-я отдельная стрелковая бригада по задаче командира корпуса должна была наступать во 2-м эшелоне корпуса. Получив задачу, бригада выступила для занятия исходного положения. На марше на части бригады налетели 11 пикирующих самолетов противника. В результате налета мы потеряли до 20 человек и столько же лошадей. Сравнительно небольшие потери объяснялись тем, что с целью маскировки от авиации противника части бригады двигались рассредоточенно, по нескольким маршрутам. Нам удалось ружьями (ПТР) и станковыми пулеметами сбить один самолет.

На следующий день наши части подошли к реке Черной и здесь получили боевой приказ: наступать на левом фланге корпуса в направлении отм. 38.3.

Берега реки Черной очень заболочены. Сплошная трясина буквально засасывала человека с головой. Наконец, ночью, с огромными трудностями, мы преодолели болото, а с утра попали под бомбежку, которая длилась с небольшими перерывами весь день, с рассвета до сумерек. На этот раз от ударов авиации потери в частях были значительными.

С утра 2 сентября мы продолжали продвигаться, тесня пехоту противника, и достигли проселочной дороги совхоза Торфяник-Келково. Немецкие самолеты не давали ни минуты покоя и бомбили нас все светлое время суток.

На следующий день я ввел в бой второй эшелон бригады — 3-й отдельный стрелковый батальон — для более решительного нажима на противника. Вражеские самолеты продолжали непрерывно бомбить и обстреливать наши части. Вскоре, видимо, подошли свежие силы противника, и огонь его артиллерии, особенно минометов, значительно усилился. С Синявинских высот прекрасно наблюдались наши боевые порядки, и противник имел возможность вести прицельный артиллерийско-минометный огонь, который выводил из строя бойцов и сковывал наши действия. Невозможно было не только продвигаться, но и головы поднять. Над нами с ревом носились осколки снарядов и бомб. Кругом стоял крошечный ад.

Кровопролитные бои в Любанской операции теперь казались не столь тяжелыми: тогда у нас был численный перевес и мы

диктовали противнику свою волю. Теперь же он превосходил нас по численности в живой силе и артиллерии, а его авиация полностью господствовала в воздухе. Наша артиллерия, как корпусная, так и армейская, почему-то молчала. Частей корпуса не было ни справа, ни слева бригады. Где они дрались, нельзя было понять. Время от времени в воздухе появлялись наши самолеты, но тут же истребители «мессершмитты» завязывали воздушный бой, который часто заканчивался не в нашу пользу.

С большими трудностями, под грохот разрывов, удалось наконец связаться по радию с командиром корпуса генералом Н. А. Гагеном. Нам нужно было ориентироваться в обстановке в полосе корпуса, требовалось знать, где дерутся соединения корпуса, что делает артиллерия корпуса и армии и почему она не ведет огонь на подавление минометов и артиллерии противника, каким образом можно связаться с нашей артиллерией, чтобы поставить ей задачу на уничтожение хотя бы вражеской пехоты.

Из разговора с командиром корпуса я узнал, что и на соседних участках фронта противник активизируется и обстановка осложняется. Из-за грохота боя и разрывов авиабомб и снарядов я больше ничего толком не мог разобрать. По отрывочным ответам генерала Гагена мне стало ясно, что и ему нелегко и что надо решать вопросы боя самостоятельно, надеясь только на свои силы. Это единственное, что я понял из нашего разговора с командиром корпуса. Ничего утешительного и никакой нужной информации я не получил.

К 4 сентября, несмотря на ожесточенное сопротивление противника, части бригады немного продвинулись вперед. Высланные на фланги разведчики возвратились, не встретив никого из частей корпуса. По задаче, поставленной нам, мы должны были продвигаться к Неве для соединения с частями Ленинградского фронта.

Наше положение было исключительно тяжелым. Имея приказ наступать, о переходе к обороне на достигнутом рубеже нельзя было и думать. Гитлеровцы кружили вокруг нас, как волки, вводя в бой новые, свежие силы.

Мы не знали, в каком положении находятся войска Ленинградского фронта. Нам нужно было выполнять полученную задачу — наступать, несмотря на яростное сопротивление противника. Наши батальоны героически дрались, но с каждым шагом таяли, как весенний снег. Особенно досаждала нам авиация противника, которая с ревом сирен пикировала, бомбила и обстреливала из крупнокалиберных пулеметов. Стараясь остановить нас во что бы то ни стало, самолеты постоянно кружили над нами. Зенитных средств у нас не было, мы были

беспомощны перед ними.

По одному из достигнутых нами рубежей противник дал сильный заградительный огонь и вынудил части бригады залечь. Вскоре с фронта и на флангах наших батальонов показалась густая масса пехоты. Немцы начали атаковать. В результате длительного неравного боя с превосходящими в несколько раз силами противника наши поредевшие батальоны были окружены. Около суток продолжался бой. Отдельным группам бойцов удалось выйти из окружения. Мы несколько раз всеми имеющимися у нас силами шли на выручку окруженным, но ничего сделать не могли.

В этих боях мы потеряли многих командиров и солдат. Был тяжело ранен начальник политотдела бригады товарищ Трефилов, начальник разведки бригады ст. лейтенант Чернов. Прямым попаданием 250-кг бомбы в цель были разорваны в клочья четыре бойца из отдела «Смерш» вместе с начальником отдела майором Кот.

Всю ночь и утро 7 сентября противник особенно усиленно вел обстрел снарядами и бомбил мой командно-наблюдательный пункт. Были ранены мой ординарец Н. Чепцов, сержант комендантского взвода Гумарев и фельдшер управления бригады Шанина. Противник, видимо, точно засек наш командно-наблюдательный пункт.

Было бы лишним говорить, что настроение у всех у нас в те дни было подавленное. По силе нажима огня и агрессивности было ясно, что инициатива в боевых действиях полностью перешла к противнику. Не встречая сопротивления со стороны нашей авиации и зенитных средств, гитлеровцы в небе хозяйничали как у себя дома. Части,двигающиеся на усиление корпуса, подверглись такой сильной бомбежке, что подразделения трудно было собрать. Многие бойцы после удара авиации разбредались и небольшими группами бродили по нашим тылам в поисках своих частей.

С батальонным комиссаром Б. Луполовером мы собирали беспризорных бойцов и пополняли ими наши подразделения и части. Довольны были все: бойцы тем, что обрели новую «семью», а мы — что пополнились.

Бойцы одного из наших батальонов, вышедшие из окружения, с восхищением и гордостью рассказывали о 20-летней девушке из Сибири Полине Ясинской, которая погибла в боях 5 сентября недалеко от дороги совхоза Торфяник-Келково. Эту замечательную девушку-фельдшера знали многие бойцы и командиры по предшествующим боям под Любанью. Рассказывали, что, когда в батальонах почти не осталось

офицеров (одни убиты, другие ранены), некоторые слабые духом солдаты, не выдержав напряжения боя и боясь повторной контратаки свежих сил противника, начали отходить с рубежа, который удерживали батальоны. За отдельными паникерами потянулись другие. Оказывая медпомощь раненым бойцам, Полина увидела, что один за другим бойцы потянулись в тыл. Понимая, чем это может грозить батальону, который и так с неимоверным трудом и потерями удерживал малыми силами натиск противника, она поднялась с земли и, размахивая над головой автоматом, звонко крикнула во весь голос: «Ребята! За мной!» Увидев смело бегущую вперед девушку и услышав ее команду, солдаты, самовольно вышедшие из боя, один за другим побежали за ней к боевой цепи поредевшего батальона. «Бей гадов-фашистов!» — кричала Полина, лежа в цепи и стреляя из автомата в накопившегося для атаки противника. Теперь уже как командир, под градом осколков от разрывов снарядов и мин, она из окопа наблюдала за противником, который готовился к повторной атаке. Перед атакой немцы обрушили на цепь батальона огонь артиллерии. Одним из осколков разорвавшегося поблизости снаряда Полина была убита. Противник перешел в атаку и, обойдя батальон с флангов, замкнул цепь окружения. Так погибла Полина Ясинская, девушка-героиня, гордость 140-й бригады.

7 сентября командир корпуса генерал Н. А. Гаген вызвал меня на свой наблюдательный пункт (мой НП уже находился в другом месте — на правом фланге корпуса) для доклада о положении дел на участке бригады. В небольшой землянке командира корпуса находилось человек семь генералов и офицеров корпуса, штабов армии и фронта. Они очень приветливо встретили меня и с большим вниманием прослушали мой доклад о положении дел в бригаде. Обстановка в соединениях корпуса была чрезвычайно сложной, это чувствовалось по всему. После доклада мне предложили поехать и выпить. От еды и от выпивки я отказался. Тогда комиссар корпуса генерал Лопатенко взял пол-литра водки и засунул мне во внутренний карман ватной телогрейки. С водкой в те дни было тяжело, вероятно, подвоз ее на автотранспорте был очень затруднен, поэтому и бригада не всегда получала положенный ей пай.

Вскоре мы слышали грохот артналета и вой сирен пикирующих самолетов. Выйдя из землянки, я по направлению артналета и разрывам авиационных бомб понял, что налет ведется по расположению НП бригады и нашей слабенькой обороны. Очевидно, противник готовился к очередной

контратаке.

Доложив о своих опасениях генералу Гагену, мы с ординарцем бросились бежать в направлении нашего КП.

— Подожди, куда же ты под огонь? Надо выяснить... — Генерал Лопатенко схватил меня за рукав куртки. Сверкнув глазами, я с силой одернул руку и устремился прочь.

— Эх! Багратион! — крикнул он мне вдогонку.

Бежали мы с ординарцем напрямик, не выбирая дороги, через густой лес. Углубившись в него, я увидел, что рядом, чуть левее, в направлении НП нашей бригады двигаются плотные цепи гитлеровцев. Офицеры быстро шли впереди своих солдат и, подгоняя их, что-то кричали истошными голосами. Солдаты сбивались в кучи, горланили, возбужденные предстоящей атакой и изрядными дозами принятого для храбрости шнапса. Чтобы успеть к своим раньше противника, нам надо было, не сворачивая в сторону, бежать, обгоняя немцев. И мы бежали «быстрее лани», как писал поэт... впереди немцев, рискуя каждую минуту получить пулю в спину. Нас спасало то, что возбужденные немцы ничего не замечали вокруг, в том числе нас, бежавших перед ними. Задыхаясь от быстрого бега по мягкой, упругой, покрытой мхом земле, мы жаждали увидеть своих. Вдруг в 40 м от нас — наш окоп. На счастье, окоп оказался пулеметным. Два бойца лежали за пулеметом «максим». Один из них, небольшого роста, жилистый, — наводчик пулемета. Второй номер пулемета, высокий, атлетического сложения брюнет с ярким румянцем, был гораздо моложе своего напарника. Оба возились с пулеметом, стараясь наладить его на автоматическую стрельбу, но тщетно. Было видно, что они еще не очень хорошо изучили это замечательное оружие. По всей вероятности, командир роты при назначении пулеметчиков в пулеметный взвод номерами при пулемете обращал внимание не на их знания и умение обращаться с оружием, а на физическую силу солдата, позволяющего таскать пулемет на себе. Он не ошибся: молодому атлету по силам было таскать и груженные возы.

Сам я был пулеметчиком в молодые годы, командовал пулеметным взводом, ротой и батальоном, очень любил и был патриотом этого оружия. В данной ситуации мне нетрудно было найти причину отказа пулемета в автоматической стрельбе. Патронная лента была набита патронами небрежно: одни глубоко сидели в ленте, другие не доходили до нужного места. Сама брезентовая лента была сырой. Отодвинув наводчика, я лег за пулемет, вытащил ленту и приказал подать другую. Другая лента была не лучше. Тогда, быстро выровняв с пулеметчиками патроны в ленте, я зарядил пулемет и дал в сторону противника, чтобы он

нас не обнаружил, короткую контрольную очередь. Пулемет сработал отлично.

Наблюдая за обстановкой, я увидел, что наши заняли оборону в открытой неглубокой траншее, готовые встретить наступающих немцев огнем из ручных пулеметов и автоматов. Всего нас было человек пятьдесят, все на своих местах. Появилась уверенность, что контратаку отобьем. Противник продолжал вести артподготовку по нашему расположению. Основная масса снарядов рвалась позади нас, у нашего КП, где не было никого. Через несколько минут распоряжением начальника инженерной службы бригады Спирина (он был самым старшим по возрасту в бригаде) бойцы подкатили 45-мм пушку и установили ее рядом с пулеметом.

Занятый наблюдением за противником, я обратил внимание на пушку только тогда, когда на открытом снарядном лотке, который лежал на боковом бруствере нашего окопа, завертелся с головокружительной скоростью, шумом и свистом, как бы вокруг своей оси, один из снарядов. Видимо, небольшой горячий осколок разорвавшегося где-то поблизости снаряда противника пробил гильзу этого снаряда, воспламенился порох, и снаряд под действием газа завертелся волчком. В нескольких шагах позади меня спокойно стоял майор Спирин. Не успел я подумать, что вот сейчас этот снаряд сорвется с места и взорвется у наших голов, как вдруг гитлеровцы перенесли огонь в глубину нашего расположения и бросились в атаку с диким гортанным криком, стреляя из автоматов. Мгновенно забыв о вертящемся снаряде, я нажал на спусковой рычаг пулемета и, рассеивая по фронту, повел огонь по вражеской цепи. Одновременно справа и слева застучали пулеметы и автоматы. Не выдержав нашего огня, цепь противника начала таять и залегла.

Быстро сменив пулеметную ленту и нацелив пулемет, мы ждали повторной атаки. Вскоре гитлеровцы оправились от первых потерь и поднялись в атаку. И снова по всему фронту бригады трещали автоматы, прямо в уши хлопала 45-мм пушка и четкой дробью «говорил» наш славный «максим».

В 30–40 м от нашего расположения атака противника захлебнулась. Немцы были видны как на ладони. Мы продолжали вести огонь, не давая им возможности подняться или отползти.

Убедившись, что противник изрядно потрепан, мы перешли в атаку, очищая ранее занятую территорию. Более трех десятков гитлеровцев были взяты в плен. Против нас в этом бою действовало не менее 400 немцев, от которых практически ничего не осталось. Наши потери были небольшими: среди убитых — комиссар штаба бригады майор В. Рахмачев, тяжело ранен

разрывной пулей в руку помощник начальника штаба бригады, отличный молодой офицер В. Я. Авдеев. Я был легко ранен, пуля прошла под кожей на груди, я даже не почувствовал боли, хотя телогрейка была прострелена в нескольких местах, из которых белыми хлопьями торчала вата.

А куда девался снаряд, что юлой вращался на уровне наших голов, я так и не узнал.

Немцы могли атаковать повторно, поэтому я расположил бойцов на прежнем рубеже, организовав наблюдение как в сторону противника, так и на наших флангах. Командиром над ними был оставлен адъютант батальона связи П. И. Тарасенко.

С комиссаром бригады Б. М. Луполовером мы отправились в свои шалаши, которые находились в 100 м от рубежа нашей обороны, чтобы доложить по телефону о происшедшем бое командиру корпуса генералу Н. А. Гагену.

Бурный, тяжелый день был на исходе, нестерпимо клонило ко сну, и я решил немного поспать.

Последующие несколько суток противник непрерывно бомбил и обстреливал наши позиции и НП полевой и тяжелой артиллерией. Нашу единственную землянку — шалаш — несколько раз заваливало взрывной волной разрывавшихся рядом бомб и снарядов. Противник мстил нам только огнем, не решаясь больше ни разу переходить в наступление на нашем участке.

В районе командно-наблюдательного пункта располагались подразделения бригады и часто небольшой резерв. Недалеко от землянки-шалаша разместилось в отдельной щели отделение стрелков. Бойцы по национальности были нерусскими. Не могу сказать наверняка, скорее всего, это были узбеки. Как только начинались бомбардировки или артобстрел нашего КП, бойцы этого отделения немедленно покидали свою довольно глубокую щель (в этой местности только в отдельных местах можно было открывать щели) и во весь дух бежали к нашей землянке-шалашу, где находилось командование бригады — командир, комиссар и начальник штаба бригады. Они усаживались на открытой площадке рядом с шалашом и спокойно пережидали бомбежки и артобстрел. Нас очень удивляло такое поведение. Мы не могли понять, по какой причине в самые опасные моменты, когда надо сидеть в щелях, они оставляют ее и спокойно садятся возле нас на открытой площадке. На наши вопросы они отвечали улыбками, так как не владели русским языком. Уже потом через переводчика мы узнали причину такого странного поведения: безопаснее находиться рядом с начальством, так как оно знает, куда может упасть бомба, а куда нет. И действительно, нам везло: бомбы и снаряды падали в стороне от нас. Такой была психология многих

неграмотных солдат. Хотя, может, совсем и неплохо так слепо верить в командира?

Не помню уже в какой день, возможно, одновременно с атакой нашей бригады, были атакованы и другие сильно поредевшие от непрерывных бомбежек противника соединения корпуса. Они не могли уже сдерживать натиск немецких свежих частей и в результате были окружены. Вместе с соединениями корпуса в окружении оказался командир корпуса генерал Н. А. Гаген. Об этом мы узнали 10 сентября, когда вместо Гагена командиром корпуса был назначен генерал-майор С. В. Рогинский. В тот день бригада прикрывала смежные фланги двух дивизий — 294-й и 259-й.

11 сентября мы получили приказание начальника штаба корпуса полковника Кудрявцева вывести бригаду в село Килози для пополнения людьми. Выходили мы днем по узкому проходу, оставленному противником. Наш путь проходил по болотистой, усеянной кочками и буграми местности, которую противник держал под сильным обстрелом и бомбежками. В селе Килози находилась наша медсанрота, которая попала под удар вражеской авиации. Погибла фельдшер Быстрова, ранены были фельдшер Дорнова и начальник санслужбы бригады майор И. Д. Евсюков, которого я очень ценил за добросовестность и смелость. Со своим 19-летним адъютантом-фельдшером А. Д. Лузаном Евсюков часто по собственной инициативе посещал нас в боевых порядках. Его главной заботой был вынос раненых из боевых порядков частей бригады, что являлось делом тяжелейшим по условиям данной местности и боевой обстановки.

Получив 430 человек и пополнив два батальона, в которых теперь уже было по 300 бойцов в каждом, 16 сентября мы поступили в подчинение 6-го гвардейского стрелкового корпуса, которым командовал генерал Алферов.

В тот же день я был представлен командующему 2-й ударной армией генералу Н. К. Клыкову. С густой проседью в волосах и откровенно уставшим видом, этот человек произвел на меня довольно странное впечатление и тем, как он со мной разговаривал, и своим абсолютно нереальным приказом: мне была поставлена задача овладеть рощей «Круглой» — самым крепким орешком во всей синявинской обороне!

Этот важнейший узел сопротивления немцев прикрывал подступы к Синявинским высотам, с которых прекрасно обозревалась вся впереди лежащая местность. Противник имел здесь в своей обороне несколько десятков орудий на прямой наводке, более ста пулеметных точек и несколько тысяч пехоты. В случае надобности оборонявшихся поддерживала основная масса

артиллерии всей синявинской группы противника. Рощу «Круглая» оборонял 366-й полк 227-й пехотной дивизии, о котором много шумела фашистская пропаганда: за оборону рощи командиру полка Венглеру было присвоено звание полковника и пожалован Рыцарский крест.

Несколько наших дивизий вместе и порознь неоднократно и безуспешно штурмовали рощу, неся огромные потери. И вот теперь генерал Клыков поставил эту сверхзадачу перед слабенькой бригадой, в составе которой насчитывалось всего-то 600 бойцов. Он даже не обещал поддержать наши действия артиллерией, не говоря уже о танках, которые в полосе, данной нам для атаки противника, не могли бы действовать.

— Овладеете рощей «Круглая» — получите орден Красного Знамени, — сказал, прощаясь со мной, Клыков.

Я не ответил, мне не хотелось ему отвечать: мы дрались не за ордена, мы дрались за Ленинград, за освобождение ленинградцев от блокады. О наградах мы не думали.

Местность, на которой нам было приказано занять исходное положение для атаки, представляла собой голую, плоскую низину. Это было, по сути, торфяное болото, где до войны добывали торф. Низина изрезана широкими каналами, заполненными бурой водой. Каналы были вырыты параллельно роще «Круглая», т. е. поперек нашего наступления. Их было много, они располагались через каждые 50–60 м. Так как через них нельзя было ни перешагнуть, ни перепрыгнуть, каналы представляли собой серьезное препятствие для наступающих войск.

Ровная как стол местность хорошо просматривалась и простреливалась из рощи «Круглая» всеми видами огня. Каждый поднявшийся на ноги боец становился удобной мишенью для противника.

Хорошо зная местность, командир 6-го гвардейского корпуса генерал Алферов не ставил перед нами задачи наступать, поэтому ночью мы заняли исходное положение в этой торфяной жиже, а с утра вели наблюдение за противником, подыскивая цели для снайперов и нашей артиллерии. Пехота оказалась в тяжелейших условиях: бойцам приходилось лежать на сыром водянистом торфе в мокрой одежде и обуви, а стоило подняться на ноги, как противник скашивал пулеметной очередью. Выносить раненых можно было только ночью. У бойцов начали опухать ноги, и почти каждую ночь из боевых порядков выносили по 5–6 человек с гангреной.

Эта местность не была приспособлена для каких-либо боевых действий. Немцы, которые много месяцев оборонялись в роще

«Круглая», ни разу, насколько мне было известно, не пытались занять эти торфяные болота. Наши войска там тоже не занимали оборону.

Мысль овладеть рощей «Круглая» с севера, да еще одной только пехотой без поддержки артиллерии и авиации, могла прийти в голову командиру, который реально не представлял себе положения войск на открытой болотистой местности.

Мы понимали, что вести боевые действия на этом участке не только невозможно, но просто бессмысленно. Я доложил об этом командиру 6-го гвардейского стрелкового корпуса генералу Алферову и получил следующий ответ: «Ведите активную оборону».

Надо было что-то делать, чтобы не давать покоя противнику. Мы нашли наблюдательный пункт, с которого просматривался отрезок дороги, где постоянно курсировали немецкие грузовики и повозки. С этого наблюдательного пункта наша артиллерия вела огонь по автотранспорту неприятеля. Кроме того, мы организовали разведывательные поиски противника с целью захвата «языка». Хотя разведка на этом участке сталкивалась с колоссальными трудностями, разведчикам все же удалось захватить «языка» — солдата 366-го пехотного полка 227-й пехотной дивизии.

Как-то навестил нас военный комиссар 6-го гвардейского корпуса (фамилию забыл). Вместе с комиссаром бригады Б. Луполовером мы пытались объяснить ему, что держать бригаду на этом болотистом участке нет никакого смысла, что потери наши по большей части вызваны тем, что солдаты находятся постоянно в холодной воде без движения. Мы просили его разобраться, за какую такую провинность нас загнали в это гиблое место. Комиссар корпуса постарался побыстрее уйти к себе на КП, так и не ответив на наши вопросы и ничего нам не пообещав. Однако вскоре нас сняли с места: видимо, мольбы наши дошли до начальства.

В конце сентября обстановка на Синявинском фронте для наших войск еще более осложнилась. Войска 8-й армии отходили с западного на восточный берег реки Черной. Тогда же нашу бригаду сняли с торфяного болота и перебросили для обороны участка в 1 км западнее населенного пункта Охраны. Через двое суток бригада перешла в район Апраксин Городок, где в 1,5 км от него заняла оборону.

3 октября пришел приказ выйти в резерв фронта в район села Никольское. В этом селе мы совершенно случайно встретили нашего, теперь уже бывшего, командира корпуса Н. А. Гагена. Измученный, худой, с посохом и автоматом, он только что вышел

из окружения и направлялся в штаб фронта. Мы были искренне рады видеть его живого, избежавшего плена. Несмотря на свои немолодые лета, он нашел в себе силы и мужество вырваться из кипящего котла окружения.

Несколькими днями позже мы с комиссаром бригады навестили генерала Гагена. Он находился в распоряжении штаба фронта, где его привлекли к ответственности за потерю руководства соединениями корпуса в ходе боев. Нас возмутили предъявленные ему обвинения, так как мы знали, как корпус вводился в сражение. Нужно было, видимо, найти козла отпущения, чтобы настоящим виновникам всех бед в Синявинской операции остаться в тени. Удобной фигурой оказался боевой труженик генерал Гаген. Впоследствии, однако, он сумел себя полностью реабилитировать как командир корпуса, и начатое дело было прекращено. Много позже я узнал, что Н. А. Гаген на других фронтах командовал 57-й армией.

Основными же причинами, которые привели к тому, что советские войска не выполнили поставленных перед ними задач в Синявинской операции, были, мягко говоря, недостатки в управлении войсками, неправильное использование вторых эшелонов и оперативности резервов, вводившихся в бой по частям и с большим опозданием, и другие недочеты в организации и ведении операции. Подводя итог, можно сказать, что тяжелой и кровавой Синявинская операция стала из-за своей неорганизованности.

Но мы все-таки заставили противника израсходовать все его резервы, которые предназначались для штурма Ленинграда.

После окончания войны, в День Победы, мы случайно встретились с Н. А. Гагеном в гостинице ЦДСА. Были бесконечно рады друг другу. Помню, долго сидели у него в номере и вспоминали уже прошедшие годы тяжелой войны.

Когда я мысленно прохожу по своему большому и нелегкому боевому пути от Волхова до Эльбы, всегда, как кошмарный сон, вспоминается мне Синявинская операция 1942 года, которую ленинградцы называли «Кровавым сражением».

В обороне под Ново-Киришами Осень 1942 года — весна 1943 года

В первых числах октября мы с радостью возвращались в свою родную 54-ю армию, командование которой встретило нас очень радушно. Более месяца бригада дралась в составе 8-й армии, но никого из начальства мы не видели: ни командующего, ни члена Военного совета, ни начальника штаба.

Возвращались мы в армию по хорошо знакомой нам дороге — Шум, Мемино, Шелогоино, Андреево.

Командующий 54-й армией генерал Сухомлин и член Военного совета генерал Холостов тепло приняли меня и комиссара бригады Б. Луполовера. Мы подробно рассказали о боевых действиях бригады и всех перипетиях, которые пришлось пережить в Синявинской операции. Доложили о численности частей бригады, о наличии и состоянии оружия, обмундирования и обуви, о политико-моральном состоянии бойцов и командиров.

Внимательно и с интересом выслушав нас, командование армии поставило перед нами задачу привести в порядок бригаду, помыть, подстричь бойцов, а затем занять оборону во втором эшелоне армии за 311-й стрелковой дивизией на Киришском направлении.

В тот же день в банях, сооруженных из походных палаток и брезентов, мылся весь личный состав бригады.

На следующий день мы приступили к оборудованию оборонительных рубежей севернее Кириши. После командирской рекогносцировки рубежа все мы, и офицеры, и солдаты, рыли траншеи, ставили ДЗОТы, проволочные заборы, делали ловушки и «волчьи ямы». Все это сооружалось с удовольствием, с интересом и очень добротнo, чтобы на случай наступления противника можно было бы держаться малыми силами, нанося ему урон.

Нашу бригаду вскоре посетил член Военного совета армии генерал Холостов, скромный и простой в общении с подчиненными. На служебном совещании офицеров он вручил всем медали «За оборону Ленинграда» и объявил Указ правительства о введении в армии единоначалия. Генерал Холостов часто посещал нашу бригаду. Прежде чем побывать в ее частях, он, как правило, заходил ко мне в землянку и подробно рассказывал нам с комиссаром о положении дел на фронтах.

В средних числах октября командующий фронтом генерал К. А. Мерецков и член Военного совета фронта Л. Мехлис провели

на КП 54-й армии совещание с командирами соединений нашей армии и их заместителями по политчасти. Именно здесь мы впервые увидели Мерецкова и Мехлиса, так сказать, живьем.

К. А. Мерецков произвел приятное впечатление, держался очень просто, без высокомерия и позы. Он особо подчеркнул в своем выступлении, что в обороне нельзя быть пассивным. В любой обстановке нужно уничтожать противника как только и чем только возможно, ни днем ни ночью не давать ему покоя, создавать такую обстановку, чтобы под ногами врага горела наша земля.

То, о чем говорил Мерецков, действительно имело место. Находясь в обороне, наши войска вели себя пассивно. Не считалось необходимым вести огонь по противнику, дабы не получать ответного огня. Противнику было чем отвечать: артиллерийских снарядов и мин он не экономил. Но в обороне он тоже вел себя спокойно. Создавалось впечатление, что противоборствующие стороны заключили негласный договор — в обороне не стрелять друг в друга. Надо заметить, что и немцы, да и наши тоже, так распустились, что даже перестали маскироваться. Мерецков был абсолютно прав, когда ставил перед нами задачу постоянно проявлять боевую активность.

Совсем иное впечатление произвел Л. Мехлис. Он показался довольно желчным и даже жестоким. В перерыве совещания нам, командирам и заместителям командиров по политчасти, удалось поговорить, поспорить и даже в чем-то возразить и не согласиться с ним.

Вскоре бригаду посетил начальник штаба 54-й армии генерал Викторов. Веселый и жизнерадостный, он любил пообщаться, поговорить, посмеяться. Мы очень уважали его и как человека, и как генерала. Приехал он к нам в связи с награждением бойцов и командиров, прекрасно проявивших себя в Синявинской операции. Как и в любанских, в этих боях снова отличились капитаны Ясенецкий, Яковлев, Кузнецов, ст. лейтенант Кравченко, лейтенанты Васильев, Балакин, мл. сержант Соловьев и многие другие. Были также награждены врачи медсанроты Генаденик, Тихонова, медфельдшеры Солдатов, Розвезева. Всего за Синявинскую операцию орденами и медалями было награждено около сотни человек.

Наступил 1943 год. Каждый из нас ждал на фронте перемен к лучшему.

18 января мы отмечали первую годовщину 140-й отдельной стрелковой бригады. В этот день нас посетил А. В. Сухомлин. От него мы узнали о прорыве блокады Ленинграда. Радости нашей не было предела. Вместе с Сухомлиным у нас в гостях был

начальник политуправления армии полковник Котиков, к которому мы все относились с большой симпатией и уважением.

В первых числах декабря нашу бригаду сменил полк 311-й стрелковой дивизии и занял оборону в первом эшелоне армии под Ново-Киришами (это направление в обороне армии считалось наиболее опасным). Военный совет армии объявил благодарность за быструю и четкую смену всему личному составу бригады.

Вскоре, в связи с введением единоначалия, на переподготовку (переквалификацию) отбыл из бригады заместитель командира бригады по политчасти Борис Михайлович Луполовер, с кем рука об руку в течение года мы дрались на Ленинградском и Волховском фронтах. Жили мы с ним дружно. Бывало, спорили, не соглашаясь по тому или иному вопросу, но всегда делали это открыто и честно, оставаясь друзьями. Комиссаром он был смелым, принципиальным, справедливым. К спиртному относился равнодушно и не делал скидок тем, кто этим делом злоупотреблял. К подчиненным относился бережно. Если кто из них попадал в беду по наговорам, а оговорить человека всегда находились подхалимы, желающие выслужиться, он тщательно расследовал эти дела и, если видел, что наговоры ложные, хода им не давал. В тяжелых боях под Любанью Луполовер, рискуя собственной жизнью, не раз вытаскивал тяжело раненных офицеров штаба из-под огня противника. Очень не хотелось расставаться с Борисом Михайловичем, но, как говорится, приказ есть приказ.

Как только бригада заняла оборону под Ново-Киришами, мы в штабе без промедления, как рекомендовал командующий фронтом К. А. Мерецков, составили месячный план борьбы с противостоящим противником. Все было расписано по дням, часам и участкам обороны. В уничтожении гитлеровцев были использованы снайперы, ручные и станковые пулеметы и все 45-мм орудия прямой наводки. Бригадную артиллерию и минометы использовали только периодически, по особо важным целям, так как снабжение снарядами и минами от 76-мм калибра и выше шло еще очень плохо.

Довольно быстро вошли мы во вкус этой борьбы, как говорится, аппетит приходит с едой. Чтобы меньше нести потерь от ответного огня противника, мы решили вести огонь с закрытых или полузакрытых огневых позиций из 45-мм орудий, благо снарядов этого калибра всегда было много. Однако, для того чтобы из пушек, предназначенных только для прямой наводки, вести огонь с закрытых или полузакрытых огневых позиций, нужно было приспособить их к этой стрельбе. Эту задачу решили быстро: созданную нами 45-мм батарею из десяти пушек мы

снабдили артиллерийской буссолью и пушки — пулеметными угломерами. Особой точности, т. е. стрельбы по точке, мы не ожидали от такой импровизации, но по ограниченной, небольшой площади — вполне. Надо заметить, что еще в мирные годы часто практиковалась стрельба с закрытых огневых позиций, и мне, в прошлом командиру пулеметных подразделений, удалось хорошо наладить это дело. Казалось, можно было бы поступить проще: вести огонь прямой наводкой из 45-мм пушек, не изобретая новых способов ведения огня, но тогда мы бы демаскировали себя, и противник после каждого нашего огневого нападения зло огрызался бы 105-мм артиллерией, не жалея снарядов. Это привело бы, несомненно, к ненужным потерям личного состава и выводу из строя пушек.

Я, как сейчас, помню пробные выступления со стрельбой из 45-мм пушек. Расположив батарею на огневых позициях в 1,5 км от противника за небольшой возвышенностью и связав телефонным проводом наш наблюдательный пункт с батареей, мы получили возможность подавать команды на батарею и корректировать огонь. Свой наблюдательный пункт заранее ночью мы подготовили и хорошо замаскировали. Это был блиндаж с амбразурой с обзором Ново-Кириши — железнодорожный мост через р. Волхов. Чтобы своими собственными глазами и ушами увидеть и услышать «дебют» 45-мм батареи, в блиндаже собрались офицеры-артиллеристы, начальник разведки и начальник связи бригады. В случае успешной стрельбы они могли бы применить наш опыт на других участках обороны. Из блиндажа мы наблюдали за гитлеровцами и ждали момента, когда они начнут производить смену взвода в траншее у железнодорожного моста через Волхов. Все данные для стрельбы были нами предварительно подготовлены: пушки наведены и накануне аккуратно пристреляны, причем так, чтобы противник не мог ни о чем догадаться. Наконец, заметив смену — взвод гитлеровцев, который спокойно двигался в направлении траншеи, — я подал по телефону на батарею команду: «Приготовиться!» Через несколько секунд командир батареи доложил: «К стрельбе готовы».

Когда смена противника, как всегда не маскируясь, подошла к траншее, а находящийся там взвод вышел на открытую площадку, я подал команду: «Батарея, беглый огонь!» Все десять наших пушек начали выпускать снаряд за снарядом, которые падали и разрывались точно у цели на площадке. Несколько солдат тут же упали, другие начали прыгать в траншею, остальные забегали в панике. Мы продолжали стрелять. Несколько снарядов разорвалось в траншее. Позже, после

окончания стрельбы, мы видели, как из нее выносили убитых и раненых.

Выпустив около 150 снарядов за одну минуту, мы прекратили стрельбу. Дело было сделано. И удачно! Решили, что на сегодня хватит.

Когда офицеры засобирались уходить, я задержал их еще на какое-то время в блиндаже, чтобы посмотреть, как немцы ответят на нашу стрельбу, и чтобы никто не попал под их ответный огонь.

Примерно через 10 минут после нашей стрельбы немцы обрушились огнем 105-мм батареи на одну из голых возвышенностей на нашем переднем крае, метров на 100 правее блиндажа, по всей вероятности приняв этот бугор за наблюдательный пункт, с которого управляли огнем. Дело в том, что контрбатарейную стрельбу по нашим пушкам фашисты вести не могли: выстрелы из этих пушек совершенно не были слышны даже нам, и засечь их было невозможно.

Стреляли немцы минут двадцать. Когда закончился безрезультатный артоналет, мы, не торопясь, довольные результатом нашей стрельбы, двинулись по ходам сообщений на командный пункт бригады, где конкретно наметили точки, которые в дальнейшем нужно было обстрелять из наших 45-мм пушек.

Всю ночь немцы, похоже, были заняты углублением хода сообщения к обстрелянной нами траншее, а мы поливали их огнем из пулеметов «максим».

После этих событий маскировочная дисциплина у немцев заметно возросла, да и нашему брату теперь приходилось держать ухо востро.

Возле Ново-Кириши, недалеко от железнодорожного моста через Волхов, проходила небольшая траншея, которую занимал наш стрелковый взвод. Из-за хорошей видимости со стороны противника днем к ней подходов не было. Только с наступлением темноты происходила смена взводов. Эта траншея называлась «ниткой». Она была единственной траншеей на скате, обращенном к железнодорожному мосту через Волхов. Название «нитка» передалось нам по традиции от 311-й дивизии. Как правило, смену взводов производили здесь командир роты или его заместители, никогда при этом мы потерь не несли, все обходилось благополучно.

17 февраля смену произвел недавно прибывший в бригаду командир батальона капитан Иевлев. Он решил лично ознакомиться с обороной на «нитке», чтобы иметь ясное представление об условиях обороны в этой траншее. Всем в штабе бригады новый командир батальона приглянулся. Как многие

люди с Севера, он был спокойным и неторопливым, физически хорошо развитым, ладно скроенным, с большим круглым лицом, чем-то похожим на Ломоносова. Его так и называли: «наш Ломоносов».

Той ночью при подходе к «нитке» капитан Иевлев был убит шальной пулей. Его гибель потрясла всех, и особенно бойцов батальона, которые за короткий срок успели полюбить его как заботливого командира и хорошего человека. Хоронили капитана Иевлева с почестями на высоком берегу Волхова. Потом это место стало бригадным и дивизионным (311-й сд) кладбищем. Когда тело опускали в могилу, все части бригады дали салют — открыли огонь из всех автоматов, пулеметов и пушек в направлении противника.

Прошел месяц, как бригада заняла оборону под Ново-Киришами. 311-я стрелковая дивизия вместе с другими частями 54-й армии вела боевые наступательные действия в районе деревни Смердыня на реке Лезна. Так как за месяц в стане противника могли произойти изменения, нам необходимо было установить, не перебросил ли он часть своих сил в район Смердыни. В этом случае нужно было взять «языка». Выполнить задачу вызвался младший лейтенант Хайтазейский, который и возглавил поисковую группу.

Местность перед Ново-Киришами хорошо просматривалась и простреливалась с обеих сторон, так как вся растительность в центральной зоне была уничтожена артиллерийским и пулеметным огнем. Проводить разведывательный поиск в такой местности было довольно сложно, но командующий 54-й армией требовал взять «языка» под Ново-Киришами во что бы то ни стало. Младший лейтенант Хайтазейский просил дать ему трое суток для подготовки. Я согласился, так как знал, что разведка требует тщательно продуманной организации, большой тренировки и физической выносливости всех и каждого разведчика в отдельности. Разведчик должен был уметь бесшумно, буквально ужом, подползти к противнику, когда надо, прижаться к земле пластом и замереть. Не замеченным перед самым носом у врага, пролежать в таком положении и час и другой, а иногда до наступления темноты. Уметь молнией броситься на выбранный объект разведки и, мастерски владея холодным оружием, бесшумно расправиться с врагом или захватить его в плен, пока тот еще не успел опомниться и прийти в себя. Часто все решалось быстротой реакции разведчика.

Трое суток — и днем и ночью — разведчики изучали передний край противника, наметили объект атаки, подступы к переднему краю, порядок действия всей группы, артиллерийское

и пулеметное обеспечение поиска и сигналы открытия огня — словом, все, что требуется при проведении поиска.

Глядя на стройного, по-девичьи красивого и очень молодого Хайтазейского, трудно было предположить, что в этом почти мальчике таится сильный, мужественный воин с железным характером и волей. Я верил и надеялся на него, а в глубине души очень за него боялся.

12 марта ночью группа Хайтазейского в составе восьми разведчиков в белых маскировочных халатах поползла, зарываясь в снег, к одному из ДЗОТов противника. Гитлеровцы, как всегда, освещали ракетами подступы к своему переднему краю. Как только осветительная ракета взмывала вверх, группа разведчиков вжималась глубже в снег и замирала. Ракета гасла, и разведчики продолжали ползком приближаться к объекту атаки. Чем больше сокращалось расстояние между нашими бойцами и противником, тем осторожнее ползли разведчики, чтобы не выдать себя резким движением или случайным шумом. Командиры артиллерийских и пулеметных подразделений, выделенные для обеспечения действий разведпоиска, внимательно следили за движением группы и противником, чтобы при первом сигнале разведчиков обрушиться огнем по объекту, отсекая, таким образом, противника от наших бойцов.

Медленно и осторожно ползла группа к цели. Нам она уже была не видна. Немцы периодически, через каждые 2–3 минуты, продолжали освещать ракетами свой передний край. Вели они себя спокойно и, кажется, ничего подозрительного не замечали. Нелегко пришлось нашим разведчикам с оружием в руках и противотанковыми гранатами наготове ползти по глубокому снегу около 300 м. Чтобы без помех добраться до цели, нужно было разминировать проход через передний край. В группе Хайтазейского рядом с командиром был сапер, которому предстояло снять мины. Он уже не раз бывал в разведке и дело свое знал хорошо. Наступал самый ответственный момент: предстояло бесшумно и незаметно под самым носом у врага обезвредить мины.

Время словно остановилось, и вдруг слышим на переднем крае немцев разрывы противотанковых гранат и трескотню автоматов. Мы впились глазами в темноту: артиллеристы и пулеметчики в полной готовности поддержать огнем разведгруппу. Красная ракета взвилась в небо — это сигнал разведчиков. В тот же миг заработали пушки и пулеметы, а через несколько минут мы уже встречали наших уставших, запыхавшихся, взмокших от волнения и огромной физической и моральной нагрузки героев. «Язык» был добыт: здоровенный

унтер-офицер 7-й роты 2-го батальона 146-го пехотного полка 61-й пехотной дивизии по фамилии Шмидт. Теперь мы точно знали, что перед нами продолжает обороняться все та же 61-я пехотная дивизия.

За взятие «языка» вся поисковая группа во главе с мл. лейтенантом Хайтазейским была награждена орденами и медалями. Группа вернулась с задания без потерь — это было самое отрадное.

После допроса пленного я связался по телефону с командующим армией, чтобы доложить о выполнении задачи по захвату «языка». К телефону подошел новый командующий, генерал С. В. Рогинский, знакомый по синявинским боям. Генерал Сухомлин убыл в штаб фронта на должность помощника командующего фронтом.

В последних числах марта 1943 года командующий 54-й армией генерал Рогинский вызвал меня к себе и предложил срочно сдать бригаду и принять командование 311-й стрелковой дивизией. Незадолго до этого дивизия вела бой по прорыву обороны противника у реки Лезна северо-западнее Смердыни и, прорвав оборону, углубилась в центральной части своего боевого порядка до 5 км. Таким образом, ее боевые порядки вытянулись в самом центре наступления длинной, узкой кишкой, которая насквозь простреливалась противником. Командир дивизии полковник Свиклин, подготовленный, знающий командир, был ранен в этих боях и находился в госпитале. Временно на должность командира дивизии из штаба армии прислали полковника Андреева. Пробыв в дивизии около месяца, он никак себя не проявил, оказавшись человеком абсолютно безвольным, и командование армии вынуждено было снять его с этой должности.

Мне очень не хотелось покидать свою бригаду, и я спросил Рогинского, нет ли других кандидатур на эту должность.

— Нет, — ответил Рогинский. — Военный совет рассмотрел целый список командиров и остановился на вашей кандидатуре.

До боли в сердце не хотелось покидать бригаду, с которой прошли первые, самые тяжелые бои под Любанью и Синявино. Трудности, как известно, роднят. Бригаду я формировал в Сибири и любил ее, как родную семью.

Я понимал, что не принять дивизию в ее трудном положении было бы нехорошо, но и оставлять бригаду, в которой я знал почти каждого бойца, казалось немыслимым.

С молодых лет я неуклонно следовал правилу: ни на что не напрашиваться и ни от чего не отказываться. Так поступил я и на этот раз.

Многие бойцы и командиры, узнав, что меня переводят в дивизию, приходили ко мне в землянку и просили взять их с собой, если уж никак нельзя отказаться от нового назначения. Больше всего меня растрогал мой постоянный ездовой: парень буквально заливался слезами. Брать с собой из бригады целый штат подчиненных мне бойцов и командиров я не считал для себя удобным, хотя некоторые командиры при переводах поступали именно так.

На следующий день, тепло попрощавшись с личным составом и пожелав успехов и всего наилучшего, я выехал к новому месту назначения в 311-ю стрелковую дивизию. Со мной был мой ординарец Степан Антоненко.

По дороге в дивизию мы заехали в один из армейских госпиталей, где после ранения уже не лечился, а работал бывший старший врач бригады Иван Данилович Евсюков, чтобы сердечно с ним попрощаться.

Когда в конце марта 1943 года я прибыл на должность командира 311-й стрелковой дивизии, то часто слышал от офицеров о том, как дивизия дралась в районе реки Лезна недалеко от деревни Смердыня и как дивизию во время боев посетил маршал К. Е. Ворошилов. Это явилось большим событием для личного состава.

Предыстория такова: 311-я стрелковая дивизия под командованием полковника Т. А. Свиклина была снята с оборонительного рубежа под Ново-Киришами и, совершив 60-км марш, к 9 февраля сосредоточилась северо-восточнее деревни Смердыня Любанского района и вошла в состав группы прорыва 54-й армии.

В целях срыва предполагавшегося наступления фашистских войск и предотвращения восстановления блокады Ленинграда перед 54-й армией была поставлена задача: прорвать оборону противника в районе севернее деревни Смердыня и, наступая в направлении Любани, разгромить его группировку и выйти к городу и железнодорожной станции.

Надо сказать, что условия для наступления были неимоверно трудными. Гитлеровцы даже не могли предполагать, что советские войска будут наступать именно здесь, на лесисто-болотистой местности. Передний край оборонительной полосы противника проходил по возвышенным местам в глубине леса и с нашей стороны совершенно не просматривался.

Оборона немцев представляла собой систему прочных ДЗОТов и блиндажей, соединенных открытыми и частично насыпными траншеями и ходами сообщения. Оборона была насыщена пулеметами и орудиями прямой наводки, вплоть до

105-мм калибра. Полоса местности перед передним краем была плотно заминирована и покрыта сетью проволочных заграждений и спиралей Бруно. Перед передним краем гитлеровцев проходила широкая поляна, которую противник хорошо просматривал и надежно простреливал всеми видами огня. В глубине обороны противник имел много минированных завалов, которые прикрывались огнем пулеметов и пушек.

Условия для наступления наших войск были, прямо скажем, тяжелейшими. Трудно проходимая лесисто-болотистая местность и глубокий снег чрезмерно затрудняли наступление наших войск. Бойцы протаскивали артиллерийские системы и обозы вручную, проваливаясь по пояс в снег. Дивизии предстояло наступать чуть ли не прямо с марша, как это частенько случалось на Волховском фронте. Времени на изучение противника и его огневой системы, на оборудование командных и наблюдательных пунктов катастрофически не хватало.

Для прорыва обороны противника командование 54-й армии сосредоточило до 11 гвардейских полков и батарей резерва Ставки. Ширина фронта наступления равнялась 4 км. В ударную группу была включена 124-я танковая бригада.

Наступление началось 10 февраля. Артиллерийская подготовка атаки длилась около часа. Не имея возможности вскрыть огневую систему обороны противника, наша артиллерия вынуждена была вести огонь не по целям, а по площади. Вследствие этого многие огневые средства противника, несмотря на наш очень плотный огонь, остались не подавленными, и это не замедлило сказаться с первых минут атаки нашей пехоты и танков.

Передовой батальон 1069-го стрелкового полка под командованием В. Еремкина, героически преодолев сплошную завесу огня и многочисленные препятствия, ворвался в первую траншею гитлеровцев и сумел продвинуться еще на 200 м, но затем, остановленный интенсивным огнем и контратакой противника, вынужден был залечь.

На следующий день, 11 февраля, бои разгорелись с новой силой. После короткой, но мощной артподготовки и штурмовых ударов нашей авиации части дивизии пошли в атаку. Для развития успеха передового батальона 1069-го стрелкового полка на правом фланге в бой был введен 1067-й стрелковый полк под командованием подполковника М. Игуменова и танки 124-й танковой бригады.

Правее полка наступал отдельный лыжный батальон под командованием смелого человека и замечательного командира Б. Мокроусова. На левом фланге, как и накануне, наступал 1071-й

стрелковый полк с задачей сковать силы противника, содействуя успеху прорыва на правом фланге. Командовал полком подполковник А. Г. Новиков. В результате ожесточенного боя, переходящего в рукопашный, полк М. Игуменова прорвал оборону противника на фронте около одного километра и углубился в оборону немцев до 2 км.

В течение пятидневных напряженных боев части вышли к рубежу реки Лезна. Лыжный батальон Мокроусова оседлал дорогу Макарьевская Пустынь — Вериговщина. Прорыв был расширен и углублен до 3 км. Одновременно 1071-й стрелковый полк выбил противника из ряда траншей и продвинулся к деревне Смердыня.

Боевая задача не была выполнена, но результаты этого наступления имели немалое значение. Противник под натиском наших частей вынужден был подтянуть к району боев крупные силы пехоты, танков и артиллерии, ввести их в бой, предпринимая яростные контратаки, но изменить положение он уже не мог. Враг понес большие потери в живой силе и технике. Были разбиты части 96-й пехотной дивизии, подразделения 436-го пехотного полка 132-й пехотной дивизии и сводный отряд, составленный из трех пехотных полков — 283, 284 и 287-го.

Только убитыми на участке дивизии противник потерял около 1000 солдат и офицеров, и несколько десятков человек было взято в плен. Много было захвачено и уничтожено боевой техники.

Дальнейшее наступление дивизии с 16 февраля по приказу командования было прекращено, и части дивизии прочно закрепились на занятых рубежах.

В разгар боевых действий дивизии на ее командный пункт прибыл представитель Ставки Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Его сопровождали командующий войсками Волховского фронта генерал армии К. А. Мерецков, член Военного совета фронта генерал-лейтенант Мехлис и начальник политуправления генерал Калашников.

Прибытие высокого начальства стало большим событием. Было ясно, что сия группа прибыла в дивизию неспроста: ожидался нагоняй командиру дивизии за медленный темп наступления. Как бы самоотверженно ни дрались части, но, если продвигаются они медленно, а еще хуже, если они остановлены противником, даже если соотношение сил не в нашу пользу, не ждать командиру, ведущему тяжелый бой, доброго слова. Так было заведено на фронте. Другое дело, когда все идет по плану и развивается успешно. На этот раз условия местности были непомерно тяжелыми, да и противник оборонялся очень организованно и упорно.

Командир дивизии, опытный кадровый офицер полковник Т. А. Свиклин, находился в тот момент на наблюдательном пункте дивизии и руководил боем. Маршала Ворошилова на командном пункте встретил начальник штаба дивизии полковник Д. П. Кованов, который несколькими месяцами ранее был переведен в дивизию из 140-й отдельной стрелковой бригады. В самых сложных боевых ситуациях он никогда не терял самообладания, отличался ровным спокойным характером. На этот раз он разволновался, встречая такое высокое начальство, и, обращаясь с докладом к маршалу Ворошилову, назвал его «товарищем генералом».

Ворошилов, как потом рассказывали офицеры, не дослушав доклада Кованова, безнадежно махнул рукой и, обращаясь к своему окружению, проговорил:

— Даже доложить как полагается не умеют.

По тону, каким это было сказано, чувствовалось, что маршал уже заранее настроен неприязненно по отношению к дивизии. Тут же, ни о чем не спрашивая, он приказал выделить ему проводника, чтобы направиться в один из дерущихся полков. Генералы, прибывшие вместе с ним, принялись отговаривать его, так как затея маршала была действительно опасной. Пройти в один из полков, побыть там и вернуться целым и невредимым было сопряжено с огромным риском. Гитлеровцы вели сосредоточенный, очень плотный огонь артиллерии и минометов по всем подступам к передовой, захватывая им огромную территорию. Лес был весь изломан. Вместе с осколками от снарядов разлеталась в разные стороны щепа деревьев, ранив бойцов. На земле не оставалось живого места: всюду зияли воронки от разрывов снарядов и мин. Командир дивизии полковник Свиклин был ранен, но оставался в строю, преодолевая боль в раздробленной кисти руки.

Никого не слушая, маршал Ворошилов решительно направился с проводниками на передовые позиции в 1067-й полк. Смелый и отважный, он был полон искренней уверенности в том, что здесь нужна решительность и что он сумеет изменить обстановку и продвинуть войска вперед более быстрыми темпами. Конечно, никто не предполагал, что в этой обстановке, в разгар напряженных боев, Ворошилову, при всей его личной отваге, удалось бы изменить ситуацию. В этих условиях только массированным огнем артиллерии и бомбардировкой с воздуха можно было подавить врага, ослабить его сопротивление. Личным примером храбрости, в чем, кстати, недостатка не было, ничего сделать было нельзя. Прежде всего надо было подавить артиллерию противника, а у армии для этого не было ни сил, ни

средств.

Решение Ворошилова выйти на передовые позиции дивизии волновало как командование дивизии, так и лиц, его сопровождающих. В случае неудачного исхода — не смыть позорного пятна ни с дивизии, ни со свиты маршала. Особенно озабоченным выглядел К. А. Мерецков, который вместе с другими генералами оставался на КП дивизии. Не знаю, о чем он говорил со штабом фронта, но очень скоро в дивизию пришла оттуда телефонограмма, что Верховный Главнокомандующий т. Сталин срочно вызывает к прямому проводу Ворошилова. Тут же из штаба дивизии вдогонку были посланы связные, которые успели перехватить маршала и передать ему о срочном вызове к прямому проводу Верховным Главнокомандующим. Ворошилову пришлось вернуться на командный пункт дивизии, а затем отбыть с генералами в штаб фронта.

В штабе дивизии были рады, что все закончилось благополучно и миновала опасность потерять на боевых полях дивизии легендарного героя Гражданской войны.

До начала мая дивизия занимала оборону на вытянутой «кишке», которая с обеих сторон насквозь простреливалась из пулеметов. Как и под Киришами, по всему переднему краю был построен прочный забор из бревен с амбразурами и ДЗОТами для пулеметов и орудий прямой наводки. Помню, приняв дивизию, я сразу же обошел весь передний край, чтобы познакомиться с командирами и бойцами, а также ознакомиться с обороной на этом участке. Чем дальше я шел, тем уже становилась «кишка», а на самом ее острие оборонялась рота Александра Антоновича Семирадского. Хорда, или прямая, соединяющая две стороны вершины этой «кишки», была не более 150 м. Там был построен ДЗОТ, и там же находился НП командира роты. ДЗОТ был низким, в нем можно было или лежать, или стоять на коленях. Когда я вошел туда и представился, Семирадский был очень удивлен, так как здесь, по его словам, из начальства никто ни разу не был. Несмотря на то что рядом с трех сторон находился противник и непрерывно вел обстрел роты и каждую минуту мог отрезать ее от остальных подразделений полка, Семирадский держался спокойно, уверенно и ни словом не обмолвился об опасной ситуации, в которой находились его бойцы.

Я пробыл у него около часа, расспросил, как он организовал оборону на своем участке и какие будут предприняты шаги в случае контратаки противника. Он все очень дельно предусмотрел и продумал. В такой обстановке, где каждую секунду надо быть на чеку, когда буквально сидишь на пороховой бочке, роту нельзя оставлять надолго. Я решил, что ее надо

сменить, чтобы дать бойцам отдых после непрерывного нервного напряжения.

Пройдет время, и А. А. Семирадский станет командиром батальона, а за отлично проведенные бои в Германии, западнее Шнайдемюля, будет награжден орденом Ленина и Золотой Звездой Героя Советского Союза. Но судьба окажется немилосердной к нему — он будет смертельно ранен. До сих пор у меня перед глазами молодой, красивый, смелый, прекрасный человек и талантливый командир, один из лучших в дивизии.

В первой половине мая наша дивизия сдала оборонительный рубеж другой дивизии и вышла в резерв 54-й армии на пятидневный отдых и доукомплектование. К концу мая мы получили пополнение в количестве 1000 человек.

Дивизии, которая находилась во втором эшелоне армии, была поставлена задача построить армейский оборонительный рубеж восточнее станции Погостье. Местность, на которой должен был возводиться 12-км рубеж обороны, представляла собой болото, покрытое мхом. Копнешь лопатой — проступает вода. На таком грунте построить оборонительный рубеж было даже интересно. Строили мы его — и солдаты, и офицеры — с огромным энтузиазмом. Работа казалась настоящим отдыхом. Траншеи строили насыпные. Сначала по всему намеченному нами переднему краю возвели из лозы плетень забор. Позади него, в одном метре с небольшим, поставили второй плетень. Промежуток между двумя плетнями засыпали землей — получилась передняя стенка траншеи. Таким же образом построили заднюю стенку. Так же засыпали землей и утрамбовали. Для удобства стрельбы, маскировки и защиты личного состава от огня неприятеля от передней стенки окопа в сторону противника насыпали бруствер и замаскировали его под фон окружающей местности. Затем построили ходы сообщений и также хорошо замаскировали. Сделано все было качественно, как надо.

Командование 54-й армии осмотрело весь 12-км оборонительный рубеж, построенный 311-й дивизией в срок. Его признали показательным, за что всему личному составу дивизии, участвующему в строительстве армейского рубежа, была объявлена благодарность от Военного совета армии. Следует сказать, что одновременно со строительством рубежа части дивизии усиленно занимались боевой подготовкой и пополнялись людьми и оружием. Чувствовалось, что где-то в скором времени начнутся бои, и поэтому нас усиленно пополняют и укомплектовывают. Где затевается дело, никто из нас не знал.

Много позже, когда нашей дивизии уже не было там, где мы

строили армейский рубеж, нам рассказали, что армейское и фронтовое начальство возило многих командиров соединений на этот рубеж, чтобы наглядно продемонстрировать, как надо строить на болотистой местности добротные позиции. Не знаю, насколько это верно.

За время моего пребывания в дивизии я хорошо узнал многих командиров, политработников и часть рядового состава. Дивизия пришлась мне по душе, я был доволен ее командирами, а ряд бойцов знал по фамилиям. Как дивизия показала себя в обороне под деревней Смердыня и на реке Лезна, я имел возможность наблюдать, но как она поведет себя в наступлении, я еще не знал. Чтобы в бою понимать друг друга с полуслова, я стремился как можно больше времени уделять занятиям с командным и политическим составом.

А еще в дивизии существовал ансамбль песни и пляски, который очень неплохо выступал в подразделениях вне боевой обстановки. Он пользовался большим успехом у солдат.

Бои под Мышкино и Мгой

Август 1943 года

В мае 1943 года гитлеровцы заметно активизировались. Возросла активность авиации противника. Значительно увеличился приток железнодорожных эшелонов с людьми и боевыми грузами. На допросах пленные давали показания о том, что немецкое командование приступило к подготовке наступления в сторону Ладожского озера, с целью восстановления блокады Ленинграда.

Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение об операции по разгрому группировки немецко-фашистских войск.

Со стороны Волховского фронта на участке предполагаемых действий оборонялась 8-я армия генерала Ф. Н. Старикова. Она и была выделена для проведения операции. Со стороны Ленинградского фронта привлекалась 67-я армия.

Чтобы сдержать атаки наших войск, гитлеровское командование ввело в действие все свои резервы, сосредоточенные на этом направлении. Когда же их оказалось недостаточно, оно сняло две пехотные дивизии из-под Ленинграда и бросило их против наших войск. Только с вводом в бой двух этих дивизий противнику удалось локализовать прорыв переднего края, осуществленный нашими частями в районе Поречья.

Такова преамбула операции 8-й армии, выступающей из района Вороново в общем направлении на Мгу — железнодорожный узел и крупный населенный пункт, как об этом рассказывает в своей книге «Неколебима как Россия» К. А. Мерецков.

В целях усиления 8-й армии 9 августа 311-я дивизия, напущенная командующим 54-й армией генералом С. В. Рогиным, хорошо укомплектованная личным составом и боевой материальной частью, выходит из состава этой армии и сосредотачивается в районе Корбусель, Вороново, где и поступает в распоряжение командования 8-й армии. 13 августа по приказу командарма 8-я дивизия сосредотачивается в районе деревни Килози, Назия, Марково с задачей быть готовой развить успех 256-й стрелковой дивизии.

4 августа, т. е. на следующий день, зная уже, что нам предстоит действовать на направлении наступления 256-й стрелковой дивизии, мы с командирами полков, начальником разведки Е. Г. Шуляковским и дивизионным топографом

капитаном Комлевым вышли на наблюдательный пункт командира этой дивизии для рекогносцировки местности и противника.

Ознакомившись с полосой местности, на которой предстояло действовать нашей дивизии, мы обратили внимание, что она совершенно голая, изрытая системой траншей, ходов сообщений и воронками от разрывов снарядов. Нас удивило еще и то, что ни противник, ни наши войска никакой активности не проявляли, хотя немцы вели артналеты, но войска 8-й армии молчали. Чтобы более детально изучить обстановку, мы, пользуясь ходами сообщений, прошли к передовым подразделениям частей 256-й дивизии.

По небольшому числу бойцов в траншеях и по множеству воронок от снарядов и авиабомб было видно, что прошли тяжелые бои и части понесли значительные потери. От командиров и бойцов мы узнали, что дивизия во второй половине июля атаковала передний край противника и, овладев одной из его траншей, была остановлена огнем и контратаками. Впереди, в 200 м, оборонялся противник. В глубине его обороны, примерно в 2 км, выделялась над всей окружающей местностью возвышенность, обозначенная на карте отметкой 40.4. Ее здесь называли высотой. Высота эта с пологими скатами в нашу сторону являлась основным ключевым пунктом гитлеровцев на этом направлении. С нее на большом расстоянии просматривалось расположение наших войск. В нескольких километрах западнее высоты несколько раз за сутки поднимался аэростат, с которого велось наблюдение на большую глубину за всей впереди лежащей местностью. По команде с аэростата указывались цели в расположении наших войск, открывался и корректировался артиллерийско-минометный огонь. Наши войска несли большие потери от точного огня неприятеля. У меня создалось впечатление, что никто из артиллеристов 8-й армии почему-то не стремился уничтожить ясно видимую и очень вредную цель.

После короткой рекогносцировки местности и предварительных наметок исходного положения для наступления я отпустил командиров частей в расположение своих полков, а с разведчиком и топографом решил еще раз понаблюдать за противником в стереотрубу с наблюдательного пункта командира 256-й дивизии, чтобы вчерне наметить план предстоящего боя. Надо сказать, что после того, как мы побывали в траншеях, занятых 256-й дивизией, и рекогносцировки противника нам стало совершенно ясно, что нашей дивизии придется не «развивать успех прорыва», а самым настоящим образом

прорывать оборону хорошо закрепившихся на ранее оборудованных позициях немцев. Открытая, без единого кустика, песчаная местность играла на руку нашему врагу.

Мне хотелось расспросить командира дивизии о поведении противника, его огне и контратаках. Однако генерал Ф-в, плотный, с ярким румянцем на толстых щеках, пребывал в непонятном мне настроении. Я чувствовал неприязнь в его отношении ко мне. Казалось, надо бы радоваться, что подошла свежая дивизия продолжать начатый бой. Мне приходилось клещами вытаскивать из него каждое слово. Он не сказал ни одной законченной фразы, только лаконичные «да» или «нет» в ответ на все мои вопросы. Видимо, что-то было с ним не то, какой-то червь точил. Это было тем более странно, что, как правило, на фронте нового человека, с которым предстояло воевать бок о бок, встречали радушно.

В тот же день, чтобы немного передохнуть, я зашел на его НП в маленькую комнатку, где за дощатой перегородкой сидел он сам и докладывал по телефону командующему армией. Он явно не слышал, как я вошел, и продолжал говорить очень громко, на ходу сочиняя небывлицы о том, что его контратакуют десятки танков противника с батальоном пехоты и его части с трудом отбиваются. На самом деле вокруг была тишь да гладь. Позже я, кажется, понял, в чем было дело: ранее он докладывал, что его дивизия уже овладела высотой 40.4, но теперь вся ложь могла выйти наружу. Надо было как-то оправдываться. Верно говорят, что нигде так не врут, как на охоте и войне. С другой стороны, Ф-в пользовался тем, что штаб 8-й армии, видимо, не контролировал своих подчиненных.

Позже я поручил майору Шуляковскому и топографу капитану Комлеву составить вместе с топографом 256-й дивизии акт, в котором показать схемой расположение противника и передовых частей 256-й дивизии, чтобы иметь документ, отражающий действительное положение сторон. Разговоры о том, что высотой 40.4 владеет 8-я армия, не соответствовали действительности.

В тот же день, 14 августа, в 16 часов я получил по телефону срочное распоряжение командарма 8-й армии выдвинуть один из полков к высоте 40.4 для атаки противника. Когда наш 1067-й стрелковый полк под командованием подполковника М. В. Игуменова, смелого и опытного командира, подходил к наблюдательному пункту 256-й дивизии, противник встретил его плотным огнем артиллерии и шестиствольных минометов. Чтобы избежать больших потерь, Игуменов быстро рассредоточил батальоны в ближайших укрытиях, в лощинах и оврагах, а меня

просил повременить с вводом полка в бой до наступления темноты. Немецкий аэростат висел в воздухе, наблюдая за выдвижением нашей пехоты с полковой артиллерией, и помогал своим легко и точно обстреливать полк. Каждая точка на местности была хорошо пристреляна противником.

Нельзя было не согласиться с законной просьбой командира полка Игуменова, и я обещал не выдвигать полк к боевым позициям до темноты.

Вскоре меня опять вызвали к телефону. Я услышал, что буду говорить с Кирилловым. Я знал, что это условная фамилия К. А. Мерецкова, командующего Волховским фронтом. Получив приказ быстро выходить на высоту 40.4 и развивать успех прорыва, я на мгновение лишился дара речи. Как выходить на высоту, если она находится в глубине обороны противника?

— Прежде чем выйти на эту высоту, надо ею овладеть, она прочно занята противником. Передний край проходит... — Но командующий не дал мне договорить, и я услышал, что он возмущен моей неосведомленностью:

— Что вы докладываете чепуху? Уже более двух суток, как высота занята нашими частями, и это уже опубликовано в сводках Информбюро.

Возражать командующему фронтом, особенно в боевой обстановке, — дело тяжелое, тем более когда на другом конце провода непоколебимая уверенность в своей правоте. Но я упорствовал:

— Возможно, что высота была занята нашими войсками (в чем я очень сомневался), но в настоящее время она у противника. Части 8-й армии находятся примерно в 2 км восточнее этого пункта.

Теперь было совершенно ясно, почему командир 256-й дивизии встретил меня так неприветливо: он или сдал немцам эту высоту, или вообще ее не брал, что впоследствии и подтвердилось, но зато врал очень убедительно.

Разговор с командующим фронтом закончился тем, что он приказал мне действовать быстрее. На мою просьбу усилить дивизию артиллерией он ответил:

— Вся артиллерия будет работать на дивизию.

Я понял. Это была пустая фраза. Вспомнились синявинские бои 1942 года, когда вот так же был введен в бой 4-й гвардейский стрелковый корпус, а вся артиллерия 8-й армии молчала. Корпус же под ожесточенным огнем таял, как весенний снег. «Вся артиллерия» — пустой звук для военного человека. Только приданная дивизии артиллерия, поступившая на время выполнения боевой задачи командиру дивизии, или

поддерживающая артиллерия, выполняющая лично поставленные командиром дивизии задачи при тесном контакте с командирами-артиллеристами, будет работать на дивизию. Остальное — фикция. Было обидно, что это исходит от командующего, у кого только в прошлом году «вся артиллерия» погубила полнокровный гвардейский корпус: за несколько дней от него остались крохи. Полученные уроки не шли впрок.

Скорее всего, как я понимал, ни на фронте, ни в 8-й армии уже не было артиллерийских снарядов.

После разговора с генералом армии Мерецковым я подумал, что, после того как он узнал, что высота занята противником, на карту будет поставлено все, чтобы вернуть ее, иначе тем, кто давал ложную информацию, крепко попадет от Ставки ВГК. Таким образом, наша 311-я стрелковая дивизия оказалась между молотом и наковальней.

Не успел я закончить разговор, как телефонист снова передал мне трубку. На другом конце провода был начальник штаба фронта Ф. П. Озеров, который пытался внушить мне, что вводить полк в бой надо. Беда была в том, что никто в штабе фронта не знал, что реально происходит на поле боя, что гитлеровцы крепко засели в обороне и ведут периодический артобстрел, а наши войска, разбитые в предыдущих боях, отсиживаются в траншеях. Артиллерия наша молчит. В 256-й дивизии не побывал ни один из офицеров из штабов фронта и 8-й армии, чтобы правдиво и беспристрастно доложить об обстановке. Доверять — это хорошо, но и проверки делать надо обязательно. Не зря говорят: «Доверяй, но проверяй».

Через несколько минут после разговора с генералом Озеровым, к которому я относился с большой симпатией как к умному, приятному человеку, меня вызвал к телефону командующий 8-й армией генерал Ф. Н. Стариков. Разговор был на ту же тему. В резкой, грубой форме, не выбирая выражений, привыкший, видимо, покрепче нажимать на подчиненных, чтобы слушались, генерал Стариков обрушился на меня с тем же требованием перехода в наступление, не медля ни минуты.

Было очевидно, что все они, кто ругал, приказывал и поучал меня, как надо действовать, обстановку на поле боя представляли совсем не так, как она сложилась в действительности. Там все еще полагали, веря ложной информации Ф-ва, что на участке 256-й дивизии идут напряженные бои и необходимая помощь должна быть обеспечена немедленно. Если бы они знали реальное положение вещей, я уверен, никто бы не заставлял меня вводить в бой полк днем под губительный огонь противника. Возможно, они считали меня чужаком, не заинтересованным в делах чужой для

меня армии, или просто недотепой, которого в бой надо гнать палками. Среди огромного большинства честных командиров на фронте попадались подлецы и себялюбцы, для которых ложь служила оправданием их бездействия и трусости, а такие недалёковидные люди, как Стариков, верили им.

Я полностью отдавал себе отчет в том, что нельзя выводить части на рубеж атаки в условиях светлого времени на абсолютно открытой местности. Это привело бы к колоссальным потерям. Надобности в такой горячке не было. Другое дело — развивать успех после удачного наступления, когда противник еще не успел организовать сопротивление на новом рубеже или когда контратака противника грозит нашим частям потерей занятого рубежа или окружением. В данном случае за двое или больше суток паузы обе стороны перешли к обороне и не вели активных действий. Я твердо решил начать атаку только тогда, когда в дивизии все будет подготовлено для этого, и только с наступлением темноты, скрытно, а не днем, с ходу.

Я осознавал, что беру на себя огромную ответственность, что мне не простят самовольства, но, несмотря на угрозы со стороны начальства, жертвовать бойцами я не мог.

Сделать предстояло немало: скрытно, без потерь вывести полк на рубеж, установить на прямую наводку полковые и батальонные пушки, хорошо их окопать и замаскировать, уточнить цели для орудий прямой наводки, организовать войсковую и артиллерийскую разведку противника, принять решение на бой и поставить задачи командирам полков, определить огневые задачи дивизионной артиллерии, организовать взаимодействие между полками, установить сигналы управления и т. д. и т. п. Нет необходимости перечислять весь объем работы командиров дивизии, полков, батальонов и рот. Необходимо иметь время на организацию боя своей части и подразделений. Без тщательной подготовки боя хорошего результата ждать не приходится.

Еще несколько раз вызывали меня к наспех установленному в открытой землянке телефону и спрашивали о принятом мною решении, все торопили и торопили. Я словно находился между Сциллой и Харибдой. С одной стороны, противник каждую минуту готов был обрушиться массированным огнем на выдвигаемые наши части (аэростат наблюдения все время висел в воздухе), а с другой — мое начальство, не видя и не зная реальности, торопило меня с наступлением. Передо мной стояла дилемма: либо бросить части в бой и бездарно потерять их, либо твердо стоять на своем со всеми вытекающими лично для меня последствиями. Я выбрал последнее. Это было трудное решение.

Тот, кто попадал в подобное положение, поймет меня. На фронте такие передраги переживаются нисколько не легче, чем участие в кровопролитных боях.

Как мне тогда хотелось, чтобы этой армией командовал не Стариков, сидящий в своей норе, как сурок, а Рогинский, командующий 54-й армией, который в таких спорных случаях лично выезжал в дивизию, знакомился на месте с обстановкой и принимал решение.

Пока шли телефонные переговоры с бранью по моему адресу, спустились сумерки, и вопрос о немедленной атаке противника отпал сам собой. Аэростат уже не висел в воздухе.

С наступлением темноты 1067-й стрелковый полк подполковника Игуменова, со всеми мерами маскировки, поротно начал выходить на указанное ему исходное положение для атаки. Правее этого полка выдвигался 1069-й стрелковый полк майора Репина, который должен был занять рубеж правее полка Игуменова. Противник освещал местность ракетами и периодически вел сильные огневые налеты. Потери, однако, были сравнительно небольшими, так как подразделения этих полков двигались в расчлененных порядках. 1071-й стрелковый полк под командованием полковника Новикова оставался пока на месте в укрывах, составляя второй эшелон дивизии.

В 22.00 я был вызван на командный пункт армии к генералу Старикову. Несмотря на темноту и артиллерийские налеты, мы с адъютантом, капитаном Семирадским, добрались до КП армии в назначенный час без опозданий. Стариков собрал всех командиров дивизий армии в просторной землянке (а не днем, на наблюдательном пункте, на местности; таковым был, видимо, стиль работы в этой армии) и поставил перед нами на карте боевые задачи. Начало атаки было назначено на 9.00 15 августа. Против указанного часа атаки никто из командиров не возражал.

Потеряв в предыдущих боях людей и израсходовав отпущенный лимит снарядов, дивизии 8-й армии, по всей видимости, были не в состоянии активно действовать, что нашло свое подтверждение на следующий день. Поэтому все молча выслушали устный приказ командующего. Со мной же дело обстояло иначе.

311-я дивизия, почти полностью укомплектованная, имела артиллерийские боеприпасы, и ей без всяких скидок нужно было выполнять задачу. К 9 утра серьезно подготовиться к атаке дивизия не успела бы. Просить отсрочить время атаки хотя бы на три часа, в то время как остальные командиры дивизий молчали, означало снова нарываться на неприятности. Но я молчать не стал — дело дороже. Я доложил командующему, что к тому часу

дивизия по-настоящему готова не будет. Я начал было обосновывать свое заявление, но мне не дали договорить. Командующий армией и член Военного совета, которого я впервые видел, как будто только и ждали момента, чтобы наброситься на меня с угрозами. Кричали они, как бешеные. Возражать им было бесполезно.

Возвращался я в дивизию с тяжелым чувством. Было до боли обидно из-за того, что самые благие помыслы, идущие на пользу дела, даже не выслушиваются, а встречаются в штыки. Ведь шел уже 3-й квартал 1943 года. Командиры обрели довольно приличный опыт войны. Позади были Сталинградская и Курская битвы, показавшие всему миру, что Красная Армия умеет бить врага по всем правилам военного искусства, да так, как еще никто не умел. Мы же на Волховском фронте воюем по старинке. Готовясь к бою, не продумываем его до конца, да и времени на это практически не остается — его пожирают штабы фронта и армии.

Не спорю, своими боевыми действиями мы сковывали большие силы противника, как было под Ленинградом, но, если бы мы действовали более организованно, мы сумели бы при значительно меньших потерях добиться больших успехов. Хотелось бить ненавистного врага, но так, чтобы видеть собственными глазами результаты боя. Из-за плохой организации и подготовки боев на Волховском фронте мы часто одерживали пирровы победы. Позже, на 1-м Прибалтийском, а затем на 1-м Белорусском фронтах, нам казалось, что ночь сменилась днем, хотя бои были не менее тяжелыми.

На моем НП с начальником штаба полковником Ковановым, начальником оперативного отделения подполковником Карцевым, моим заместителем по политчасти полковником Хирным и начальником разведки майором Шуляковским обсудили мы задачу, стоящую перед дивизией, прикинули, сколько времени потребуется на организацию прорыва обороны противника, и, как ни судили, получалось, что раньше 12.00 дивизия к бою готова не будет. Было решено всю организацию предстоящего боя провести как положено, с максимальной быстротой, но при этом ничего не комкая и не срывая ради успеха во что бы то ни стало.

Я отдавал себе отчет в том, что принятие решения начать атаку на три часа позже указанного срока будет мне дорого стоить, но жертвовать людьми и успехом наступления ради прихоти начальства я не имел морального права.

С рассветом в дивизии начали вести подготовку к предстоящему бою по строго намеченному нами плану. Около 8

утра неожиданно на НП дивизии появился прибывший из штаба фронта генерал Тарасов. Я знал его еще по Любанской операции, где мы оба командовали стрелковыми бригадами, он — 137-й, а я — 140-й. Воевали рядом. Тарасов приехал к нам по заданию штаба Волховского фронта и, как видно, для того, чтобы на месте расследовать причины невыполнения отданного мне по телефону приказа командующего Мерецкова о вводе в бой полка дивизии 14 августа. Я тут же, на своем наблюдательном пункте, рассказал Тарасову и показал на голой местности, как обстояло дело. Показал ему высоту 40.4 в двух км от нас, на которой занимали оборону гитлеровцы, и почти рядом с нами, чуть впереди, траншею частей 256-й стрелковой дивизии. Я объяснил ему, почему не мог вводить в бой полк днем: аэростат противника с рассвета висел в воздухе, зорко наблюдая за нами. Кроме того, я объяснил ему, на каком этапе подготовки частей дивизии к наступлению мы в данный момент находимся, показал, где сейчас расположены полки дивизии и к какому времени они будут готовы к наступлению.

То, что генерал Тарасов приехал в дивизию, меня обрадовало. Его знакомство с положением дел на месте должно было реабилитировать меня перед командующим фронтом. Генерал Тарасов был боевым командиром, он умел хорошо, быстро и объективно оценить обстановку.

По поставленной мне командующим армией боевой задаче, атаку нашей дивизии должна была продолжить танковая рота в составе 4 танков. Предусматривалось, что за десять минут до атаки нашей пехоты танковая рота начнет движение со своих исходных позиций, чтобы к 9.00 выйти на рубеж атаки пехоты и совместно с ней атаковать передний край противника. Я заранее предупредил командира танковой роты, чтобы без моего сигнала с НП дивизии рота не начинала движения, так как начало атаки нами было перенесено с 9.00 на 12.00, т. е. на три часа позже указанного времени.

В начале десятого меня вызвал к телефону командир 8-й армии Стариков.

— Почему задержали выход танков с исходных позиций? — кричал он в ярости.

— Дивизия к атаке будет готова не раньше 12 часов дня, как я докладывал вам ночью. — Я старался отвечать спокойно, хотя внутри все бушевало. Я знал, что разразится буря.

— Будете иметь дело с прокурором! — грозно крикнул командующий и бросил трубку.

Содержание этого разговора я передал генералу Тарасову, который находился рядом со мной на НП дивизии.

— Ничего, делай спокойно свое дело, а я сейчас переговорю с Мерецковым, — сказал Тарасов.

С командующим фронтом Тарасов разговаривал по моему телефону. Обстановку на участке нашей дивизии он обрисовал очень объективно и как бы от себя просил дать командиру 311-й дивизии три часа времени на подготовку к бою, во избежание неподготовленного наступления.

— Здесь, в дивизии, — добавил он, — все делается так, чтобы наверняка выполнить поставленную задачу. — Закончил он разговор лестной для нас фразой: — Упреков командование дивизии не заслуживает.

Можно было свободно вздохнуть. Черные тучи, которые все это время висели над головой, как будто начали рассеиваться, и как-то легче стало работать. Получив, видимо, информацию из штаба фронта, Стариков перестал подгонять нас, и мы с удвоенной энергией продолжали готовиться к атаке. Вот что значит, когда начальство собственными глазами или через своих представителей посмотрит на дело.

Ровно в 12.00 два полка дивизии под командованием Игуменова и Репина с четырьмя танками пошли в атаку в направлении высоты 40.4. Противник, слабо подавленный огнем дивизионной артиллерии (артиллерия 8-й армии, как мы и ожидали, молчала, а ее стрелковые дивизии остались наблюдателями в своих траншеях), обрушился на наши полки огнем всех своих средств, не жалея боеприпасов. Песчаная местность, по которой двигались наши стрелковые цепи, бурлила фонтанами песка от разрывов снарядов. Ревели шестиствольные минометы, прозванные солдатами «коровами» или «ишаками». Все поле боя заволокло густым туманом песка и дыма. Песчаная пыль слепила глаза, хрустела на зубах и засоряла движущиеся части автоматов и пулеметов, вызывая задержки в стрельбе. Бойцы, невзирая на ожесточенный огонь противника, энергично продолжали атаку, выковыривая гитлеровцев из глубоких песчаных траншей и ходов сообщений переднего края.

Ломая сопротивление противника, вперед вырвался батальон капитана Евтушенко. Справа, немного отставая от него, продвигался, уничтожая врага, батальон капитана Подгорного. Были взяты первые пленные 423-го пехотного полка 212-й пехотной дивизии.

Прорвав передний край противника и преодолев с боем около 2 км, два наших полка подошли к высоте 40.4 под сильным пулеметным и артиллерийским огнем. Орудийные расчеты этих полков и батальонов, выбиваясь из последних сил, подтягивали вручную к пехоте утопающие в песке пушки. Командиры

дивизионов артиллерийского полка дивизии подполковник Шевчук, майор Машковский и капитан Максин, находясь все время в боевых порядках стрелковых батальонов, огнем своих дивизионов обеспечивали продвижение пехоты. С НП 1067-го стрелкового полка мы заметили, что противник сосредотачивает свои танки и автоматчиков южнее высоты 40.4, готовясь к контратаке. Командиры дивизионов сразу же переключились на подготовку данных по этой группе танков и пехоты. Как только они ринулись к цепям нашей пехоты, тут же «заговорили» пушки Машковского и Максина, полковая и батальонная артиллерия, станковые и ручные пулеметы. Встреченные дружным и метким огнем нашей артиллерии и пулеметов, неприятельские танки остановились, автоматчики залегли, а затем начали отходить на свои исходные позиции, зализывая раны. В этот день противник несколько раз пытался переходить к контратакам, одновременно упорно сопротивляясь на высоте 40.4. Попытки наших двух полков, 1067-го и 1069-го, овладеть этой высотой в первый день боя не увенчались успехом.

Короткая летняя ночь была использована для пополнения частей всеми видами боеприпасов. За день боя расход их был больше нормы. Личный состав, пользуясь темнотой, зарывался глубже в песок, благо песчаный грунт позволял быстро производить необходимые земляные работы. Автоматчики и пулеметчики очищали свое оружие от песка, который так сильно засорял движущиеся части механизмов, что к концу боя многие автоматы и пулеметы выходили из строя.

Пользуясь темнотой, к полю боя подошел 1071-й стрелковый полк подполковника Новикова. Дивизионная артиллерия готовила огонь по засеченным к концу дня огневым точкам. Батальонная и полковая артиллерия перетаскивалась ближе к пехоте.

Немцы всю ночь вели артминобстрел боевых порядков полков, артиллерии и наблюдательного пункта дивизии. Недостатка в снарядах у них не было, и они могли позволить себе обстрел целых площадей. В эту ночь они особенно интенсивно освещали ракетами местность перед своими позициями, опасаясь нашей ночной атаки.

Несмотря на то что потери за день боя у нас были немалые, бойцы чувствовали себя уверенно, готовясь к предстоящему бою за высоту 40.4, до которой сейчас было рукой подать.

На рассвете 16 августа, после короткой, но мощной артподготовки всей артиллерии дивизии, полк Игуменова стремительно бросился на штурм высоты 40.4. Гитлеровцы, как видно, ослабленные предыдущими длительными боями и

большими потерями, не выдержали нашего решительного натиска. Батальоны капитанов Евтушенко и Свиридова первыми ворвались в траншею противника. Теперь надо было как можно скорее развить успех двух полков, чтобы полностью овладеть высотой 40.4 и преследовать отступающих немцев. Перед командиром 1071-го полка подполковником А. Г. Новиковым я ранее поставил конкретную задачу и показал ему прямо на местности, где и в каком направлении должен наступать его полк.

Введенный в бой 1071-й полк начал разворачиваться, но делал это медленно, лениво. Со своего наблюдательного пункта я следил за полком, меня бесила его медлительность, но я ничего не мог поделать. Неприятель не заставил себя долго ждать и накрыл скученные боевые порядки полка артиллерийским и минометным огнем.

После 140-й бригады я впервые вел в бой 311-ю дивизию. Никого из командиров полков и батальонов в боевом отношении я еще не знал. А. Г. Новиков в прошлом был политработником, а на должность командира полка был назначен после Любанской операции. Кто его назначил на эту должность и за какие заслуги, я не знал. Теперь же, при вводе в бой полка, я увидел, что должности командира полка он не соответствовал. На следующий день я приказал ему сдать полк энергичному и деятельному майору Юркину и явиться на НП дивизии, который находился недалеко от боевых порядков полков.

— Почему вчера вы вовремя не развернули полк и тем самым вывели из строя столько бойцов? Вы допустили преступную безграмотность и халатность, — сказал я ему.

— Я полностью понимаю свою вину и готов нести ответственность. Не вышел из меня командир полка, — ответил Новиков.

Я видел, что он тяжело и искренне переживал свой провал, понимал свою вину и не старался оправдываться. Он показался мне скромным, добросовестным человеком, но совершенно неподготовленным как командир полка. Вина тех, кто назначил его на эту должность, не зная его боевых качеств, была, по-моему, не меньше, хотя в операциях 1943 года и опытный командир мог попасть впросак.

— В полку вам теперь делать нечего. Отправляйтесь в отделение кадров дивизии за направлением в штаб 54-й армии. Я попрошу отправить вас на учебу.

Я позвонил начальнику отделения кадров дивизии и сказал ему, какую надо подготовить бумагу. Мы расстались. Я видел, что Новиков был доволен моим решением, хотя можно было только

догадываться, что творилось в его душе.

Полки Игуменова и Репина продолжали упорно двигаться вперед, и к 16.00 16 августа высота 40.4 была освобождена. Противник, цепляясь за каждый метр земли под нажимом наших полков, отходил к реке Черной. Весь следующий день немцы долбили снарядами и минами, в том числе и большого калибра, занятую нами высоту, и два раза из направления деревни Мишкино переходили в контратаки. Полки 1067-й и 1069-й отбивали эти контратаки и теснили врага к реке Черной. 1071-му полку удалось немного продвинуться вперед. Захвачены были пленные 434-го пехотного полка 132-й пехотной дивизии.

В сложном лабиринте траншей то и дело завязывался ближний бой. В этих случаях чаще всего в ход шли ручные гранаты. Особенно часто их применяли гитлеровцы. Их гранаты были на длинных деревянных ручках, летели они дальше наших гранат и после броска разрывались через 5–6 секунд. Это их свойство умело использовал заместитель командира батальона капитан М. А. Сидоров, человек исключительной смелости и выдержки. Он практически на ходу ловил немецкие гранаты и тут же бросал их обратно. Рискованный пример капитана Сидорова был быстро перенят старшим лейтенантом Царевым, старшим сержантом Майоровым, бойцами Туром и Санхетдиновым.

Смело действовал лейтенант Бескопустин, который во главе штурмовой группы обеспечил своим продвижением успех батальону. Командир взвода этого же батальона лейтенант Кашеев продолжал вести бой, получив четыре ранения. Только пятая рана приковала его к земле. Взвод принял старший сержант Суслов и, продолжая продвигаться вперед, захватил у неприятеля две пушки.

В этих боях офицеры политотдела дивизии и политработники частей находились на самых горячих участках. Словом и личным примером они поднимали подразделения на штурм вражеских позиций. В этих боях погибли смертью храбрых секретарь дивизионной партийной комиссии П. И. Исаев и заместитель командира 1067-го стрелкового полка по политчасти майор Н. И. Глазунов.

В один из артолетов противника тяжелый снаряд разорвался непосредственно у землянки штаба 1067-го стрелкового полка майора В. Д. Титова. Землянку завалило сильной взрывной волной, и Титов оказался погребенным в ней. Бойцы откопали его, контуженного, в тяжелом состоянии и доставили в полковой медицинский пункт. Его командир, подполковник Игуменов, очень переживал, что потерял замечательного человека, на редкость добросовестного труженика, прекрасного начальника

штаба полка. В самых сложных ситуациях боя майора Титова никогда не оставляло хладнокровие, спокойствие и невозмутимость. Вывести его из себя было невозможно. Он принадлежал к той когорте офицеров, которых искренне уважали, любили и ценили их боевые друзья.

На следующий день я позвонил в полк. Ответил мне сам Титов. Я был очень удивлен и несказанно обрадован, что слышу его голос. Оказалось, что в медицинском пункте, где он пролежал ночь, он хорошо отоспался после нескольких бессонных ночей, а наутро как ни в чем не бывало поднялся и направился на НП полка. Силен же русский человек и телом, и духом!

Огромную поддержку пехоте оказывали наши артиллеристы. Нельзя без восхищения вспомнить командиров дивизионов артиллерийского полка майора В. Н. Машковского и капитана Н. Т. Максина. Находясь рядом с пехотой на передовых НП, они показывали образцы беззаветной храбрости и боевого умения. Огнем своих дивизионов они истребили сотни гитлеровцев, уничтожили десятки наиболее вредных огневых точек и каждый раз своевременно и умело отражали контратаки противника с большими потерями для врага. Своим метким огнем они отлично обеспечивали наступление частей нашей дивизии в этих нелегких боях. Оба погибли смертью храбрых. Память о них сохранилась в дивизии, как память о мужестве, отваге, боевом мастерстве и до конца честном служении своей Родине.

Дивизионы погибших командиров приняли капитаны Куприенко и Кокарев, как лучшие командиры батарей.

Части дивизии продвигались к реке Черной. Теперь, вместо сухого сыпучего песка, пришлось действовать на топком болотистом грунте. Тина засасывала бойцов буквально по самые плечи.

В 4 часа утра, после короткого артналета, преодолев болото и реку Черную, дивизия овладела первой траншеей противника. И опять впереди оказался полк смелого, энергичного командира подполковника Игуменова.

До 24 августа шли тяжелые бои на западном берегу реки Черной. Против нас дрались части четырех пехотных дивизий (132, 212, 254, 69-й). Соотношение сил складывалось в пользу противника. Ни о каком продвижении нашей дивизии нельзя было и думать. Стрелковые части 8-й армии бездействовали: ее артиллерия не выпустила ни одного снаряда.

В те дни произошел довольно занятный случай. В течение двух суток по ночам в паузах между артналетами, когда стихали бои, мы слышали душераздирающий крик: «Рус Иван!.. Рус Иван!..» На вторую ночь, когда опять раздался этот крик, были

посланы разведчики, чтобы выяснить, кто и почему кричит. Оказалось, что кричал немецкий солдат, которого все глубже засасывало в болото. На тот момент из болота торчала только его голова. Разведчики вытащили и доставили его на наш НП. Говорить он не мог, только показывал руками, что хочет пить. Ему принесли солдатский котелок, наполненный водой. Не отрываясь, он выпил всю воду и попросил еще. Только после второго котелка он обрел дар речи. Первое, что он сказал, было: «Гитлер капут». Как правило, почти все пленные повторяли эту фразу в надежде, что заслужат снисхождение, но этот говорил очень убедительно. По его речи и выражению лица было видно, что он искренне рад тому, что спасли его мы, а не соотечественники.

«Пусть дураки воюют за фашистскую Германию, а с меня довольно», — говорил он. Ему было уже под сорок, в прошлом — рабочий. Он дал нам все необходимые сведения о составе и численности противника. Мы досыта накормили его, напоили горячим чаем и отправили в штаб армии.

Дивизия получила приказ закрепиться на достигнутом рубеже и подготовиться к передаче участка 18-й стрелковой дивизии генерала Овчинникова. 25 августа была закончена смена частей. Полки начали выходить с занимаемых рубежей, отобранных у противника, чтобы сосредоточиться в районе поселка № 8.

Ко мне в дивизию приехал прокурор армии (командующий 8-й армией Стариков остался верен своим угрозам), чтобы расследовать причины невыполнения приказа командующего армией о вводе в бой 14 августа одного полка. Прокурор довольно быстро провел расследование и уехал обратно в армию, ничего, видимо, не обнаружив преступного в моих действиях. Вскоре для получения указаний меня вызвали на КП командующего 54-й армией генерала С. В. Рогинского, в армию которого мы снова возвращались. Я был этому несказанно рад. Оперативное отделение и начальник штаба дивизии оставались на НП дивизии, чтобы закончить оформление акта сдачи боевого участка командиру 18-й дивизии. После этого они должны были прибыть на новое место расположения.

Получив указания от командующего 54-й армией, я возвратился на новое место КП дивизии в поселке № 8. Не найдя там полковника Кованова с офицерами оперативного отделения, я забеспокоился, так как дивизия по приказу командующего 54-й армией должна была сосредоточиться в назначенный срок в новом районе. Чтобы выяснить, почему до сих пор на новом НП нет офицеров штаба, я немедленно отправился на старый

наблюдательный пункт. Пока можно было, мы с адъютантом ехали на машине, когда дорога кончилась, пошли пешком. Вскоре на горизонте мы увидели аэростат противника и, маскируясь, лощинами и оврагами вышли к нашему старому НП. Все наши были там, ожидая акт, который допечатывала машинистка, чтобы, подписав, взять один экземпляр с собой. Только что сытно пообедав, с чаркой пайковой водки, Кованов, Карцев и Старостенко сидели в землянке и блаженствовали. Узнав, что задержка произошла из-за акта, который машинистка 18-й дивизии печатала одним пальцем, я ушел готовить дивизию к маршу по заданию командующего 54-й армией.

Аэростат противника все так же висел в воздухе, высматривая цели, но я благополучно добрался до нового КП. Не прошло и часа, как прибежал ко мне связист с докладом, что начальник штаба дивизии полковник Кованов с офицерами штаба, уходя из НП, попали под огонь артиллерии противника. Я бросился к машине и на полной скорости помчался к месту происшествия. Уже на месте я узнал, что группа офицеров штаба и связистов, всего человек десять, была накрыта беглым огнем артбатарей. В результате налета полковник Кованов и подполковник Карцев (начальник оперативного отделения) были убиты, майор Старостенко (начальник связи дивизии) тяжело ранен: он потерял ногу. Не выразить словами, как тяжело переживал я гибель своих боевых товарищей, главных моих помощников. Вместе с Дмитрием Павловичем Ковановым мы дрались еще в 140-й бригаде, а затем в 311-й стрелковой дивизии. Это был грамотный и очень исполнительный офицер. Оба они, и Кованов и Карцев, были прекрасно подготовленными офицерами, смелыми и скромными людьми. Все в дивизии тяжело переживали эту невосполнимую утрату. Их по-настоящему уважали и любили все офицеры штаба дивизии и командиры частей. Похоронили мы своих боевых товарищей на дивизионном кладбище в бывшем совхозе Ольгино, на высоком холме у реки Волхов. Могилы эти в настоящее время перенесены с берега реки в другое место, недалеко от новой шоссейной дороги Кириши — Глажево. Они хорошо огорожены и заботливо содержатся местной властью и жителями.

В боях под Мышкино и Мгой дивизия свою задачу выполнила. Когда мы уходили из 8-й армии, никто из ее начальников не сказал нам доброго слова: ни солдатам, ни офицерам, ни командованию дивизии. Много вражеских частей из многих пехотных дивизий, принимавших участие в этих боях, понесли громадные потери. Небольшая часть нашей территории под Ленинградом была освобождена. В этих боях мы приобрели

бесценный боевой опыт.

Дивизия освобождает Кириши

Осень 1943 года

После окончания тяжелой Мгинской операции 8-й армии наша 311-я дивизия, сменив части 80-й стрелковой дивизии генерал-майора Абакумова, заняла свою старую полосу обороны: болото Соколий Мох — левый берег реки Волхов под Ново-Киришами. Ширина полосы обороны достигала 24 км. Шел сентябрь 1943 года.

С целью уточнения состава группировки противника перед полосой обороны дивизия приступила с первых дней к активным разведывательным действиям. Начальник разведки дивизии майор Шуляковский день и ночь находился в полках на переднем крае, организуя и проводя ночные поиски то на одном, то на другом участке обороны. Немцы тоже не бездействовали: они пытались нащупать слабые места нашей растянутой обороны.

28 сентября на участке 1069-го стрелкового полка фашистская разведгруппа численностью около 40 человек после короткого, но мощного артналета атаковала один из наших ДЗОТов, который обороняли бойцы 371-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона батареи лейтенанта Пряшникова. В момент атаки в ДЗОТе находились лейтенант Иван Андросов, лейтенант Дмитрий Никифоров и старший сержант Н. Михайлов — командир орудия. В результате короткой, но жаркой схватки три советских воина разбили превосходящую более чем в десять раз группу противника. Потеряв убитыми и ранеными около десяти солдат, гитлеровцы, несолоно хлебавши, обратились в бегство, оставив оружие, убитых и раненых. Они даже не успели подобрать труп убитого офицера. Успеху в отражении боевой разведки противника содействовал с фланга соседний ДЗОТ мл. лейтенанта С. Окунева, где отличился пулеметчик ст. сержант Сушинцев.

В результате наших поисков и отражений немецкой разведки мы установили, что перед нами находятся части противника, которые ранее занимали здесь оборону.

Однако 3 октября, за два часа до рассвета, мы провели очередной разведпоиск на участке перед Ново-Киришами. Наши разведчики удачно проникли в траншею и, забросав немцев гранатами, уничтожили целиком расчет пулеметной точки. Забрав документы у убитых и одного тяжелораненого, бойцы благополучно вернулись в свою траншею, хотя их преследовали огнем с соседней огневой точки. Мы с Шуляковским находились

на переднем крае в траншее, наблюдая за действиями поисковой группы и их сигналами.

Просматривая документы немцев при свете карманного фонарика, мы установили, что все они принадлежат солдатам охранного батальона. Получалось, что на нашем участке немцы заменили части хорошо знакомой нам дивизии на охранные. Встал вопрос: перед всей ли полосой обороны произведена смена частей дивизии и куда девалась (61-я) пехотная дивизия, оборонявшаяся ранее на этом участке? Ответов пока не было.

На востоке уже чуть забрезжил рассвет, пока мы, рассматривая документы, стремились разгадать причину появления охранных войск на одном из наших участков обороны и очевидного вывода в тыл пехотной дивизии.

Вдруг на участке противника раздался довольно сильный взрыв. Вскочив на ноги, мы увидели клубы дыма над железнодорожным мостом. Немцы перебирались по нему на плацдарм в г. Кириши, который они удерживали на правом берегу Волхова. Этот мост был подорван еще в 1941 году, но, проложив балки, опоры и настилы между взорванным пролетом, немцы продолжали использовать его для пешего передвижения. Благодаря этому части противника, оборонявшиеся на левом берегу Волхова, были связаны с войсками на плацдарме правого берега.

Теперь все стало яснее. Противник решил пожертвовать Киришским плацдармом на правом берегу реки, который он упорно удерживал в течение двух лет: когда ситуация для него ухудшилась, он решил вывести оттуда свои части. Кроме того, можно было предполагать, что гитлеровское командование, в поисках дополнительных сил для переброски на другое направление, решило заменить пехотную дивизию охранными батальонами и на Киришском выступе (левый берег). Дело в том, что после Любанской операции 1942 года войска 54-й армии глубоко вклинились в оборону противника до рубежа Смердыня — Малиновка, вследствие чего образовалась большая дуга (выступ) с вершиной у Ново-Кириши. Для обороны этой дуги немцы использовали несколько дивизий. Напрашивался вывод, что противник, оставив плацдарм на правом берегу Волхова и заменив пехотную дивизию (а может быть, и несколько дивизий) охранными частями на левом берегу (на выступе), собирал силы для обороны или нанесения удара на каком-нибудь другом направлении.

Таким образом, обстановка резко менялась в полосе обороны нашей дивизии и тем более нашего соседа за рекой — 4-й армии. Мы понимали, что в сложившейся ситуации нужно было

действовать быстро и решительно. Напрашивалось единственно правильное решение: всеми наличными силами прорвать оборону противника, еще не успевшего освоиться на новом месте. Кроме того, до этого нам не приходилось драться с охранными частями, и, судя по только что прошедшему разведпоиску, я был уверен, что разделаться с ними нам не составит труда. Но нельзя было медлить.

Полевой телефон находился здесь же, в траншее. Я быстро связался с командующим 54-й армией генералом С. В. Рогинским и подробно доложил ему об обстановке и о своем решении перейти в наступление.

— Пока ничего не предпринимайте. Я переговорю с командующим 4-й армией, доложу обстановку генералу Мерецкову и сообщу вам, как действовать дальше. Ждите звонка, — сказал мне генерал Рогинский.

Минут через 20–30 он вызвал меня к телефону:

— В 4-й армии о взрыве настила моста и об оставлении плацдарма противником ничего не известно. Также и в штабе фронта. Проверьте еще раз, так ли все, как вы докладываете.

Я понял, что дело, требующее максимальной срочности, начинает затягиваться. С раздражением и досадой я ответил:

— Мне нечего перепроверять. Все, о чем я вам доложил, полностью соответствует действительности. Я лично и начальник разведки дивизии т. Шуляковский видели и слышали, как был взорван мост (настил), а документы час назад убитых нашей разведкой немцев у меня на руках. Нам совершенно ясно, что противник снял с обороны пехотную дивизию и заменил ее охранными частями. Нужно немедленно прорывать оборону противника, пока охранные батальоны не успели еще освоиться и сориентироваться на новом месте, — докладывал я командующему.

Я просил его не затягивать дело и разрешить мне немедленно приступить к организации прорыва немецкой обороны.

Генерал Рогинский знал меня еще по Синявинской операции 1942 года, когда он сменил командира 4-го гвардейского корпуса, попавшего в окружение с другими частями 8-й армии. В этот тяжелейший период времени я командовал 140-й отдельной стрелковой бригадой, которая входила в состав корпуса. Командующий всегда относился ко мне с большим доверием, хорошо понимал мое настойчивое желание не упустить благоприятный момент для подготовки и перехода в наступление. Однако снимать дивизию с обороны под Ново-Киришами и западнее этого самого ответственного участка в полосе 54-й армии, не имея резервов, было рискованно. К тому же еще не

были ясны цели перегруппировки вражеских войск. Разговор наш закончился тем, что генерал Рогинский решил еще раз переговорить с командующим Волховским фронтом генералом Мерецковым.

Мы остались в траншее ждать звонка командующего. Задача перед нами стояла сложная. Было о чем подумать: как лучше на таком широком фронте организовать и провести прорыв вражеской обороны силами одной дивизии, да еще недостаточно укомплектованной людьми после тяжелых боев под Мгой. Немцы два года оборонялись на этом рубеже. За этот срок они соорудили здесь сотни ДЗОТов, произвели сплошное минирование переднего края и, вполне возможно, что и в глубине своей обороны вдоль него установили сплошные противопехотные проволочные заграждения на высоких и низких кольях, спирали Бруно, спотыкачи и прочие хитроумные ловушки. В этом отношении гитлеровцы были очень изобретательны.

Но больше всего нас волновала погода. Стояла сырая дождливая осень, превращая и так непрсыхаемую в этих краях болотистую почву в сплошное месиво вязкой грязи. Она пудовыми гирями висела на ногах. Нас ожидали большие трудности, но уверенность, что бойцы преодолеют все, лишь бы бить и гнать с родной земли врага, помогала решать самые сложные боевые задачи.

Вскоре я снова разговаривал с генералом Рогинским. Он сказал, что Мерецков не изменил своего решения и требует от нас прочно оборонять полосу дивизии, не увлекаясь фантазиями и не строя несбыточных планов. Я продолжал настаивать на необходимости наступления дивизии, поняв, что в штабе смутно представляют быстро изменившуюся обстановку на нашем участке.

Понимая, что обстановка действительно выгодна для наступления, Рогинский внял моим настойчивым просьбам и, взяв ответственность на себя, разрешил действовать:

— Хорошо! Организуйте передовые батальоны от полков и действуйте ими. Главные силы полков держите в обороне и смотрите в оба. О готовности доложите, — сказал Рогинский и пожелал нам успеха.

Было видно, что Рогинский согласен с нашими доводами, но возражать Мерецкову не мог, да и не хотел. Приняв такое решение, он взял ответственность на себя. Теперь все зависело от нас, от нашей расторопности и умения быстро и надежно организовать прорыв и наступление передовых батальонов.

Чтобы действовать внезапно, решено было атаковать противника без предварительной артиллерийской подготовки. За

тридцать минут до атаки командирам передовых батальонов было приказано, пользуясь ночной темнотой, скрытно сосредоточиться в боевых порядках в центральной зоне у переднего края неприятеля, чтобы одним махом без крика «ура», пока враг не опомнился, занять его первую траншею. Начало атаки было назначено на 5.00 4 октября.

Весь день 3 октября и всю ночь перед атакой в дивизии и в полках шла напряженная подготовка к бою. Работы было много. Каждому полку нужно было определить наиболее удобные во всех отношениях участки для прорыва, подтянуть поближе к этим участкам артдивизионы 855-го арtpолка полковника И. Е. Шевчука, полковые артбатареи и минометы, отдельные орудия. Все это и многое другое нужно было делать так скрытно, чтобы противник ничего не заподозрил, как говорится, и ухом не повел. Всего трудней было преодолеть проходы в минных полях и противопехотных заграждениях перед самым носом противника. При малейшей неаккуратности или шуме саперы могли быть обнаружены, и тогда все приготовления сорвались бы. От чрезвычайно сложной и опасной работы этих великих «тружеников войны», от их искусства, по тонкости сравнимого с ювелирным, зависело все, к чему мы с такой надеждой на успех готовились.

Если бы противник по каким-либо признакам ожидал с нашей стороны активных действий, он тогда непрерывно освещал бы нейтральную зону и вел бы огонь из автоматов и пулеметов. Ракет он не жалел, их у него было много. Они медленно снижались на шелковых парашютиках, хорошо и сравнительно долго освещая небольшой участок местности. В ночь на 4 октября гитлеровцы очень лениво пользовались ракетами и не часто вели огонь. Создавалось впечатление, что охранные батальоны недостаточно бдительны. Нам это было на руку.

Мы, командиры, хорошо знали свою «гвардию» — так мы называли саперов, знали каждого бойца в лицо, по фамилии и по боевым делам. Пока шло разминирование проходов, мы беспокоились, нервничали, но верили, что не подведет наша «гвардия».

В ту ночь на 4 октября никто из командиров не сомкнул глаз. Каждый самым добросовестным образом выполнял свою работу. Не спали и бойцы. Всем хотелось освободить землю, которую почти два года топтали фашисты. К утру все было готово и проверено офицерами штаба дивизии и мною лично. Враг, видимо, не подозревал о готовящемся прорыве.

В 5.00, еще затемно, бесшумно поднялись передовые батальоны полков. По ходам в противопехотных и

противоминных полях, проделанных за ночь саперами, батальоны бросились в атаку на противника в траншеи и землянки. Немцы, застигнутые врасплох, растерялись. От взрывов ручных и противотанковых гранат они понесли потери. Уцелевшие от нашего огня, оставив пулеметы в ДЗОТах, бросились наутек по ходам сообщений. Прошло несколько минут, прежде чем гитлеровцы, которые находились в промежутках между атакованными участками, подняли беспорядочную стрельбу, но наши роты передовых батальонов, не останавливаясь в занятой траншее, продолжали двигаться вперед.

Группы саперов под командованием командира саперного батальона капитана Д. В. Матвеева, полкового инженера 1067-го стрелкового полка капитана М. Н. Андрияша и лейтенанта М. Г. Мелешева продвигались в боевых порядках батальонов, чтобы своевременно предупреждать пехоту о наличии минных полей, ограждая их знаками «Мины». На направлении Ново-Кириши, где наступал 1071-й стрелковый полк, индикаторы миноискателей не переставая звучали, так как вся почва на этом участке была нашлапана осколками снарядов и мин. Волей-неволей саперам пришлось заменить миноискатели на обыкновенные щупы, которыми для обнаружения мин нужно было прокалывать верхний слой почвы.

Противник отходил, не успев еще опомниться от нашей внезапной атаки. Чтобы свернуть его оборону по всему переднему краю и более активно и неотступно преследовать, нам пришлось ввести в прорыв все силы дивизии. Подразделения капитанов Ф. П. Евтушенко, С. И. Цветкова, А. Ф. Царева и Н. А. Свиридова, вырвавшись вперед, стремились обойти врага с флангов, но вязкая по колено грязь и сплошные минные поля, проходы, которые гитлеровцы держали под массированным огнем артиллерии, минометов и пулеметов, тормозили их продвижение.

Противник своим огнем стремился завести наши подразделения и части на минные участки, и это ему частично удавалось делать, поэтому оставшиеся небольшие саперные резервы пришлось вывести в передовые подразделения, где под прикрытием огня стрелковых и минометных рот они проделывали проходы или искали обходные пути. Работу минеров без всякого преувеличения можно назвать героической. Ползком, не поднимая головы, под непосредственным огнем противника они делали свою опасную работу. Лейтенант М. Г. Малышев, командир саперного подразделения, лично снял более ста мин, а капитан Д. В. Матвеев, ответственный за разминирование в границах наступления дивизии, снял около двадцати мин.

Следует заметить, что на некоторых направлениях в глубине

обороны немцы очень хитро ставили мины в два или три яруса. Обнаружив мину, саперы осторожно вытаскивали ее из земли, не подозревая, что под верхней миной лежит вторая мина, соединенная с верхней тонкой стальной проволокой — взрывателем. Стоило приподнять верхнюю мину, как срабатывал взрыватель второй мины. Взрывом двух мин одновременно минера разрывало на куски. Когда же устанавливались три мины (друг над другом), все их взрыватели бывали соединены. В этом случае происходил взрыв колоссальной силы — трех мин сразу.

Минировались отдельные землянки, убежища. Стоило открыть дверь, как взрывалась мина. Кое-где минировались даже топчаны и нары. Сюрпризов было много. Минирование, по всей видимости, осуществлялось предварительно для усиления обороны охранных частей, хотя возможно, что, потеряв всякую надежду на наступление в направлении Войбокало и Волхова, гитлеровцы решили оставить Киришский выступ с целью сокращения линии фронта. Если это так, то мы их опередили.

В числе первых из командиров саперов, погибших на минном поле, был полковой инженер 1067-го стрелкового полка капитан Михаил Николаевич Андрияш. Всего за несколько часов до его гибели я был в полку и наблюдал, как умело руководил он боевой работой своих саперов. Он был совсем молодым человеком, веселым, жизнерадостным, совсем недавно окончил военное училище. Его гибель стала для нас огромной потерей.

Не менее чем минные поля и сопротивление противника, глубокая, вязкая, как смола, грязь замедляла темпы нашего наступления. Очень трудно было наступать, да еще на таком широком фронте, когда ноги мертвой хваткой засасывает чавкающая трясина, тянет назад, лишает сил. Глубоко завязнув в непролазной жиже, моя легковая машина «эмка» вышла из строя в первые часы боя. Хорошо понимая мое положение, генерал Рогинский выслал мне гусеничный тягач. Все бы хорошо, но скорость у тягача маловата. Я успокаивал себя, что лучше медленно, да верно, так как без средства передвижения я походил на муху, прилипшую к липучке. Передвигаться приходилось в этих условиях много, в четыре-пять раз больше, чем любому бойцу, ведь в присутствии старшего начальника наступление идет веселее, в этом я не раз убеждался. Надо отдать должное бойцам — их не приходилось убеждать в необходимости действовать быстрее и энергичнее. Командиры частей понимали, что «...из всех воинских доблестей энергия в ведении боя больше всего содействует успеху и что промедление в бою — самое тяжелое преступление»^[13].

К моему большому сожалению, арттягач, не выдержав

нагрузки, вышел из строя. Тогда генерал Рогинский буквально выпросил у Мерецкова один из нескольких недавно полученных штабом фронта «виллисов» и тут же передал его мне. Это был первый «виллис» в соединениях нашей армии. Проходимость его была прекрасная, что дало мне возможность, преодолевая море липкой грязи, бывать на любом участке наступления. Потом уже, после Киришской операции, дивизия получила несколько замечательных отечественных вездеходов.

Частями дивизии к исходу первого дня наступления были освобождены: Ново-Кириши, Большое и Малое Мерятино, Осташкино, Дуброва. Вплотную мы подошли к Ларионову Острову. Ни в этих населенных пунктах, ни вблизи их местного населения не было. За первый день боя обе стороны понесли значительные потери, но дивизия оставалась вполне боеспособной. Несмотря на потери и усталость, настроение бойцов было приподнятым.

Светлая память осталась у всех нас о погибшем лейтенанте Степане Маслове. В атаке он всегда был впереди, личным примером ведя бойцов за собой. Прекрасно владел оружием, первым бросался в траншеи.

Исключительной смелостью и отвагой обладал также старший сержант Гресс. Выдвинувшись вперед через наблюдаемую и простреливаемую противником поляну, он подполз к железнодорожной насыпи и в 50 м от противника установил противотанковое ружье. Ведя огонь по хорошо замаскированной амбразуре вражеского ДЗОТа, он снял огнем пулеметчика и тут же перенес огонь на артиллерию. Подавив обе огневые точки, он повел бойцов в атаку, уничтожая врага в траншеях. Погиб он смертью героя.

Неподалеку от сержанта Гресса рядовой Михаил Смирнов бросился с противотанковой гранатой на вражеский пулемет. Пулеметный расчет был уничтожен, бойцы бросились в атаку, а солдат остался лежать, сраженный пулей.

Страшно тяжело терять боевых друзей, с кем жизнь столкнула тебя в самые тяжелые моменты, и только победа, ради которой они, не задумываясь, пошли на смерть, заставляет верить, что эти потери были не зря.

На следующий день, с рассвета, после короткого артналета наши полки пошли в атаку. Командованию полков было дано указание продвигаться за батальонами первых эшелонов полков, чтобы не отставать от них и своевременно реагировать на изменение обстановки. На правом фланге дивизии наступал 1069-й стрелковый полк (командир полка — подполковник Высоцкий, начальник штаба — майор П. А. Коротких и зам. командира по

политчасти — майор Воронцов). В центре — 1067-й стрелковый полк (командир полка — подполковник М. Игуменов, начальник штаба — майор Титов и замполит — Каинов). На левом фланге — 1071-й стрелковый полк (командир полка — майор С. Л. Зинченко, начальник штаба майор Юркин и зам. по политчасти — майор Скифский).

В этот день противник, не имея хороших позиций и боясь обходов, не проявлял особого упорства, и наши части сразу начали продвигаться вперед. К исходу дня дивизии удалось освободить следующие населенные пункты: Посадников Остров, Ирса, станция Ирса и разъезд Посадников.

В разгар боев в дивизию на вакантную должность начальника штаба дивизии прибыл полковник Тимофей Яковлевич Новиков. После гибели полковника Кованова под Мгой штаб армии никак не мог подобрать офицера на эту должность. После умного, скромного и знающего штабное дело Д. П. Кованова трудно было мириться со случайными людьми. К новому человеку, а тем паче в боевой обстановке, всегда относятся с некоторым недоверием и только после проверки боем дают ему настоящую оценку. Каким бы знающим и смелым ни старался показать себя офицер, в бою раскрывались реальные черты его характера. Человек высвечивался, как на рентгене. Он становился таким, каким он есть.

Полковник Новиков попал в дивизию в тяжелое время. Он быстро сориентировался в обстановке. В глаза бросались его деловая хватка и твердость в решении вопросов. Через пару дней он уже был полностью, как говорится, в своей тарелке в роли начальника штаба. Его в этой должности признали и офицеры штаба дивизии, и командиры полков. Мне импонировала его природная скромность: «не выставляться и большим быть, чем казаться». Было видно, что он прошел трудную школу войны. До прибытия к нам он командовал полком на Невской Дубраве, где долгое время шли кровавые бои. Это был простой человек, крепкий физически, смелый, без тени позы и бахвальства. Я был очень признателен командующему армией генералу Рогинскому, что он прислал в дивизию начальника штаба, который по всем статьям подходил нашему сложившемуся боевому коллективу. Не думал я в ту пору, что нам с Новиковым суждено будет пройти рука об руку весь боевой путь от Кириши до Эльбы. Надо сказать, что за все это время ни одна тень не пробежала между нами.

Продвигаясь с боями в глубь обороны противника, мы видели результаты боевой работы нашей дивизии и других частей 54-й армии. С августа 1941 года дивизия дралась на этом направлении. Еще тогда Новые Кириши и г. Кириши два раза

переходили из рук в руки, несмотря на то что тогда мы значительно уступали гитлеровцам в вооружении и боевом обеспечении. Теперь, когда мы с боями освобождали в третий и последний раз эту территорию, возле каждой деревни мы натывались на кладбища «псов-рыцарей». Под деревней Мягры, на большой площади по обе стороны грунтовой дороги, были расположены три кладбища по 700 могил в каждом, на всех могилах стояли березовые кресты, «украшенные» стальными касками. Мне в голову пришли пророческие слова Александра Невского: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!» Я приказал одному из политработников написать крупными буквами на большом листе фанеры это предостережение русского полководца и прибить щит к одной из арок кладбища. Все было исполнено, но ниже этих слов кто-то, видимо, из проходивших мимо солдат не удержался и сделал приписку: «Так-то, вашу мать...»

В этой связи я вспомнил, как генерал Рогинский рассказывал, что в брошюре одного немецкого офицера прочел следующее: «Кто не воевал под Киришами, тот не знает, что такое война».

6 октября, на третий день боя, дивизия освободила Драчево, Мягры и под сильным артиллерийским обстрелом подошла к деревням Жар и Боровик. За этот день дивизия продвинулась на 20–25 км и подошла ко второй оборонительной полосе, заблаговременно подготовленной противником. Здесь они укрепили оборону ДЗОТами, хорошо оборудованными траншеями полного профиля, проволочными заграждениями в 5–6 рядов. Вся полоса переднего края была плотно заминирована. Снова нужно было готовить прорыв заранее подготовленной обороны. Саперы под командованием офицеров Я. В. Смирнова и Я. И. Сорвачева под сильным огнем противника производили расчистку проходов в минном заграждении. На самых ответственных местах действовали минеры старшего сержанта А. Баталова и рядового Зубарева.

Разведчики Шуляковского и отчаянно смелого, находчивого капитана П. А. Панасенкова вели разведку огневых точек. Сам Панасенков был прирожденным разведчиком. В нем отсутствовало чувство страха и опасности за свою жизнь. Он виртуозно владел автоматом, пистолетом, гранатой, ножом и просто кулаком. В сложнейших ситуациях действовал мгновенно, как взрыв пороха. Пожалуй, он один из всей роты мог подползти к ДЗОТу противника, вытащить из амбразуры живого немца так, что тот даже пикнуть не успевал, и доставить его в расположение дивизии. С именем этого, без преувеличения, гениального разведчика связаны все успехи дивизионной разведки. Пройдя

«огонь и воду», погиб он случайно — от шальной пули.

Артиллеристы лейтенанты В. Краинский и Палиев уничтожали огнем артбатарей обнаруженные цели, таким образом обеспечивая действия разведки и саперов. Нельзя не вспомнить добрым словом старших сержантов Манжула и В. Сухова. Первый — парторг роты, второй — комсорг батальона. По ним в этих боях равнялись остальные.

Несколько дней мы изучали оборону противника, вели разведку, поиски с целью захвата «языка». На отдельных направлениях пробовали прорывать немецкую оборону уже с пятью танками, но было видно, что одной дивизией здесь не справиться. Силы были на исходе. Дважды приезжал к нам командарм Рогинский и после нескольких рекогносцировок принял решение отказаться от дальнейших военных действий.

Вскоре 311-ю стрелковую дивизию сменила 198-я и заняла оборону на достигнутом нами рубеже. Наша дивизия вышла в район Дружево для подготовки к очередной операции в районе Новгорода.

За ликвидацию Киришского выступа более ста воинов дивизии были награждены орденами и медалями, в том числе и я — орденом Красного Знамени.

Уторгош

Январь — апрель 1944 года

Долго помнится то, что требовало напряжения всех жизненных сил — и физических, и моральных, самые значительные моменты жизни, самые страшные минуты сражений, остальное уходит через решето памяти в небытие. Наверное, поэтому не забыть мне никогда бои нашей дивизии под Великим Новгородом в 1944 году.

14 января 1944 года севернее Великого Новгорода войска Волховского фронта перешли в наступление в тесном взаимодействии с войсками Ленинградского фронта. Прорвав хорошо укрепленную полосу немцев и форсировав реку Волхов и верховье озера Ильмень, войска фронта 20 января путем обходного маневра штурмом овладели сильным опорным пунктом обороны противника городом Великий Новгород.

Этот успех предрешил судьбу всей вражеской группировки, державшей блокаду Ленинграда, которая к концу месяца была полностью снята. Разбитые части неприятеля под нажимом наших войск стали отходить в Прибалтику. Сообщение Совинформбюро об исторической битве под Ленинградом подняло боевой дух бойцов и вселило надежду на победу.

22 января 311-я дивизия, хорошо укомплектованная людьми, оружием, материальной частью и конным составом, выступила маршем из Вышне-Володского района Калининской области. Совершив марш по Ленинградскому шоссе (Валдай, Крестцы), дивизия 30 января подошла к освобожденному Великому Новгороду.

Марш протяженностью в 300 км проходил в трудных условиях. В пути погода резко изменилась, наступила оттепель, снег стал таять, и пришлось менять валенки на кожаную обувь.

Войска проходили по 40 и более километров за сутки, сроки передвижения строго выдерживались. Бойцы несли на себе оружие, станковые пулеметы, боевое имущество, боеприпасы, инструмент и лыжи. Несмотря на тяжелые условия, дивизия успешно выдержала трудности марша.

Войдя в Великий Новгород, мы увидели этот древний русский город сожженным, разрушенным, вымершим. От домов остались обгоревшие стены с пустыми глазницами окон. К горлу подкатывала волна отчаянной ненависти к врагу. Мы шли на встречу с ним, оставляя позади труп древнего города, гордости России.

Продолжая марш, дивизия следовала по Лужскому шоссе и 4 февраля полностью сосредоточилась в районе Уварово-Бедрино, Барский Березняк, завершив путь в 300 км. Продолжавшееся потепление превратило большак в сплошную грязь. Кроме того, противник, отступая, взрывал мосты и разрушал дороги. Много усилий пришлось вложить саперам 595-го отдельного саперного батальона в ремонт дорог, обеспечивая тем самым марш частей дивизии. Артиллеристы и минометчики впрягались в орудия и 122-мм минометы, чтобы вывозить их из грязи.

Наконец дивизия подошла к району боевых действий 8-й армии и вошла в ее состав. Командовал армией все тот же генерал Ф. Н. Стариков, с которым нам «посчастливилось» встретиться летом 1943 года в период Мгинской операции. Давнишние взаимные «симпатии» не сулили ничего хорошего. Сосредоточилась дивизия северо-восточнее населенных пунктов Медведь, Закибье.

Значение районов Шимск, Уторгош, Батецк было исключительно велико: там сходились сети железных и шоссежных дорог, связывающих лужскую и старорусскую группировки противника. Кроме того, эти районы прикрывали как подступы к городам Порхов и Дно, так и заблаговременно подготовленный и укрепленный неприятелем Псковско-Островский район. Овладение этим рубежом нашими частями создало бы прямую угрозу левому флангу Лужской и всей старорусской группировке противника. Естественно, что гитлеровское командование решило во что бы то ни стало удержать рубеж Шимск — Медведь — Батецк, создав заранее хорошо подготовленные пункты и узлы сопротивления.

99-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора А. С. Грязнова, в составе 229, 265 и 311-й дивизий, получил задачу к 5 февраля выйти на исходный рубеж для наступления на Луч — Медведь, где надлежало сменить части 191-й и 382-й стрелковых дивизий. В ночь на 5 февраля, преодолев труднопроходимое болото протяженностью до 7 км, дивизия к утру вышла на исходный рубеж: отм. 39.5 — Ушно — Закибье.

Перед дивизией стояла задача: прорвать оборону противника на рубеже Луч — Высоково — Гора и овладеть опорными пунктами противника Ускибье, Высоково, Закибье, с последующей задачей наступать на Лонно и районный центр Уторгош. Высоково и Закибье — это крупные села с хорошими, крепкими домами и, судя по ним и хозяйственным постройкам, в прошлом, видимо, были кулацкими. Действия дивизии поддерживали три артиллерийских дивизиона, несколько танков и батальон 9-й инженерной бригады.

Для выполнения поставленной задачи было принято следующее решение: боевой порядок дивизии иметь в двух эшелонах. Первому эшелону, 1069-му стрелковому полку (командир — подполковник А. Т. Высоцкий, зам. по политчасти — майор Воронцов), ближайшей задачей ставилось овладеть селом Высоково. 1071-му стрелковому полку (командир — майор С. П. Зинченко, зам. по политчасти — майор Скифский) — овладеть селом Закибье с последующим выходом на Уторгош. 2/3 артиллерии поддерживало 1069-й полк и 1/3 — 1071-й на скользящем направлении. Отдельному лыжному батальону (командир — капитан А. П. Сидоров) ставилась задача перерезать и удерживать участок дороги Усть — Хотыня — Гора. 1067-му стрелковому полку (командир — майор М. В. Игуменов, зам. по политчасти — майор Каинов) было приказано находиться во втором эшелоне дивизии за 1069-м полком и быть в готовности развить успех этого полка.

7 февраля части дивизии атаковали противника. Завязались чрезвычайно тяжелые бои, в которых противник упорно оборонялся. Многие его огневые точки остались неподавленными, что обнаружилось при нашей атаке. Кроме того, пункты Высоково и Закибье занимали командные высоты, и неприятель имел возможность наблюдать за действиями наших войск и вести прицельный огонь из всех своих огневых средств. В силу этих обстоятельств и еще из-за того, что командир полка плохо организовал бой и недостаточно решительно действовал, 1069-й стрелковый полк в первый день успеха не имел и понес значительные потери. 1071-й полк действовал много лучше. Командир полка майор Зинченко, который в нашей дивизии прошел путь от командира отделения до командира полка, обладал чувством ответственности за порученное дело, был волевым и энергичным командиром. Несмотря на упорное сопротивление, полк сумел овладеть частью села Закибье.

Мой наблюдательный пункт в период подготовки боя и атаки находился на стыке двух полков первого эшелона дивизии, в 300 м от переднего края. Чтобы помочь 1071-му полку преодолеть сопротивление противника, мы с командующим артиллерией дивизии полковником Мазолевым вошли в Закибье вслед за атакующим полком. На месте мы быстро нашли один из батальонов полка. Пока мы ориентировались в обстановке, противник предпринял контратаку. Бойцы батальона начали пятиться назад. Чтобы остановить батальон, я лег за один из пулеметов «максим», находящихся недалеко от нас за батальоном, и начал строчить длинными очередями много выше голов отходящего батальона. Бойцы услышали стрельбу и свист

пуль над головами, увидели меня, лежащего за пулеметом, и сами начали вести усиленный огонь по контратакующему противнику, который, не выдержав дружного огня батальона, залег и уже больше в контратаки не переходил.

Увидев, что бойцы успокоились и уверенно ведут огонь, мы с Мазолевым решили найти комбата и его штаб, чтобы выяснить, где они находятся и почему оставили батальон без управления.

Неподалеку, в одном из больших сараев, мы обнаружили изрядно выпившего адъютанта батальона. На вопрос, где комбат, он показал в угол сарая, где лежал мертвецки пьяный комбат. Этого комбата, уже не молодого человека, прислали несколько месяцев назад из штаба корпуса для дальнейшего прохождения службы, как отбывшего наказание в штрафной роте за пьянство. До прихода в нашу дивизию он был комбатом в соседней дивизии, где его за пьянство разжаловали в должности и отправили в штрафную роту. Там он выдержал все испытания боем и был направлен к нам в дивизию в 1071-й стрелковый полк на должность командира взвода. Я его строго предупредил, что у нас алкоголиков не жалуют. Он обещал в рот не брать даже положенных 100 граммов водки. Несколько месяцев он крепился и действительно не пил. Видя, что тот не употребляет спиртного, даже своей пайковой порции, командир полка Зинченко постепенно повышал его в должности и к началу этой операции, полагая, что он навсегда покончил с пьянством, представил его на должность комбата. Так он снова стал командиром батальона.

Однако в первый же день наступления, когда вновь представился случай полновластно распоряжаться в батальоне пайковой водкой, комбат, поддавшись искушению, напился до потери сознания, да еще споил молодого адъютанта батальона. Забыв об ответственности, оба они оставили батальон на произвол судьбы, без руководства и управления.

Пока я разбирался со старшим адъютантом батальона, обстановка резко осложнилась: батальон пехоты противника, поддерживаемый несколькими танками и самоходным орудием «фердинанд», вышел на открытый левый фланг 1071-го стрелкового полка и начал обходить с тыла, отрезая нас от других частей дивизии и дивизионного наблюдательного пункта.

Когда я увидел, что противник заходит к нам в тыл, нужно было немедленно передать по радиостанции начальнику штаба дивизии Новикову, чтобы он огнем всей артиллерии остановил и разгромил противника. Но ни радиста моей личной радиостанции, Игоря Муравьева, ни полковника Мазолева рядом не оказалось. Очевидно, заметив раньше меня, что противник с танками обходит нас, командующий артиллерией дивизии

полковник Мазолев во избежание окружения, не предупредив меня, пока я разбирался со старшим адъютантом, бросился бежать на наш НП, а за ним — и мой радист.

После этого случая я не раз хотел выяснить у Мазолева причину столь молниеносного бегства, но каждый раз меня что-то отвлекало. Это так и осталось для меня тайной и по сей день.

Мне ничего не оставалось делать, как приказать расчету одного из близко находящихся орудий, которые поддерживали наш стрелковый батальон, развернуть орудие почти на 180 градусов и открыть беглый огонь прямой наводкой по окружающей нас артиллерии противника. Очень скоро я понял, что не зевал и начальник штаба дивизии полковник Новиков. Увидев, контратакующую группу гитлеровцев, он приказал всей нашей и поддерживающей дивизию артиллерии открыть огонь по обходящему нас противнику. Вскоре немецкий батальон вместе с танками и самоходным орудием «фердинанд» был разогнан и частично уничтожен.

Когда стемнело, я убедился, что наш батальон прочно закрепился на освобожденной части села. Оставшись без связи, я поспешил к себе на наблюдательный пункт, чтобы с него немедленно связаться с командиром 1071-го стрелкового полка Зинченко. От него я узнал, что он был в батальоне и насилу привел комбата в чувство. Он поднял его на ноги и, поставив к стенке сарая, перед небольшой группой бойцов объявил, что за потерю управления батальоном, будучи в состоянии полного опьянения, приговаривает его к расстрелу. Тут же на глазах у подчиненных он привел свой приговор в исполнение: собственноручно расстрелял комбата из пистолета.

Меня возмутил поступок Зинченко. Никто никому не давал права заниматься самосудом. Я строго предупредил его, что впредь за малейшее самоуправство он будет отдан под суд. Командир должен быть строг, но действовать он обязан в рамках уставов. Я резко отрицательно всегда относился к подобным вещам и никогда, даже в самые кризисные моменты боя, не поднимал руку на провинившихся подчиненных, какой бы ни была их вина. Уставы дают большие права командиру, только надо умеючи ими пользоваться.

Я тогда не снял Зинченко с должности и не отдал его под суд только потому, что всякие перемены в командовании полка в то время, когда шли тяжелейшие бои, нанесли бы вред полку, а следовательно, увеличились бы людские потери.

Через пару дней ко мне на НП прибыли помощник прокурора фронта тов. Орлов и следователь, чтобы на месте изучить случай с расстрелом комбата. Подполковник Орлов в 1942 году был

прокурором 140-й отдельной стрелковой бригады, которой я тогда командовал. Мы хорошо знали и уважали друг друга.

Я рассказал Орлову все как было и просил его не проводить следственные действия в данное время в связи с тяжелыми боями, так как это не будет способствовать укреплению дисциплины у офицерского состава. Я пообещал, что в более подходящее время мы с начальником политотдела дивизии Хирным проведем соответствующую работу с командирами, а Зинченко после боев будет строго наказан.

После нашей беседы Орлов отправился на КП дивизии. Не знаю, с кем он разговаривал там, только пробыл он очень недолго и быстро уехал к себе в прокуратуру штаба фронта. Как на месте развивались события, я не знаю, но ни меня, ни Зинченко никто не тревожил. Как видно, все обошлось.

К исходу 7 февраля части дивизии, ведя чрезвычайно напряженные бои, освободили северную окраину деревни Ушно и перерезали дорогу Ушно — Усть-Хотыня, освободили Закибье и овладели окраинами Ускибье и Высоково. За один последний день боя противник потерял только убитыми 200 человек, несколько танков и самоходное орудие. Несколько десятков немцев было захвачено в плен. Наши части в этих боях тоже понесли немалые потери.

С утра 8 февраля противник, подтянув резервы и поддерживаемый мощным огнем артиллерии и реактивных установок «ишак», предпринял ряд ожесточенных атак, в которых участвовало до полка пехоты с танками и самоходками. Немецкая авиация наносила по войскам дивизии неоднократные бомбовые удары группами до 30 бомбардировщиков.

Однако, несмотря на стойкость и отвагу наших бойцов, противнику удалось выбить наши подразделения из Высоково, а Ушно — Закибье несколько раз переходило из рук в руки. К концу дня его окончательно заняли части нашей дивизии. Чтобы покрепче держать его в руках, там был организован дивизионный наблюдательный пункт.

В течение нескольких дней основной удар дивизия наносила на своем правом фланге с целью овладения деревнями Ускибье, Высоково и Ванец. Все артиллерийские средства строительных полков были выставлены на прямую наводку. Предпринимались и ночные атаки. Бои носили крайне ожесточенный характер и стоили больших потерь как той, так и другой стороне.

Нужно отметить, что немцы ожидали какое-то неизвестное чудо-оружие, пропагандируемое Геббельсом, которое вот-вот должно было поступить к ним в части. Это, видимо, вдохновляло их, поскольку держались они крепко на всех занятых рубежах и

позициях.

В боях за Закибье, Высоково и Ушно отличились бойцы и командиры 371-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона (командир — капитан Е. Н. Розенберг, зам. по политчасти — майор А. Дорохин), сержант А. Егоров, ст. сержант Н. Михайлов, ст. сержант А. Баташов. Все они в самые трудные минуты боя проявляли решительность, смелость и инициативу.

Рядовые 1069-го стрелкового полка Палагеев, Кустов, Абатдеев, Гильманов, сержант Баранов, командир роты ст. лейтенант Варданян показали образцы храбрости в боях за деревню Ушно и в разведке противника.

Мужественно и стойко дралась 8-я стрелковая рота 1071-го стрелкового полка ст. лейтенанта Неверова. Она героически отразила контратаку батальона фашистов с танками и самоходными орудиями.

Во время атаки у деревни Высоково командир пулеметного взвода лейтенант А. П. Семяшкин стремительно ворвался в село. Примером личной отваги и героизма он увлек за собой не только бойцов своего взвода, но и бойцов батальона. Несколько десятков фашистов положили в этом бою пулеметчики Семяшкина. Увлечшись жаркой схваткой, он со своим взводом оказался отрезанным от своих, но принял решение драться до последнего и продолжал косить немцев из пулемета. Когда же с горсткой бойцов он оказался в тесном кольце окружения, лейтенант Семяшкин взорвал себя и около десятка немцев. Народ Коми может гордиться своим героем.

После перегруппировки дивизия вновь перешла в решительное наступление на опорный пункт врага село Лонно, но теперь уже в составе родной 54-й армии. Командовал ею, к счастью, все тот же генерал С. В. Рогинский. Многие офицеры в дивизии были рады, что мы ушли из подчинения 8-й армии, командующий которой Ф. Н. Стариков относился к нам по-прежнему неприязненно.

В ходе трехдневных напряженных боев дивизия прорвала оборону противника на рубеже реки Лятинка и к исходу 19 февраля двумя стрелковыми полками овладела большим селом Лонно. Бои по очищению села от отдельных групп гитлеровцев продолжались до следующего дня. Немцы потеряли очень много людей убитыми, несколько десятков человек было взято в плен вместе с боевыми трофеями.

1067-й и 1071-й полки под командованием М. Туманова и С. Зинченко, которые находились под несмолкаемым ураганным артиллерийским огнем, не успели надежно закрепиться в селе. Оно горело, как огромный факел, и огонь противника ни на минуту не утихал.

Полки несли большие потери. С наступлением сумерек немцы подтянули два своих батальона пехоты и батальон танков «фердинанд» и контратаковали наши части, которые, не выдержав мощной танковой контратаки, отошли на ранее занимаемые позиции. В этих боях за село Лонно в числе многих других был убит командир артдивизиона 835-го арtpолка капитан Попов.

Как же тяжело было под Лонно! Хотя и предыдущие бои под Высоково и Закибье, надо сказать, мало чем отличались от этого. Противник и там и здесь дрался не на жизнь, а на смерть. Казалось, что все в конечном счете решат нервы — у кого они окажутся крепче. Надо было дать хоть немного отдохнуть бойцам, а потом организованно и надежно атаковать, но село Лонно надо было освобождать.

Несколько раз вызывал меня к телефону командир корпуса генерал А. С. Грязнов. Он плачущим голосом жаловался на неудачи всех соединений корпуса, упрекал меня в том, что дивизия сдала село и ему, как командиру, за такие дела не поздоровится, что его снимут с должности.

Я не хотел оправдываться, лишь успокаивал его, говоря, что на войне всякое бывает, что свою волю противнику надо диктовать силой, огнем и броней. Я пообещал, что через день-два Лонно будет нашим.

Генерал Грязнов был своеобразным человеком, большим оригиналом. Он никогда не повышал голоса на подчиненных, не грозил карами небесными, не оскорблял. Он совершенно не вмешивался в боевые дела командиров дивизий. Обычно он просил «постараться» овладеть тем или иным пунктом. Лично себя он не утруждал ни рекогносцировками, ни работой, не думал об опасности. Все это он предоставлял делать своим подчиненным в полном объеме. И все-таки, надо сказать, для нас он был много лучше тех начальников, которые любили не в меру вмешиваться в дела подчиненных, рисоваться, бравировать своей удачей. Он был прост. С ним было легко работать и воевать. Он не отрывал нас от дела, не тратил драгоценного времени на бесполезные рекогносцировки вдали от противника, на постановку боевых задач на местности. Может быть, просто он не умел этого делать как надо, но нам импонировало то, что он ничего не делал «для галочки». Генерал Грязнов доверял нам, и я старался оправдывать его доверие.

Но не все терпимо относились к нему. В состав корпуса кроме нашей 311-й дивизии входили еще две дивизии — 229-я и 265-я. 229-й командовал молодой полковник, грузин, фамилию которого, к сожалению, не помню. Он был хорошим командиром, но вспыльчивым и горячим по характеру. Когда ему делали

замечание, он выходил из себя. Грязнов же иногда любил показать, что и он не лыком шит, и начинал поучать, что приводило командира 229-й дивизии в бешенство. Может быть, благодаря моему ровному, спокойному характеру Грязнов относился ко мне с доверием и даже любил отдыхать у нас от своих слишком нервных подчиненных.

Во время подготовки атаки на Лонно он приехал на мой НП поздно вечером в крестьянских санях. Видя, что он продрог, я предложил ему немного выпить для «согреву», как говорили бойцы. Я только хотел наполнить стакан водкой, как он взял у меня из рук флягу со словами:

— Нет, нет, я сам.

Он налил в стакан немного водки, покрыв лишь доньшко.

— Я так люблю, понемногу, — сказал он. Выпив, тут же налил в стакан такую же маленькую дозу и выпил, как пьют горячий чай. Меня удивил такой способ пить водку, и, пока мы разговаривали, я с интересом наблюдал, как он все время прикладывался к стакану, пока не осушил всю флягу. Он не пьянел и только после того, как хорошо согрелся от двойного жара — водки и горячей железной печурки, — начал излагать причины, побудившие его приехать ко мне.

— Сегодня, — сказал Грязнов, — позвонил я в 265-ю дивизию т. У. и спросил его, почему он топчется на месте и не продвигается, и сказал, что приеду и погляжу, как он управляет боем. А нахал У. ответил: «Приедешь — повешу!» Вот я и собираюсь к нему, чтоб на месте расстрелять его.

— Да он не в своем уме! Нормальный человек так бы не ответил, — сказал я, пораженный наглостью У.

— Я хочу, чтобы ты сейчас поехал со мной и поучил бы этого дурака, как надо управлять боем дивизии.

После этих слов я понял, что слово «расстрелять» было сказано Грязновым для того, чтобы подчеркнуть свою значимость.

Полковник У. в прошлом, по-видимому, работал в штабах и совсем недавно был назначен командиром дивизии. Попад на эту не очень, прямо скажем, легкую должность, да еще в обстановке тяжелых боев, он, естественно, растерялся, а помочь ему было некому. Затея Грязнова ехать с ним в 265-ю дивизию мне не нравилась: у меня самого дела шли неважно и надо было готовиться к атаке на Лонно. Я так и сказал ему.

— Ничего, мы долго там не будем, скоро вернемся, — ответил мне Грязнов.

Делать было нечего: просьба начальника — приказ.

Вскоре мы подъехали к лесу, где размещался не то наблюдательный, не то командный пункт дивизии, а скорее всего,

своеобразный цыганский табор. В лесу стояла лагерная палатка, а вокруг и внутри нее толкалось десятка два бойцов. У. сидел в полушубке на табуретке возле центрального столба палатки и вел бесконечные телефонные переговоры с командирами полков. В одном из углов палатки, тесно прижавшись друг к другу, укрывшись тулупом, спали девушки, очевидно, телефонистки и санитарки. Неподалеку сидели связные от частей и офицеры связи, дымя вовсю махоркой. Рядом спали, заливаясь храпом, ординарцы, посыльные и еще бог весть кто. Все, по-видимому, чувствовали здесь себя как дома.

Приветствовал нас У. слабым кивком головы, не выразив никаких эмоций. Раздумал, наверное, казнить Грязнова, как обещал. Выглядел он бледным и осунувшимся, только глаза горели. Он непрерывно разговаривал по телефону с командирами полков примерно так:

— Иванов, Иванов, как у тебя дела? Хорошо. Когда будешь готов, доложи. Петров! Готов к атаке? Нет? Долго готовишься. Я еще позвоню. Сидоров! Людей накорми! Что ты тянешь с этим делом?

И так все время по замкнутому кругу — Иванов, Петров, Сидоров. Командиры полков жаловались ему же, что им некогда работать, так как приходится все время проводить у телефона. Сидя в лесу в палатке, как в норе, У. ничего вокруг себя не видел, а только помыкал командирами, которые должны были проводить большую и серьезную работу по подготовке своих полков и поддерживающих средств к наступлению. Я не мог без возмущения смотреть на то, что творилось.

Воспользовавшись внезапной паузой в переговорах, я попытался сказать У., что организацией боя надо заниматься на месте, в полках, а не у телефона. Он меня практически не слушал, продолжая разговаривать с командирами, не выпуская трубку из рук. В палатке стоял густой, кислый от сырмятных полушубков дух, и я предложил Грязнову выйти и подышать свежим зимним воздухом, тем более что не видел смысла в дальнейшем общении с У.

— Это не командир, а «гроб с музыкой». Его надо не учить, а немедленно снимать с должности, пока он не загубил дивизию, — сказал я Грязнову.

— Действительно, «гроб с музыкой», — рассмеялся командир корпуса. — Нам здесь делать нечего, поедем. В штабе решу, как с ним быть.

И мы разъехались по своим КНП. По дороге к себе в дивизию я размышлял о том, что увидел. У. никак не соответствовал должности, которую занимал, в силу своей вопиющей

неорганизованности. Сел, как говорится, не в свои сани.

Хорошо, что не задержались мы «в гостях»: теперь у меня был в запасе почти полный день, чтобы подготовить дивизию к повторной атаке.

Вернув Лонно с большими для себя потерями, немцы, как только стемнело, занервничали, начали освещать местность перед своим передним краем ракетами и вести непрерывный огонь из пулеметов — верный признак неуверенности в своих силах. Они хотели таким образом предупредить нашу возможную ночную атаку. К этому времени мы уже хорошо изучили поведение врага и прекрасно понимали, что такой огонь свидетельствовал о том, что противник остерегается повторной ночной атаки с нашей стороны.

За предыдущие сутки и прошедший день, готовя атаку на Лонно, я так измотался, что к вечеру еле держался на ногах. Не спал я ни одной минуты в течение двух суток, и примерно в 23 часа меня страшно потянуло ко сну. Я решил подремать часок.

На моем НП, расположенном в блиндаже непосредственно за нашей передовой линией и в 400 м от переднего края противника, были все те, кто, как правило, находился здесь всегда, а именно: командующий артиллерией дивизии полковник Мазолев, начальник оперативного отделения штаба майор А. В. Неретин, начальник разведки дивизии майор Е. Г. Шуляковский, радист моей личной радиостанции И. Муравьев и шифровальщик. Я попросил полковника Мазолева посидеть у телефона, пока я буду спать, и прилег на топчан.

Но, как часто бывает в подобных случаях, стоило мне задремать, как начались непрерывные звонки. Звонили с докладами командиры полков, соседи, звонили из штаба корпуса. Мазолев и Неретин отвечали на все звонки как надо. Но вот раздался еще один звонок. По ответам Мазолева я догадался, что звонит начальство:

— Да, здесь, только что прилег отдохнуть.

Пришлось встать и подойти к телефону. Это был Грязнов. Опять все тот же разговор о неудачных делах корпуса, о том, что если и дальше так пойдет, то ему не сдобровать, что вся его надежда на нашу 311-ю.

Сон улетучился. Я вышел из прокуренного блиндажа подышать воздухом, да и поглядеть, чем занимается наш противник. Я увидел, что ситуация резко изменилась: сократилось число стреляющих пулеметов и местность освещалась ракетами очень вяло. У меня внезапно промелькнула мысль, что после предыдущей тяжелой баталии немцы решили «благородно ретироваться» — бежать. (На самом деле наши

войска во фронтовом масштабе обходили фланги противника, и он, боясь окружения, начал отводить свои войска.)

Пристально всматриваясь в расположение противника, его передний край, я все больше и больше убеждался в том, что немцы оставляют свои позиции в Лонно, за которые держались мертвой хваткой. Моя интуиция, основанная на длительном боевом опыте, подсказывала, что немцы действительно начали отходить.

Я вызвал из блиндажа своих офицеров, чтобы они сами убедились в том, что ситуация на переднем крае резко изменилась.

В блиндаже быстро созрело решение: всеми полками, без ненужных перестроений, чтобы не терять времени, и без артподготовки прямо перед собой атаковать передний край противника, вклиниться в глубину его обороны и в последующем наступать на Уторгош и овладеть им. Начало атаки в 1 час ночи. Это было 20 февраля 1944 года.

Чтобы не терять драгоценного времени, начальник штаба дивизии полковник Новиков и командующий артиллерией полковник Мазолев были направлены в полки «толкачами», а в один из полков я решил идти сам. Новикова и Мазолева я ознакомил со своим решением и способом атаки. Командирам полков нужно было передать по телефону, кто к ним направлен, чтобы они действовали строго по их указаниям.

Командира артполка полковника И. Е. Шевчука я ознакомил с принятым мною решением и приказал открыть огонь по тем пунктам, с которых, как я полагал, можно встретить контратаки противника. Огонь можно было открывать только по моим сигналам или сигналам командиров полков, а также по приказанию, переданному по радио.

Все немедленно связались с НП полков и доложили об этом.

Через короткий промежуток времени мне позвонил полковник Новиков и доложил, что командир 1069-го стрелкового полка подполковник Высоцкий отказывается без артподготовки вести полк в атаку под расстрел противником.

— Отстраните Высоцкого от командования полком. Вступайте сами во временное командование. Высоцкого после боя будем судить, — ответил я Новикову.

Я прекрасно понимал, что Новикову очень не хотелось принимать полк и с места в карьер вести его в бой. Это действительно очень не просто, но как настоящий боевой офицер он знал, что приказ командира — закон.

Через несколько минут после нашего разговора мне опять позвонил Новиков и доложил, что Высоцкий берет назад свой

отказ наступать и готов выполнить приказ. По всей вероятности, идти под суд, а потом в лучшем случае быть разжалованным и попасть в штрафную роту не входило в его планы.

Часы командиров полков были сверены с моими часами, и ровно в час ночи полки направились к переднему краю противника. Прикрытие было быстро уничтожено. Не встретили полки сопротивления и в глубине обороны. Фашистов как ветром сдуло.

Я вскоре освободил полковника Мазолева от представительства в полку и приказал ему продвигать всю артиллерию дивизии за полками, чтобы под Уторгошем быстро навалиться артиллерийским огнем на противника и освободить этот железнодорожный поселок. Командиру отдельного истребительного противотанкового дивизиона капитану Е. Розенбергу было приказано быть в постоянной готовности встретить атаку танков противника. Розенберг был прекрасным командиром, смелым, очень исполнительным и скромным человеком. О заместителе его по политчасти А. Дорохине можно тоже сказать только хорошее.

Полки быстро прошли село Лонно, где оказалось много оставленных противником разбитых орудий — пушек, пулеметов и другой боевой техники. Да, изрядно досталось от нас фашистам!

Полки дивизии продвигались вперед в полной готовности в любую минуту вступить в бой с противником. К рассвету позади осталось 10–12 км пути. Полки вышли к Уторгошу и после короткого боя овладели поселком. По всему было видно, что неприятель «бежал быстрее лани», очень торопился он покинуть Уторгош.

Саперы предварительно произвели проверку всего, что было снаружи и внутри помещений, на минирование: мы были научены горьким опытом Ново-Киришей. В помещениях, где размещались офицеры, были оставлены чемоданы с вещами, вино и съестные припасы. Во избежание отравления я приказал все напитки и съестное уничтожить.

Едва я успел поставить задачи частям дивизии и осмотреться в Уторгоше, как к нам приехал командир корпуса генерал Грязнов. Выйдя из машины и увидев меня, он не стал слушать моего доклада, обнял меня и поцеловал. Он был очень доволен нашими успехами, улыбка не сходила с его лица. Грязнов объявил благодарность всему личному составу дивизии, а мне доверительно и простодушно сообщил, что теперь начальство не будет иметь к нему никаких претензий. Когда восторги и умиление нашими успехами поутихли, я доложил командиру

корпуса о своем решении продолжать преследование противника в направлении г. Порхова и получил на это его «добро».

Заняв станцию и поселок Уторгош и лишив противника одного из узлов коммуникаций, который обеспечивал связь между лужской и старорусской его группировками, дивизия вышла на Порховское направление. Разбитыми частями противник поспешно отходил в юго-западном направлении на Порхов, Псков и Остров. Преследуя неприятеля, дивизия освободила тысячи советских граждан от фашистского ига.

За этот период дивизия вела бои против 8 ЛПД, 44-й пехотной дивизии, 2-й добровольческой латвийской бригады СС, 191-го охранного полка, нанося им большие потери в живой силе и технике.

Преследование противника проходило по трем параллельным направлениям днем и ночью. Впереди передовых частей дивизии действовала наша разведка. Противник оказывал сопротивление небольшими отрядами пехоты на автомашинах, отдельными танками, артиллерией. При отходе немцы сжигали населенные пункты, взрывали мосты и разрушали дороги. Чтобы привести в негодность железную дорогу, они цепляли к паровозу крюк в виде плуга, который при движении врезался в основание шпал.

Перед боями за Высоково и Ускобье в дивизию прибыл вновь назначенный начальником связи капитан Сизов. После того как в боях под Мгой был ранен начальник связи Старостенко, эту должность занимали случайные, неподготовленные должным образом офицеры. Естественно, что с организацией связи дело обстояло из рук вон плохо. Надо сказать, что личный состав батальона связи трудился не покладая рук, но все получалось не так, как надо: не было основного лица — организатора связи. Если разведку называют глазами и ушами части, то связь — ее нервы. В боевой обстановке очень многое зависит от нее.

Вновь назначенный на эту должность капитан Сизов явился ко мне на НП и доложил о своем назначении на должность начальника связи дивизии. Небольшого роста, худощавый, с отметиной от осколочного ранения на лице, скажу прямо, при первой встрече он не произвел на меня благоприятного впечатления. Но, как говорится, по одежке встречают, а по уму провожают. Так было и здесь. С первых минут он энергично взялся за налаживание связи и буквально за один день перестроил всю ее в дивизии. Личный состав батальона связи был отличным. Я, как командир дивизии, не только пользовался связью, но и видел, как самоотверженно работали связисты под огнем противника. У меня до сих пор перед глазами картина: полк атакует населенный пункт Закибье, гитлеровцы ведут

ураганный артогонь, над головой — непрерывный свист пуль. Небольшого роста девушка, увешанная тяжелыми катушками телефонного кабеля, бежит, не пригнувшись, за атакующими бойцами, чтобы своевременно связать полк с КП дивизии. Она бежит мимо нас с Мазолевым, залегшими в воронке от разорвавшегося снаряда, чтобы перевести дух. Я вижу ее и кричу: «Валя! Ложись! Пережди огонь!», но она, не останавливаясь, на ходу с улыбкой бросает нам: «Да, ничего...» — и вперед с тяжелым грузом.

Не могу забыть эту милую хрупкую девушку Валю, с румянцем во всю щеку. Сейчас многое из того, что происходило в ту пору, равносильно подвигу, хотя мы считали, что просто выполняем свой долг, и только. Таких, как эта девушка Валя, в батальоне было немало, и все они несли тяжелейшую солдатскую службу. Если эти строки дойдут до наших славных героинь-однопольчанок, кто уцелел и вернулся домой, я буду больше, чем рад. За их боевое прошлое низко кланяюсь им.

Мне очень хотелось поименно назвать всех тружеников-связистов дивизии, и я попросил Сизова, теперь уже подполковника, рассказать о делах и людях батальона. Вот его рассказ:

«В 311-ю стрелковую дивизию я прибыл на должность начальника связи дивизии с 99-м ск 6 февраля 1944 года. Командный пункт находился в овраге в 3 км от деревни Высоково Калининской области. Стоял мороз, шел мелкий сухой снежок. Без особого труда, как связист, быстро нашел по проводам узел связи дивизии. На телефонной станции в тесной низкой землянке с одним накатом бревен был установлен коммутатор Р-20. Полевые линии, перекрещиваясь, проходили по стене, натянутые, как струны. Первыми, кого я встретил, были телефонистки Полина Полянина и Клава Гинько. Одна из них спала на нарах, укрывшись шинелью, а другая едва успевала соединять абонентов. От Полины и по личным наблюдениям я понял, что дивизия ведет тяжелый бой, телефонистка нервничала, так как проводная сеть работала неустойчиво. Уточнив схему связи у командира штабного взвода ст. лейтенанта Елгашева, я направился представляться начальнику штаба дивизии полковнику Т. Я. Новикову, который, вероятно, уже знал о моем назначении. Новиков проверил документы и после знакомства проинформировал меня о боевой обстановке. Он приказал мне срочно следовать на НП, чтобы доложить командиру дивизии о прибытии и немедленно принять меры для установления прочной связи по всем каналам.

Местность была пересечена возвышенностями и оврагами с небольшим кустарником. Везде лежал толстый слой снега.

На НП я прибыл, когда уже начало темнеть. Бой заметно стихал, но успеха не было. Командир дивизии полковник Б. А. Владимиров был очень недоволен работой связистов и приказал мне немедленно установить проводную связь с командирами полков и соседними дивизиями:

— Бесперебойная работа связи — вот проверка вашего назначения, — сказал мне комдив.

Всю ночь шла перегруппировка полков, выдвигалась артиллерия на прямую наводку для уничтожения огневых точек. Не спали и связисты. Мне пришлось пересмотреть всю схему связи, так как организация проводной связи не соответствовала замыслу боя: проводная связь со стрелковыми полками была организована с НП дивизии, линии связи оказались очень длинными, требовалось много людей, чтобы обеспечить их живучесть. Артиллерия и минометы противника непрерывно нарушали проводную связь, и наши связисты несли ненужные потери в личном составе. Я предложил установить коммутатор на 10 номеров на НП дивизии, а короткие линии по 150–200 м подать на НП стрелковых полков. Штаб дивизии соединен двумя линиями, одна из них шла от штаба 99-го ск, включалась в коммутатор дивизии и продолжалась до НП. Вторую линию строил лейтенант Козлов от штаба дивизии. Она включалась в коммутатор НП и далее проходила до передового НП. Эта была ось связи по направлению перемещения штаба и НП дивизии.

Одновременно была организована проводная связь на одну станцию ниже ННС (начальник направления связи). От НП полков проложили линии связи по ходам сообщения до НП командиров строительных батальонов. На случай продвижения у каждого НП имелся резерв сил и средств связи.

Вместе с помощником по радио Сергеем Владимировичем Бородинцем мы внесли существенные изменения и в организацию радиосвязи. Мы создали отдельную сеть командира дивизии, в состав которой вошли командиры стрелковых полков, личная радиостанция командира дивизии и начальника штаба дивизии, а также сеть штаба дивизии, куда вошли начальник штаба дивизии, начальники штабов полков, соседи и тыл. Со штабом корпуса связь поддерживалась в радиосети корпуса на радиостанции РСБ-Ф.

Всю ночь личный состав батальона связи под руководством ст. лейтенанта Огорельцова А. И., лейтенанта Козлова М. П., старшины Шубникова перестраивал линии связи. Капитан С. В. Бородин занимался радиосвязью, и к 6 часам утра 13 января вся

система связи заработала по новой схеме.

Ночью я побывал во всех стрелковых полках, познакомился с начальниками связи этих полков, с организацией связи и дал указания о поддержании связи в движении в условиях преследования противника.

В 7 часов утра началась наша артиллерийская подготовка. Передовые части после переноса артиллерийского огня в глубину овладели первой позицией обороны противника. Завязался бой за высоту, которая дважды переходила из рук в руки. К 16 часам комдив сменил НП, на котором связисты вместе с саперами и разведчиками заранее подготовили проводную связь. Радиостанции переходили вместе с командирами частей и начальниками штабов.

При переходе на новый НП осколком мины ранило старшего лейтенанта Елгашева, штабным взводом стал командовать ст. сержант Литовченко. В то время дивизия получила новые радиостанции РБМ. Командиру дивизии связь по радио обеспечивал способный смелый паренек радист 1-го класса Игорь Муравьев. Он уже имел боевой опыт, отлично знал радиостанцию и в любой обстановке мог связаться с нужным корреспондентом. В этом бою при переходе на новое НП осколком разорвавшейся мины перебило кабель питания в его радиостанции. Не имея запасного, он сумел соединить перебитые концы и обеспечить командиру дивизии руководство боем. В последующих боях, при выездах в подчиненные части, на рекогносцировку, в вышестоящий штаб радист Игорь Муравьев безотлучно находился со своей радиостанцией при командире дивизии. За отвагу и мужество, проявленные в боях по обеспечению связью командира дивизии, радист Муравьев был награжден орденом Красной Звезды, медалью „За боевые заслуги“ и др.

На третьи сутки боя фашисты не выдержали натиска наших частей и стали поспешно отступать. Когда мы проходили оборону немцев, то видели фундаментально построенные ими бетонные укрепления, оборудованные ходами сообщений, минные поля, спираль Бруно. Впереди основных частей за пулеметами находились смертники, прикованные к ним цепями.

Понятно, что такую оборону в лоб прорвать было трудно, но наступательный порыв наших частей и подразделений был настолько велик, что никакая оборона не могла бы его сдержать. Части нашей дивизии перешли к преследованию противника. Отступая, фашисты задерживались только на отдаленных рубежах, да и то ненадолго.

Для нас, связистов, встал вопрос о поддержке связи в движении при преследовании противника. Требовалась

радиосвязь с командиром передового отряда, с разведкой, соседями и с командованием корпуса. Артиллерийский полк следовал поддивизионно со стрелковыми полками. Машин в дивизии было еще мало, правда, артиллерия имела уже „студебекеры“. Мы в штабе получили „доджи“ и „виллисы“, а пехота-матушка шагала в пешем строю. Радистам приходилось тащить радиостанции на себе, да еще оружие с боеприпасами — вес немалый. Я принял решение, чтобы ННС со средствами связи следовали с полками на своих повозках. Как только при встрече с противником полки разворачивались в боевой порядок, ННС строили линии связи к НП командира дивизии от стрелковых полков.

При ННС находилась наша дивизионная радиостанция с радистами. Когда обстановка требовала развертки проводной связи, местонахождение НП дивизии в любой момент сообщалось по радио по кодированной карте.

Большую роль в боевых действиях и при преследовании противника для передачи боевых приказов, распоряжений и доставки донесений сыграли подвижные средства связи. В условиях бездорожья в любое время суток под огнем противника посыльные и офицеры связи, смелые, мужественные люди, разыскивали штабы стрелковых полков, приданные и поддерживающие части, чтобы своевременно доставить корреспонденцию и боевые документы. ПСД имел мотоцикл с коляской, одну автомашину, две верховые лошади. Зимой — лыжи. Вводом подвижных средств связи (ПСС) командовал лейтенант Лоскутов А. А. Первым его помощником был сержант Дедюхин И. Т., который впоследствии переучился на радиста и обеспечивал радиосвязью дивизионную роту разведки.

Илларион Терентьевич Дедюхин, смелый, отважный сержант, в 1942 году под Малиновкой на Волховском фронте участвовал в боях в составе лыжного полка, который с группой в 17 человек был заброшен в тыл к немцам. Оборванные, обмороженные, еле держась на ногах, обессиленные голодом, они прорвались через линию фронта и вышли к своим частям. В составе 311-й стрелковой дивизии Илларион Дедюхин прошел всю войну, а сейчас живет и трудится в г. Котельники Кировской области.

Офицерами связи направлялись от штаба дивизии капитан Колесников, майор Стесель. Были случаи, когда в качестве офицеров штаба выезжали в части начальники служб: начальник оперативного отдела Неретин А. В., начальник разведки Шуляковский Е. Г., дивизионный инженер Ваганов Н. М. и другие.

Всю войну от начала и до конца выполняли обязанности связных на ПСД бывшие буденновцы рядовые Никифоров Е. В. и

Денисов М. П. Егор Васильевич Никифоров после войны вернулся на свою родину, Старую Руссу Новгородской области. При разборке бункера он подорвался на mine, лишился рук, а через год после этого случая умер.

С честью и достоинством выполнял обязанности экспедитора младший сержант Родионов В. Ф. За отвагу и мужество он награжден орденом Красной Звезды и медалями. В настоящее время Владимир Федорович живет в Москве, работает в строительном управлении ведущим инженером.

В начале февраля 1944 года противник оказал упорное сопротивление под Старым и Новым Медведем Новгородской области. Однако атаки двух наших полков, 1067-го и 1069-го, они не выдержали и отступили к Уторгашу. Как правило, после каждого проведенного боя, когда позволяла обстановка, командир дивизии делал краткий разбор боевых действий частей дивизии. На этом разборе он высоко оценил работу связистов, которые сумели обеспечить дивизию бесперебойной устойчивой связью. Многие офицеры, сержанты и солдаты были представлены к наградам. Среди них телефонистки Полянина, Гринько, Горяинова, сержанты Литовченко, Ломакин, рядовые Бирюков, Щепин, лейтенант Козлов М. П., Огарельцев.

Появилась новая форма боя — преследование противника в предвидении встречного боя. С передовыми отрядами, в составе которых были саперы, пехота, артиллерия и в некоторых случаях танки, требовалось обеспечить радиосвязь в движении. Обстановка требовала от связистов перестройки организации связи. Мы создали небольшой передовой узел связи: в спецбудке автомашины установили коммутатор на 10 номеров, запас телефонного кабеля на 25 км, телефонные аппараты и две радиостанции типа РБМ. Одна из них была на контроле штабной сети, а вторая — в сети командира дивизии для поддержания порядка, во избежание открытых передач или для оказания помощи вызывающим радиостанциям. В спецбудке, кроме имущества связи, размещался взвод с телефонистками, линейщиками и радистами. Опытный водитель Козлов старался не отставать от машины комдива. В кузов радиостанции РСБ-Ф, которая поддерживала радиосвязь с корпусом, а иногда работала в радиосети армии, мы посадили дивизионного шифровальщика. При получении шифрограммы в движении она расшифровывалась и вручалась начальнику штаба дивизии. Воздушная опасность передавалась по всем радиосетям сигналом „Воздух!“.

С тылами дивизии связь поддерживалась по отдельному радионаправлению. Были случаи, когда расстояние от КП дивизии до тылов доходило до 100 км.

Естественно, радиостанции РБМ такое расстояние не перекрывали, и тогда на помощь приходила радиостанция РСБ-Ф. С завязкой боя с НП командира дивизии устанавливалась проводная связь с НП командиров полков, со штабом дивизии, соседями. Когда бой принимал затяжной характер, проводную связь устанавливали и с тылами. Начальник направления связи передвигался от корпуса на своей машине со средствами связи за нашим подвижным узлом связи и быстро обеспечивал проводную связь от НП дивизии на КП штаба корпуса.

Так получилось в бою за город Уторгош. Наши части встретили сильное огневое сопротивление противника — это был очередной рубеж фашистов: чтобы привести в порядок свои потрепанные части, им надо было задержать наши войска. Мы быстро, в течение 2 часов, развернули на этом рубеже проводную связь. Командир дивизии получил возможность со всеми полками разговаривать по телефону. Отлично работала и радиосвязь. Для уточнения на местности действий своих батальонов и поведения противника командиры полков со своими штабами вышли на передний край, но без средств связи, и в течение нескольких часов командир дивизии не мог с ними связаться. Пришлось издать строгий приказ, чтобы командиры и начальники штабов без радиостанций не выходили в подчиненные подразделения, а радистов в категорической форме предупредили, чтобы они всегда находились рядом со своими командирами.

Стоял яркий, солнечный февральский день. Приближался праздник — День Красной Армии и Военно-Морского Флота. Настроение было приподнятое. Наступательный порыв среди личного состава дивизии возрастал. Наступление началось с артиллерийской подготовки. После переноса огня артиллерии в глубину командир дивизии по телефону подал команду командирам полков двигаться вперед. Так как в докладах об обстановке ничего хорошего не сообщалось, командир дивизии полковник Владимиров не выдержал и лично пошел на КП командира 1067-го стрелкового полка подполковника Игуменова. Узнав, что командир дивизии находится в боевых порядках полка, солдаты и офицеры дружной атакой завязали бой на окраине села за Уторгошем. Через шесть часов боя дивизия перешла к преследованию противника.

Хорошая традиция выросла в нашей дивизии с точки зрения управления боем. Хорошо использовались не только технические средства связи, но и широко применялось совмещение командных пунктов артиллерии и КП пехотных командиров. В бою под Уторгошем, например, когда радиостанция командира полка с радистами была выведена из строя, он воспользовался

радиостанцией командира артиллерийского дивизиона, и связь с командиром дивизии не была потеряна.

Командующий артиллерией дивизии полковник Мазолев всегда находился со своими средствами связи на одном НП с командиром дивизии, таким образом, артиллерийские средства связи широко использовались нами как обходные каналы связи». *(Сизов. 21 февраля 1972 года.)*

В середине марта дивизия временно переходит к обороне в 15 км южнее города Пскова. В Пскове и Острове противник заблаговременно прочно укрепился. Под Псковом фашисты не раз вели разведку боем, иногда силой до батальона 212-й пехотной дивизии, нашей старой знакомой по прошедшим боям. Атаки противника отбивались нашими частями с большими потерями для гитлеровцев, но и нам, конечно, попадало.

В одном из боев действия полков и батальонов поддерживал своим огнем 855-й артполк дивизии. Свой минометный огонь противник сосредоточил на нашей пехоте, а артиллерией навалился на артполк, которым командовал полковник Шевчук. Больше всего от огня противника страдала проводная связь НП полка с батареями. Поминутно она прорывалась, поэтому связистам артполка приходилось все время искать разрывы и соединять их. Этим делом занимались сержант Ляпсакин, младший сержант Чураков, ефрейторы Кочетков и Тиунов. На командном пункте штаба артполка дежурили у аппаратов ЦТС связисты ефрейторы Женя Кузьминых и Люся Жарова, миловидная 18-летняя девушка. Когда проводная связь полка оборвалась с одной из батарей, командир взвода ст. лейтенант Лачко приказал Чуракову и Жаровой идти на исправление связи. Под огнем артиллерии противника, прижимаясь к земле, они поползли. Недалеко от командного пункта они обнаружили обрыв, связали его, подключились аппаратом — в линии тишина. Стали искать новый обрыв, нашли несколько обрывов, связали, подключились — есть связь! Повернули обратно и, уже приближаясь к НП, решили еще раз подключить аппарат, чтобы проверить, работает ли он. Снова молчание. Пришлось возвращаться, а кругом рвутся снаряды. Проползли немного и увидели обрыв. Люся взяла в руку оборванный конец, а Чураков отполз дальше искать другой конец. Наконец, он его нашел, и в этот момент совсем рядом разорвался снаряд и Люсю полоснуло в живот и бок. Она потеряла сознание, ее перевязали и отправили в госпиталь. Только там она пришла в себя. Врачам пришлось долго штопать раны этой девушки, которой на вид давали не больше 15 лет. После выздоровления Люся возвратилась в свой родной

артполк. Встретили ее восторженно и офицеры, и солдаты. Перед строем Люсе Жаровой была вручена ее первая медаль — «За отвагу».

Наша 311-я стрелковая дивизия тоже не давала покоя противнику. В конце марта, для того чтобы вскрыть систему обороны врага, наша дивизия двумя батальонами 1067-го и 1071-го стрелковых полков дала бой немцам у деревни Орлуха с форсированием реки Многа. 2-й батальон 1067-го стрелкового полка капитана Евтушенко овладел деревней Орлуха и прочно закрепился на западном берегу реки, а 2-й батальон 1071-го полка капитана Слесаря овладел лесом северо-восточнее опытной станции Стремутка. В этих боях противник потерял более ста солдат и офицеров.

В последние дни марта дивизия сдала свой участок соединениям 98-го и 100-го стрелковых корпусов и вышла в составе 99-го стрелкового корпуса в район Лужки в резерв Ленинградского фронта. Здесь, в Лужках, дивизия пополнилась людьми.

В середине апреля 1944 года дивизия вошла в состав 7-го стрелкового корпуса 54-й армии генерал-лейтенанта Анисимова, очень деятельного, смелого и знающего командира. Пожалуй, такого требовательного командира корпуса не только к подчиненным, но и в равной степени к себе, я не встречал за все время войны. Мне нравилось в нем то, что ни нам, командирам дивизий, ни себе он не делал никаких скидок на трудности и опасности. Всю работу по подготовке к бою, рекогносцировки местности и противника он проводил, строго придерживаясь рекомендаций нашего полевого устава и требований обстановки. Не было никаких послаблений и отступлений. Казалось, никакие трудности его не смущали. Во время рекогносцировки, когда противник, обнаружив нашу довольно большую группу, открывал плотный артминогонь, Анисимов как ни в чем не бывало пережидал разрывы снарядов, заглушающие его слова, а после артналета спокойно продолжал рекогносцировку, не комкая последовательности работы и не меняя принятого плана. Во время разведки противника вся наша группа командиров соединений и поддерживающих артчастей, примеряясь к местности, выходила на самый передний край нашей обороны, лишенный естественной маскировки. Иначе говоря, все делалось так, как полагается. Генерал Анисимов был настоящим солдатом с большим чувством ответственности и долга.

Разные встречались командиры корпусов. Вроде нормальные, хорошие люди, но когда дело доходило до риска и опасности, допускали послабления. Были и такие, которые боевые задачи

ставили на карте у себя в блиндаже, и этим ограничивалась их работа по управлению войсками. Одни были смелыми и мужественными людьми, другие — осторожными. Не зря говорили в прошлом:

«На войне, где трудностей так много, люди всегда бывают склонны снимать с себя все тяготы, которые не рисуются им безусловно необходимыми»^[14]. Слабые духом всегда находят для этого причины.

Шел апрель, время весенней распутицы, очень тяжелый месяц для боевых действий войск. Части нашей армии, прорвав оборону противника на рубеже Бабино-Еремино, вклинились в нее в районе разъезда Станки. Перед частями дивизии стояла задача расширения и углубления прорыва. Наша дивизия по приказу командира 7-го стрелкового корпуса 11 апреля выступила маршем к району предстоящих боевых действий — разъезду Станки.

Марш этот проходил очень трудно. В условиях полного бездорожья дивизия двигалась более сорока километров. Десятки тысяч ног, колес и гусениц впереди прошедших частей круто замесили кисель из засасывающей грязи, которую мы месили на протяжении нескольких десятков километров. Транспорт и арттягачи вязли по самые трубы в разливном желто-сером море. В грязи то тут, то там лежали трупы лошадей, которые не выдержали трудностей марша. На дорогах создавались и угрожали нашему движению «пробки». Колонны войск в несколько рядов и протяженностью в несколько километров стояли, как прикованные к земле, без движения, в мертвом оцепенении. Хорошо, что в это время не летали самолеты противника: густая облачность не давала возможность поднимать авиацию.

Когда говорят о войне, чаще всего вспоминают бои, потому что бой — это итог всей предшествующей деятельности войск, где нервное напряжение настолько велико, что ни о сне, ни об усталости даже не думаешь, зато потом валишься с ног. Но половина времени — это всякого рода передвижения, которые бывали настолько тяжелыми и выматывающими, что лишали бойцов последних сил. И тогда не знаешь, где легче, в бою или на марше, где от усталости так клонит ко сну, что достаточно остановить колонну на пару минут, как бойцы мгновенно засыпают стоя, с оружием в руках. Приходилось будить их, чтобы продолжать путь.

Дивизия в Белорусской операции

Бои в Прибалтике

Июнь — декабрь 1944 года

26 июня 1944 года дивизия сдала оборонительный рубеж 364-й стрелковой дивизии и маршем направилась на ст. Подсевье для погрузки в железнодорожные эшелоны. Разгрузились эшелоны с частями дивизии на станции Аленда и, не задерживаясь, были направлены через деревню Шумилино на Полоцк. Дивизия в составе 14-го стрелкового корпуса, которым командовал молодой энергичный генерал Артюшенко, вошла в резерв 1-го Прибалтийского фронта, возглавляемого генералом армии И. Х. Баграмяном.

Сначала наш корпус вошел в состав 43-й армии генерала Белобородова, а на следующий день, находясь в 30 км восточнее Полоцка, был передан 4-й ударной армии, командовал которой генерал П. Ф. Малышев.

Следует отметить, что 1-й Прибалтийский фронт силами 4-й ударной и частью сил 6-й гвардейской армий наступал на Полоцк. Овладение этим важным узлом вражеской обороны позволяло советским войскам продвигаться вдоль Западной Двины на Даугавпилс.

Стремясь удержать Полоцк, немецкое командование спешно подтягивало свежие части и соединения. Преодолевая упорное сопротивление врага, советские войска обошли Полоцк с севера и юга и 30 июня завязали бои на подступах к городу. К утру 4 июля Полоцк был освобожден. При подходе к Полоцку командир 855-го артиллерийского полка полковник И. Е. Шевчук и начальник штаба этого же полка В. И. Колпаков подорвались на противотанковой мине. Шевчук потерял ногу, а Колпаков и ногу, и руку. Мы лишились хорошо подготовленных артиллеристов, с которыми прошли бок о бок большой путь войны.

В настоящее время И. Е. Шевчук живет в Могилев-Подольском районе и работает председателем в селе Боровка. В. И. Колпаков не только сумел выжить, он нашел в себе силы получить высшее образование. Живет и работает в Омске. Помогла ему в этой великой победе над собой медицинская сестра нашего медсанбата Юлия Ивановна, выхोдившая его. Они поженились. У них две дочери и сын.

Незадолго до этого несчастного случая из дивизии убыл командующий артиллерией полковник Мазолев. Он получил новую должность — заместителя командующего артиллерией 54-й армии. Проработав долгое время вместе, нам не хотелось

расставаться. За время тяжелых боев мы успели хорошо сработаться. Мазолев был знающим артиллеристом, добросовестным офицером, но с одним довольно большим недостатком, в котором он сам признавался, — был слишком мягок, не умел настоять на своем, не доставало ему требовательности к подчиненным. Там, где надо было «нажать» на артиллеристов, за него это делал я. Уходил Мазолев на повышение, на более спокойное место, поэтому я не возражал и дал согласие на его перевод. На новой работе он почему-то пробыл недолго: после окончания войны он опять стал командующим артиллерией дивизии.

На место Мазолева прибыл полковник Н. П. Кляпин с должности командира тяжелого артиллерийского полка. Прибыл он не один, а с женой, Лидией Алексеевной, медработником, и маленьким сыном. О Кляпине я расскажу позже.

Дивизия на марше без боев прошла Полоцк, уже освобожденный войсками 4-й ударной армии, и подошла к реке Дрисса, где в составе 4-й ударной армии была переподчинена 2-му Прибалтийскому фронту.

Марш был тяжелым. За сутки дивизия проходила по 40–50 км. Тылы отставали из-за трудностей по доставке горючего: отступая, противник взрывал мосты и разрушал дороги. На ходу приходилось заниматься их ремонтом.

9 и 10 июля дивизия сосредоточилась на восточном берегу реки Дрисса. Нашими частями был захвачен небольшой плацдарм на ее западном берегу.

В ночь на 11 июля дивизия форсировала реку и заняла на ее западном берегу исходное положение для наступления. Впереди у противника находились заранее подготовленные опорные пункты: Горовцы, Луговеры, Цвененцы и Середяки. Отступая под ударами частей нашей армии, гитлеровцы задерживались на заранее подготовленных промежуточных рубежах обороны. Одним из таких рубежей был названный выше рубеж. Перед передним краем противника был вырыт противотанковый ров. Оборона состояла из сплошных траншей, ДЗОТов и блиндажей. Перед передним краем проходил проволочный забор в три кола, усиленный спиралью Бруно. Были установлены минные поля. В глубине обороны — орудия прямой наводки. Основную дорогу контролировали четыре орудия «фердинанд». Оборону занимали 31-й пехотный полк 24-й пехотной дивизии и части 205-й и 59-й пехотных дивизий. Пехоту противника поддерживала мощная артиллерийско-минометная группа.

Нашей дивизии предстояло прорвать сильно укрепленную оборону противника, насыщенную большим количеством огневых

средств и развитыми препятствиями.

После огневого налета всей артиллерии дивизии 1069-й и 1071-й стрелковые полки начали решительную атаку вражеской укрепленной позиции. Основной удар был направлен на Луговицы, Климовщину и Кушелево.

Несмотря на сильное огневое сопротивление противника и ряд его контратак при поддержке танков и самоходных орудий «фердинанд», дивизия овладела первыми траншеями гитлеровцев и нанесла им значительный урон в живой силе и технике. В результате предпринятой нами решительной атаки была прорвана основная оборона противника. Его контратаки с танками из направления Климовщина успеха не имели.

Разбитые части 24-й немецкой пехотной дивизии начали постепенное отступление в северо-западном направлении вдоль железной дороги Полоцк — Двинск. Преследуя отходящего противника, уничтожая или захватывая его небольшие группы, дивизия освободила 28 населенных пунктов, а затем с ходу форсировала реку Свольна и перехватила шоссе Дрисса — Калиновичи. Наступление и преследование противника затруднялось тем, что немцы спецкомандами взрывали мосты и разрушали дороги. Обходными маневрами дивизия не давала неприятелю возможности закрепиться на промежуточных рубежах, неотступно преследуя его на широком фронте.

«Невзирая на трудности, надо преследовать неприятеля денно и ночью, до тех пор, пока истреблен не будет»^[15]. 2-й строительный батальон 1069-го стрелкового полка захватил тридцать одного власовца с оружием. Наши бойцы тут же расправились с ними. В течение только одного дня части дивизии освободили более 30 населенных пунктов, взяли около сотни пленных и форсировали реку Ужица в районе Шабель, Бызово и Корзуни. Особо отличился 1069-й стрелковый полк под командованием подполковника Путивца. За отличные действия всему личному составу полка была объявлена благодарность.

В последующие дни, 14–17 июля, развернулись упорные и напряженные бои в районе Междуречья (рр. Ужица и Сарьянка), севернее города Дрисса. Используя заблаговременно подготовленный оборонительный рубеж — Васильки, Поляны, Зальмы, Шуньки, противник силами 290-й пехотной дивизии ожесточенно сопротивлялся. Особенно упорные бои шли за деревню Шуньки, которая неоднократно переходила из рук в руки. Пытаясь любой ценой задержать наступление дивизии, немцы предпринимали до четырех атак в день силой до батальона с танками «тигр» и самоходными орудиями.

Немцы часто прибегали к приемам, которые кроме как

изуверскими назвать нельзя. Так, например, в районе Чистополье они выгнали местных жителей — женщин, стариков, детей — в поле и поставили их впереди контратакующей цепи. Бойцы подразделения 1071-го полка пропустили их вперед, а затем мощным огнем станковых пулеметов обрушились на врага, заставив его метаться в огненном мешке, а тех, кто пытался убежать, накрывали залпом артогня. Противник понес большие потери и отступил.

В другом бою гитлеровцы, переодев власовцев в гражданскую одежду, направили их к наступающим подразделениям 1069-го полка. При приближении к нашим позициям власовцы кричали: «Не стреляйте! Свои! Немцы дальше!» Эта уловка была вовремя разгадана и отражена огнем пехоты.

Для поддержки пехоты дивизия получила полк самоходных орудий. Я решил использовать их как танки и атаковать противника совместно с пехотой в деревне Шуньки. Не выдержав нашей атаки, противник оставил деревню и начал отходить к реке Сарьянка. Возможно, с перепугу он принял самоходки за танки.

Освободив деревню Шуньки, дивизия на плечах противника форсировала реку Сарьянку и, сбив противника с западного берега, стремительно преследовала его к границам Латвии. За сутки было освобождено более 30 населенных пунктов.

Мои действия были обжалованы командиром самоходного полка, и я, за неправильное использование самоходок, получил выговор от командующего 4-й ударной армией генерал-лейтенанта П. Ф. Малышева, первый и последний за всю войну.

Хотя использование самоходок как танков в принципе неправильно, в данном случае это было оправданно: противник оставил деревню, мы форсировали реку и вышли к границе Латвии. Потери самоходок были очень небольшими.

Позже, в разговоре с Малышевым, я упомянул о полученном выговоре, но он ответил, что не помнит такого. Больше я эту тему не поднимал. Я уважал командующего и как хорошего командира, и как порядочного человека. С ним дивизия прошла с боями всю Латвию и часть Литвы, и желать лучшего в наших отношениях не приходилось. Уже после войны мы встречались с ним очень сердечно как однополчане. Год назад его не стало.

Успешные действия по форсированию реки Сарьянки во многом связаны с героическим трудом саперов 595-го саперного полка нашей дивизии, которым командовал капитан Матвеев, замечательный, талантливый командир. Под сильным артиллерийским огнем противника они быстро построили переправы через реку. До конца войны я не мог не восхищаться работой наших саперов и их командира.

18 июля в районе населенного пункта Матейки дивизия пересекла границу Латвии. Здесь, на латышской земле, мы встретились с командиром соседней 378-й дивизии генералом А. Р. Беловым, нашим старым знакомым по Волховскому фронту. Это был радостный момент.

За период боев с 11 по 18 июля 1944 года на территории Витебской области дивизия нанесла большие потери 24, 205, 56 и 290-й немецким пехотным дивизиям, особенно крепко досталось 290-й. Много было захвачено пленных и боевых трофеев. За этот период было освобождено 100 населенных пунктов Витебской области. Своими боевыми действиями в северо-западных районах Витебщины дивизия способствовала успешным действиям войск 1-го Прибалтийского фронта на левом берегу реки Западная Двина.

Писать о количестве пленных и трофеев, на мой взгляд, не имеет смысла, так как они не всегда правдивы, а зачастую преувеличены. Порой одни и те же трофеи показывали в донесениях несколько полков.

Я вел боевой дневник каждый день всю войну, с первого и до последнего ее дня. Писал очень коротко, только о главном. Я видел в донесениях полков большие преувеличения в цифрах. Так, например, если было подбито несколько танков на смежном участке двух полков, то каждый полк приписывал эти танки себе. Это не ново. Из истории известно, что, когда отправлялось боевое донесение царю, штабные офицеры, писавшие его, спрашивали у Суворова, сколько показывать убитых и пленных. Он отвечал: «Пиши их больше, чего жалеть басурманов».

А сейчас хочу рассказать о командующем артиллерией дивизии Николае Петровиче Кляпине. Прибыл он в нашу дивизию 6 июня 1944 года, в день, когда пришло известие об открытии долгожданного второго фронта. До этого он командовал артполком большой мощности. Прибыв в дивизию на повышение в должности, он, однако, не знал ни тактики стрелковой дивизии, ни организации и вооружения, ни ее частей и подразделений. Для обеспечения боев нужно хорошо знать состав всех сил полков и батальонов, и в особенности их артиллерию. В дивизии каждый полк и батальон имеют свою артиллерию, кроме артполка и отдельных дивизионов, которые непосредственно входят в состав дивизии как самостоятельные части.

В июле бои шли напряженные. Мазолев, бывший командующий артиллерией дивизии, не успел ознакомить Кляпина с его прямыми обязанностями, так как был в тот же день отозван в штаб артиллерии армии. Каждый день мы вели наступательные бои, и требовалась четкая работа артиллерии.

Кляпин бегал, суетился, делал все, что знал и умел и что было в его силах, но добиться настоящего артиллерийского обеспечения боя частей дивизии ему не удавалось. Ситуацию осложняло еще и то, что он не знал хорошо офицеров своего штаба, не знал, кому и что можно поручить и на кого можно опереться, по крайней мере первое время. Не знал он и командиров частей дивизии. В общем, действовать ему приходилось как в густом тумане, не видя ни одной точки опоры. Офицеры же штаба, воспитанные Мазолевым, практически не проявляли инициативы и никак не помогали своему новому командиру.

У меня и начальника штаба дивизии Новикова было столько своих забот по организации боя, что руки не доходили вникнуть в проблемы, стоящие перед Николаем Петровичем Кляпиным. Несмотря на все его старания, артиллерийское обеспечение боев сильно хромало. Каждый бой, а они были больше маневровые, требовал своей организации артобеспечения и строгого контроля работы подчиненных. Я нервничал, сердился, ругал Кляпина за то, что он никак не наладит артобеспечение, хотя работал круглые сутки. Николай Петрович не оправдывался и не объяснял причину своих неудач.

Как-то вечером, после дневного боя, возвращался я с передового наблюдательного пункта к себе на командный пункт, чтобы подписать очередные наградные листы на отличившихся в бою. Это дело требовало срочности: представленные к наградам раненые могли покинуть санбат.

На дороге у самого КП меня поджидала жена Кляпина Лидия Алексеевна:

— Борис Александрович, мне надо с вами поговорить.

Я остановился.

— Не ругайте, пожалуйста, Кляпина, — сказала она. — Ему сейчас и так тяжело, что он не справляется со своими обязанностями. Дайте ему немного времени освоиться с незнакомым делом, и, я больше чем уверена, вы будете довольны им.

Эта женщина открыла мне глаза на то, о чем я даже не догадывался. Мне стало невыносимо стыдно, что я не понял этого раньше. Я обещал, что буду помогать.

На следующий день, когда Кляпин был на позициях артполка, я вызвал офицеров, находящихся недалеко от штаба и пристыдил их за бездействие. Только после этого они начали активно помогать Кляпину в организации артобеспечения боя.

Лидия Алексеевна оказалась права: я не мог нахвалиться ее мужем. Все делалось как надо, и боевые дела у нас пошли

намного лучше. Но 27 октября 1944 года Кляпин попал в госпиталь из-за тяжелого ранения. Нам всем было очень тяжело расставаться с ним. Могу с полной ответственностью заявить, что ни до Кляпина, ни после него такого замечательного командующего артиллерией у нас в дивизии не было.

Разбитые части 290-й пехотной дивизии противника отходили под давлением частей нашего 14-го корпуса в направлении городов Краслава и Двинск. Учитывая важность этого рубежа, немцы на подступах к Даугавпилсу (Двинску) оборонялись с упорством обреченных. Освободив более сорока населенных пунктов на территории Латвии, части 311-й дивизии, во взаимодействии с дивизиями 14-го корпуса и частями 5-го танкового корпуса, вели напряженные бои в районе Гинтавы, Козенцы, Кусина. Яростно сопротивляясь, противник постоянно бросался в контратаки. Бои шли круглосуточно.

21 июля подразделения 1067-го стрелкового полка овладели Лесничеством. Развивая успех этого полка, дивизия потеснила противника на всей своей полосе. В тот же день 1071-й стрелковый полк под командованием полковника В. П. Степанова ночной атакой овладел городом Краслава. После этих боев дивизия была выведена во второй эшелон 14-го стрелкового корпуса, продолжая продвигаться за соединениями первого эшелона корпуса в направлении на Даугавпилс.

Помню такой случай. На рассвете дивизия вышла по указанному ей маршруту. Двигаясь с одним из полков, я увидел, что в стороне от дороги на поляне сидит командующий 4-й ударной армией генерал П. Ф. Малышев. Увидев его, мы с полковником Хирным, моим заместителем по политчасти, направились к нему доложить, что части дивизии двигаются в соответствии с его приказом. Выслушав доклад, он любезно пригласил меня сесть на попону, разостланную на траве, а Хирному сказал:

— Вы идите с дивизией, комдив вас догонит.

Когда Хирный ушел, Малышев спросил, завтракал ли я, и, не дожидаясь ответа, зная, очевидно, что еще не ел, приказал адъютанту принести нам завтрак, который был разложен на белоснежной салфетке поверх попоны. Налив по бокалу вина, мы с удовольствием выпили и закусили. Поблагодарив за угощение, я попросил разрешения идти, чтобы не отстать от частей дивизии. Малышев отпустил меня, пожелав успеха в предстоящих боях за Даугавпилс. Отношение командующего армией к нам, не скрою, было мне приятно. Оно говорило о том, что он был доволен боевыми успехами дивизии и тем, что ее части двигались строго по графику.

После двухдневного пребывания во втором эшелоне корпуса 24 июля 1944 года дивизия вошла в состав его первого эшелона и вновь вступила в бой. Начались серьезные бои на ближних подступах к Даугавпилсу на рубеже Застенки, Погулянка, Арини, Кудрайне. Силами 290-й и 87-й пехотных дивизий, очевидно пополненных людьми и усиленных значительным количеством танков и самоходных орудий, немцы заняли оборону по линиям железных и шоссейных дорог. Бои за город и крепость Даугавпилс проходили с 24 по 27 июля. Противник держался стойко, его авиация непрерывно бомбила наши боевые порядки, стремясь ослабить решительность и нажим наших войск. Но мы были уже не те, с кем они воевали в 1941–1942 годах. То время кануло в вечность. Наши бойцы теперь были гораздо активнее, умели маневрировать и знали все сильные и слабые стороны врага. Они сознавали, что с каждым днем наша армия набирается сил, а у гитлеровцев силы идут на убыль и физически, и морально.

Немцы считали Даугавпилс воротами на пути к столице Латвии — Риге. Этот город действительно являлся крупным узлом коммуникаций и сильнейшим опорным пунктом немецкой обороны на Западной Двине. Здесь скрещивались железные дороги (Рига — Орел, Ленинград — Вильнюс), здесь находилась и паромная пристань на реке Даугава (Западная Двина).

Географическое расположение города на крупной реке было особенно выгодно для тех, кто здесь оборонялся. Немцы прекрасно понимали это и создали вокруг города сильнейшую оборону из сплошных траншей с многочисленными проволочными заграждениями и минными полями. Здесь же они сосредоточили большое количество пехоты, танков и артиллерии.

Для решения задачи, с учетом всех названных обстоятельств, с нашей стороны были подготовлены крупные силы пехоты, артиллерии и танков. 311-я дивизия была тоже в числе этих сил, и ей предстояло действовать в направлении главного удара.

С 24 июля завязались ожесточенные бои за Двинск. Части нашей дивизии во взаимодействии с соединениями 14-го стрелкового корпуса (378-й стрелковой дивизией генерала А. Р. Белова, 239-й стрелковой дивизией полковника Введенского и с 83-м стрелковым корпусом генерала Н. Г. Солдатова) методически взламывали оборону противника на участке Застенки — Кудрайне, вынудив его отойти в город. Всю ночь мы вели упорные бои на окраине Двинска. Наконец, сопротивление врага было сломлено, и части дивизии совместно с другими частями нашего корпуса ворвались в город, захватив штурмом несколько опорных пунктов. Рано утром 27 июля дивизия первой вступила в центр города. Надо сказать, что освобождению города

способствовало еще и то, что западнее Двинска вышли другие соединения 4-й ударной армии, грозя противнику окружением.

В числе первых 27 июля освободил северо-западную часть города — Старый Форштадт — 1067-й стрелковый полк под командованием Владимира Дмитриевича Титова. В коротких уличных схватках дивизия уничтожила группы сопротивления противника, и к 8 часам город был очищен от противника. Над Даугавпилсом взвилось Красное Знамя победы. В городе было захвачено большое количество трофеев и пленных.

Как только передовые части вошли в город, позвонил генерал Малышев. Он приказал немедленно лично проверить, цел ли железнодорожный мост через Западную Двину, и немедленно организовать охрану моста. Не медля ни минуты и взяв с собой солдата и шифровальщика, мы отправились в путь на двух легковых машинах и «додже $\frac{3}{4}$ ». Чтобы не заблудиться в только что освобожденном городе и как можно быстрее выполнить приказ командующего, мы остановились на окраине у первого небольшого домика. Адъютант постучал в дом. Дверь открыл молодой мужчина, латыш, и на мой вопрос ответил с готовностью, что дорогу к мосту знает и может нас проводить. Он сел на капот «виллиса», и мы поехали по его указке. Чтобы попасть к железнодорожному мосту, надо было проехать часть города и большую старую крепость. Мы так и сделали, проехали несколько ворот и оказались в крепости. Я вышел из машины на берег Западной Двины у железнодорожного моста и вижу, что мост подорван в самом центре. Гитлеровцы, чтобы затруднить ремонт (восстановление) моста, загнали железнодорожный состав на мост и подорвали его. Глядя в бинокль на другой берег, я увидел недалеко от берега траншеи, а в них — немцев. Не успел я все как следует рассмотреть на том берегу, как внезапно затрещали автоматы и над головой засвистели пули. Мы легли и изготовились к стрельбе, но прежде начали наблюдать, откуда стреляют. Потом стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась. Прошло немного времени, и мы увидели начальника штаба 1071-го полка майора К. А. Юркина, входящего в крепость с группой разведчиков. Оказалось, его выслал мне вдогонку, как охрану, начальник штаба дивизии полковник Т. Я. Новиков, на случай, если в крепости окажутся немцы. До нас здесь никаких наших частей не было. После этого я связался по радиации с командующим армией Малышевым и доложил ему, что мост подорван и на левом берегу обороняется противник. Я получил приказание дать отдых бойцам, а затем продолжить движение на запад в направлении населенного пункта Ливаны. Я тут же связался с Т. Я. Новиковым и приказал ему быстро выводить

части дивизии из города, чтобы не попасть под бомбежку, а затем за городом в лесу найти место для отдыха бойцов часа на три. Только успел я переговорить по рации с Новиковым, как в крепость прибыл командир 14-го строительного корпуса генерал П. А. Артюшенко, чтобы поздравить меня с большим успехом. Я предложил ему позавтракать. Мы устроились в одном из казематов крепости. Повар Василий Иванович Баленков быстро приготовил яичницу и подал ее нам с вином. Поели мы с большим аппетитом, тем более что я со вчерашнего дня ничего не ел и сильно проголодался. После завтрака мы выпили по стакану крепко заваренного чая. Пожелав мне дальнейших успехов, Артюшенко уехал к себе.

Прошло не больше часа, как дивизия выступила в направлении Ливаны в лес на большой привал для обеда и отдыха. После того как вся моя команда подзаправилась, мы тронулись в путь в дивизию. Поехали мы на трех машинах: на «виллисе» ехал я, адъютант и радист с радиостанцией, на «эмке» — шифровальщик и охрана, а на «додже s» — В. И. Баленков и несколько солдат.

Адъютантом у меня был лейтенант Иванов. Ему уже было под сорок лет, но взял я его к себе как прекрасного наблюдателя, очень спокойного по характеру человека и, что очень важно, не пьющего. До него на этой должности был капитан А. А. Семирадский, молодой парень, с законченным средним образованием. Ранее он командовал стрелковой ротой и показал себя смелым и умным командиром. Семирадский был мне очень симпатичен, я относился к нему, как к сыну. Но настало время, и его потянуло в строй. Отказать в его настойчивых и справедливых просьбах я не мог. Он был направлен в 1071-й стрелковый полк, где командир полка очень скоро выдвинул его, как боевого и грамотного в военном отношении офицера, на должность командира стрелкового батальона. С этой должностью он справлялся отлично. Я не терял с ним связи, мы часто общались.

После Семирадского отдел кадров подобрал на должность адъютанта старшего лейтенанта Иванова как хорошего боевого командира. Нервы у Иванова действительно были железными. Но больше всего меня восхищало его орлиное зрение. На большом расстоянии он мог видеть то, что недоступно было обычному, даже вооруженному глазу. Ни свист пуль и снарядов над головой и никакие другие опасности не могли ни на секунду отвлечь его внимание от наблюдения за противником. Он был наблюдателем от бога.

Мы расселись по машинам и тронулись к выходу из крепости. Я дал Иванову карту, показал, по какой дороге мы должны ехать

и где должны увидеть дивизию.

— Смотрите в оба, не прозевайте, а я подремлю несколько минут, — сказал я своему адъютанту.

Спать в машине я не умел, но на этот раз после огромного нервного напряжения, двух бессонных суток, да еще сытного завтрака меня разморило, и, прислонившись плечом к дверце переднего сиденья, я сразу же задремал.

Не знаю почему, но через некоторое время я вдруг очнулся и глянул на Иванова, сидевшего за мной. Он спал крепким сном. Я спросил у шофера, сколько времени мы едем и сколько километров проехали.

— Не более сорока, — спокойно ответил шофер. Наш разговор разбудил адъютанта. В эту минуту я был, как никогда, зол на него. Мне не хотелось не только ругать, даже видеть его.

Тут недалеко от дороги показались домики, очевидно небольшой поселок. У одного из домов стояла женщина и с удивлением смотрела на нас и наши машины. Я приказал шоферу остановиться. Мы подошли к женщине и спросили, не проходили ли здесь русские войска.

— Нет, нет, нет, — с волнением ответила нам женщина, — здесь немцы. В нашем доме два человека, а вот там дальше — четыре, а там — два, — продолжала она перечислять немецкий контингент.

Я ее уже не слушал. Надо было уносить ноги, и как можно быстрее. «Мы заехали в тыл к немцам», — пронеслось в голове. Я дал знак шоферам разворачивать машины на 180 градусов.

— Ничего, — сказал я женщине, — скоро здесь будут русские.

— Дай бог, дай бог, дай бог, — скороговоркой ответила она.

Машины быстро развернулись, все сели и рванули в обратном направлении. Не успели мы отъехать и 50 шагов от дома, у которого останавливались, как из него по нам начали стрелять из пулеметов. Я посмотрел назад и увидел, что шофер Г. С. Якошин никак не может завести почему-то заглохший мотор. Недолго думая, мы с Ивановым соскочили с машины и с автоматами в руках залегли в придорожном кювете (автоматы всегда находились с нами в машинах). Увидев, что машина Якошина завелась, а сам он машет нам, чтоб трогались, мы быстро сели в машину и поехали. Гитлеровцы в основном стреляли по нашей машине, передней. Около десятка пуль попало в «виллис». Наш шофер был ранен в лоб (пуля прошла по касательной), обильно потекла кровь. Увидев кровь, водитель сразу сник и, обращаясь ко мне, сказал:

— Я ранен....

— Не ранен, а поцарапан, — сказал я строго. — Гони всюю!

После моего окрика шофер приободрился и с предельной скоростью погнал машину, благо дорога была асфальтированной.

— Хорошо, что немцам не удалось нас захватить, а то тогда бы они нам не только лбы поцарапали, но и головы отвинтили бы, — сказал я, смеясь.

Далее все прошло гладко, хотя, мне казалось, ехали мы еще километров двадцать по вражеской территории. Автоматы наготове держали в руках. Иванову я поручил наблюдать за машинами, которые следовали за нами.

Скоро в лесу показались части нашей дивизии. Маяк, выставленный на дороге, указывал, где находится штаб. Когда мы подъехали к нему и вышли из машины, все офицеры стояли у радиоприемника и слушали диктора, передававшего приказ Верховного Главнокомандующего. В приказе объявлялась благодарность частям, освободившим Двинск. Упоминалась и наша 311-я дивизия и объявлялась благодарность всему личному составу.

Все были счастливы, когда услышали, что в приказе прозвучала родная 311-я. Эта радостная весть быстро облетела все части и подразделения, подняв еще выше боевой дух бойцов.

Мне хочется отметить здесь тех, кто в боях на подступах к Двинску и за город Двинск показал себя лучшим из лучших, проявил настойчивость и упорство в выполнении боевых задач, смелость и решительность, тех, кто своим примером, мастерством и мужеством вел за собой остальных. Вот они: майор Титов, рядовой Красносельский (1067-й сп), полковник Степанов, капитан Недоносов, лейтенант Акшимбаев и рядовые — Махмудов, Геворкян, Чепеленко, Маторин, Джумбаев, Дергачев (1071-й сп), подполковник Путивец, капитан Сидоров, ст. лейтенант Махлай, лейтенанты — Кузнецов, Горячев, Жандармов, Отногулов (1069-й сп), капитан Розенберг, лейтенант Разгуляев, майор Дорохин, капитан Улыбышев, капитаны Матвеев и Косарев, лейтенант Корпачев, разведчики Дирин, Голанов, Марков, Бондарчук (дивизионные части и артполк).

Выбитый из Двинска, разбитый и отброшенный к району г. Ливаны, противник занял здесь подготовленный оборонительный рубеж. Наша дивизия в составе 14-го стрелкового корпуса продолжала преследовать отступающие его части.

Дивизия получила задание перейти в наступление с рубежа Рудзаты и разгромить противостоящего противника, форсировать реку Нерета и выйти в район Гальвани и Бикса.

1 августа 1944 года, имея боевое построение в одном эшелоне, дивизия вступила в бой. Противник яростно оборонялся. 2 августа, ведя напряженные бои, 1067-й стрелковый полк

овладел населенным пунктом Дзалбы. Оттесненные в лес гитлеровцы используя просеки, оказывали яростное сопротивление. Жаркие схватки продолжались в лесу на протяжении целых суток. Нашим частям удалось обойти противника и взять его в полукольцо. В результате этого боя был целиком уничтожен 343-й охранный батальон немцев, а исполняющий обязанности командира батальона обер-лейтенант взят в плен. Было захвачено много трофеев. В этом бою отличился 1067-й стрелковый полк и особенно удачно действовала 1-я рота этого же полка лейтенанта Малимоненко. После ликвидации 343-го охранного батальона 1069-й и 1071-й полки вышли на Мухни.

Стремясь задержать наше наступление, противник спешно ввел в бой 868-й охранный и 152-й инженерный батальоны. Но они не выдержали нашего натиска и поспешно отступили к реке Нерета. Части нашей дивизии с ходу форсировали Нерету и овладели крупным населенным пунктом Лукети. При этом были взяты в плен солдаты 67-го пехотного полка 23-й пехотной дивизии.

Произведя перегруппировку, противник с 4 августа 1944 года предпринял ряд мощных контратак с участием танков, самоходок и авиации. Героически сражались воины 1067-го стрелкового полка под командованием майора Титова и его заместителя по политчасти майора Кайнова. Они отражали контратаки превосходящих сил противника и прочно удерживали захваченный плацдарм. При форсировании реки Нерета и отражении контратак отличились командир минометной роты 1067-го стрелкового полка лейтенант Бахарев и командир 45-мм батареи капитан Лахмостов. Замечательно проявили себя артиллеристы 2-го дивизиона 855-го арtpолка батареи ст. лейтенанта Волчек. Взвод немцев напал на наблюдательный пункт батареи. Организовав круговую оборону, командир батареи сумел отразить нападение и уничтожить атакующего противника. Он был дважды ранен, но продолжал вести бой до конца, пока враг не был уничтожен.

5 августа дивизия получила пополнение людьми, а с утра следующего дня начала атаковать вражеские позиции. В итоге боя дивизия к исходу дня овладела населенным пунктом Гальвани и вышла на рубеж под Бикса. Здесь проходила шоссейная магистраль на город Крустплис.

В ночь на 7 августа дивизия сдала свою полосу наступления частям 21-й гвардейской стрелковой дивизии и в составе 4-й ударной армии передислоцировалась на левый берег Западной Двины в районе Вилцами. Здесь мы навсегда распрощались со 2-м Прибалтийским фронтом генерала армии А. И. Еременко и

перешли в подчинение 1-го Прибалтийского фронта генерала армии И. Х. Баграмяна, который наступал в направлении Риги.

Я всегда с благодарностью вспоминаю А. И. Еременко, который в своей книге «Годы возмездия» высоко оценил боевые действия 4-й ударной армии и дивизий, входящих в ее состав.

8 августа дивизия сменила части 166-й стрелковой дивизии в районе Авниете. Противник оказывал сопротивление мелкими группами прикрытия с отдельными танками и самоходными орудиями.

Герой Советского Союза генерал-лейтенант Б. А. Владимиров

Б. А. Владимиров на Волховском фронте (с Б. М. Луполовером)

Перед выходом на задание

У землянки. Второй справа — Б. А. Владимиров

Б. А. Владимиров и военврач И. Евсюков

Перекур после боя

«Виллис» — надежный фронтовой друг

Парад на фронте

Комдив Б. А. Владимиров с артистами концертной бригады

Закки Хабидуллин — герой Советского Союза, командир полка

Б. А. Владимиров на митинге в стрелковом подразделении. Германия

Комдив Б. А. Владимиров на связи с полками

Поверженная столица Третьего рейха

Бойцы комдива Б. А. Владимирова. Германия. 22 мая 1945 года

По лесам Латвии бродили группы разбитых немецких подразделений и антисоветски настроенных латышей. Они нападали на одиночных бойцов, связистов и командиров. Приходилось одновременно с ведением боев вылавливать эти группы и уничтожать.

Как-то, преследуя отходящих немцев в обход дорог, части дивизии напоролась на сильно заболоченный участок, хотя и не

широкий, но который не могли преодолеть орудийные упряжки стрелковых батальонов и полков. Автомашины здесь и подавно бы не прошли. Как быть? Не возвращаться же на дорогу? Мы не могли себе позволить терять много времени — нельзя было дать противнику уйти. Но на войне народ демонстрирует чудеса изобретательности: сложная обстановка заставляет работать мозги. Решение было найдено быстро. Использовать доски мы не могли — их просто не было в наличии, но кругом росло много лозы. Решили сплести из лозы корзины без доньев, засыпать их землей, и дорога готова. Нашлись солдаты, умеющие плести корзины, и работа закипела. Корзины поместили в болото на нужную ширину для прохода машин, засыпали их землей, утрамбовали, и тут же по ним пошли машины и орудийные упряжки. Таким образом была переправлена вся артиллерия вслед за стрелковыми полками.

Продолжая преследовать противника до наступления темноты, мы подошли к заблаговременно подготовленной им обороне на гребне, который возвышался над окружающей местностью. Два передовых полка дивизии залегли в 400 м, так как не были готовы с ходу прорывать вражескую оборону. Немцы огня не вели, очевидно, чтобы не выдать своего расположения.

Бойцы сразу начали окапываться, но под верхним слоем земли, поросшим густой травой, сразу проступала вода. Это был, как оказалось, мокрый луг. Окапываться нельзя. Что же делать? С рассветом противник откроет огонь, и нам без укрытия не поздоровится. Решение было найдено. Командиры приказали бойцам не окапываться и разъяснили, каким образом мы будем выходить из положения. Опять нам на помощь должны были прийти плетеные корзины. Не теряя ни минуты, начали их плести, благо лоза и ивняк росли вокруг в изобилии. Мы решили поставить корзины перед фронтом двух полков первого эшелона, засыпать их землей и утрамбовать. Использовать для плетения корзин мы решили всех, за исключением этих двух полков. Людей набралось много — все дивизионные части и полк второго эшелона. Работа закипела. Одни рубили лозу, другие носили ее к тем, кто занимался плетением, третьи плели, четвертые подносили готовые корзины к передовым полкам, и солдаты этих полков устанавливали корзины перед собой, засыпая их верхним слоем земли и утрамбовывая. Корзина была размером приблизительно 70 × 40 см, вполне достаточно, чтобы скрывать лежащего за ней бойца.

Кроме того, с целью дезориентировки противника мы установили много лишних корзин, за которыми никого не было. За ночь корзины были расставлены и засыпаны землей по всему

фронту, чтобы укрыть бойцов от пуль и осколков снарядов.

Утром, как только рассеялся туман, наши артиллеристы засекли цели и начали вести артподготовку по переднему краю немцев. По сигналу пехота перешла в наступление, прорвала оборону противника и с боями прошла многие километры, освободив сотни населенных пунктов.

11 августа дивизия дошла до рубежа реки Лауце в районе Айзпурви, Бракнес и Золини, где встретила организованное сопротивление неприятеля.

В течение двух дней, 12 и 13 августа, дивизия вела упорные бои, в результате которых противник был отброшен на западный берег реки Лауце. Были освобождены семь населенных пунктов, в том числе Вимбас.

В этих боях особо отличились разведчики 1067-го стрелкового полка. Ведя разведку, группа Михаила Трахмана проникла в расположение противника и стремительным броском ворвалась в траншею врага. Около двух десятков немцев были убиты и двое захвачены в плен.

В районе станции Сеце мелкие группы противника были отброшены на северо-запад.

13 августа на рубеже Ванаж — Лычи дивизия сменила части 378-й и 239-й стрелковых дивизий и перешла к обороне на широком фронте от реки Западная Двина до Вимбаса, заняв рубеж обороны по фронту в 56 км.

Справа от нас на правом берегу Западной Двины оборонялся 345-й отдельный пулеметный батальон, слева — 378-я стрелковая дивизия. Отразив наступление дивизии частями 205-й пехотной дивизии, немцы срочно приступили к оборудованию оборонительного рубежа и усилению своих обороняющихся частей. Они ввели сюда части разбитых 87-й, 132-й пехотных дивизий и 210-го охранного батальона с частями артиллерийского усиления.

Получив задачу на оборону, части дивизии приступили к напряженным оборонительным работам.

Итак, в результате успешного полуторамесячного летнего наступления части 311-й стрелковой дивизии к середине августа 1944 года вышли на шоссейную дорогу Дудкас — Шильдери — Вимбас. Противнику удалось стабилизировать линию фронта на рубеже Пурьни — Стабураг — Дегли в 6–10 км от Западной Двины. Немцы могли просматривать наш боевой порядок на глубину в 3–4 км, так как господствующая местность в их обороне обеспечивала хороший обзор и обстрел. Их передний край был оборудован сплошной траншеей с открытыми пулеметными площадками и ячейками для стрелков. Часть участков траншеи

прикрывали проволочный забор и спираль Бруно.

Находившиеся на переднем крае немцев населенные пункты Стабураг и Салас вдавались клином в нашу оборону и были хорошо укреплены в инженерном отношении. Используя их, противник фланкировал огнем широкую полосу местности перед передним краем. При наступлении эти небольшие, но довольно сильные опорные пункты могли стать причиной многих неприятностей. Для того чтобы улучшить положение частей дивизии и для уточнения группировки и системы огня противника командование решило овладеть Стабурагом и Саласом. Части дивизии оборудовали позиции, окапывались. Фашисты, наблюдая за нашими работами, видимо, не ожидали активных действий с нашей стороны. Мы же, по детально разработанному штабом дивизии плану, готовились к захвату Стабурага, который оборонял усиленный пехотный взвод.

Для выполнения этой задачи от 1067-го полка выделили стрелковую роту старшего лейтенанта Артемова и отделение разведки для захвата «языка». Под руководством командира полка майора Титова рота усиленно готовилась к предстоящим действиям. Одновременно подготовку вели два артиллерийских дивизиона 855-го артиллерийского полка, батарея 120-мм минометов и орудия, выделенные для стрельбы прямой наводкой. Все работы проводились скрытно, с соблюдением правил маскировки. Общее руководство разведбоем Стабурага я возложил на начальника штаба дивизии Т. Я. Новикова.

В 6 часов утра 23 февраля начался трехминутный огневой налет артиллерии, затем рота перешла в атаку. Через несколько минут бойцы ворвались в Стабураг. Немцы отступили к переправе, но она оказалась разбитой огнем артиллерии. Здесь же противник был уничтожен на глазах у своих, которые занимали противоположный берег. Его попытка прикрыть огнем отступление ни к чему не привела. Не прошло и 20 минут, как все было кончено.

Овладев Стабурагом и паромной переправой, наши части вышли на левый берег реки. В бою гитлеровцы потеряли 20 человек убитыми, двое были взяты в плен. Мы потеряли пятерых.

Командиры полка и артиллерийских дивизионов вели тщательное наблюдение за действиями своих подразделений и за противником. Их особенно интересовали не обнаруженные ранее вражеские огневые средства как в районе боевых действий, так и на соседних участках. В результате разведки боем были засечены новые огневые точки противника и огневые позиции его артиллерии и минометов.

Добившись успеха в районе Стабурага, командование

сосредоточило внимание на опорном пункте Салас. После того как из штаба армии было получено согласие на проведение разведки боем в этом районе, штаб дивизии приступил к подготовке. Из добровольцев была сформирована стрелковая рота в составе трех взводов, командиром назначен капитан В. Петровский, смелый боевой офицер. Для обеспечения боевых действий привлекались два дивизиона 855-го артиллерийского полка, четыре орудия для ведения огня прямой наводкой, два 120-мм миномета, роты 82-мм минометов и станковых пулеметов.

Чтобы в момент атаки отрезать противнику пути отхода, захват опорного пункта Салас планировался ударом с фронта и с обоих флангов. Тщательное наблюдение за гитлеровцами было установлено с трех пунктов. Для этой цели специально была выделена группа офицеров-артиллеристов со стереотрубами. В течение пяти суток наблюдатели засекали вражеские огневые средства, систему траншей и ходов сообщения, изучали режим обороны в дневное и ночное время. В результате проделанной работы оборона противника в районе Салас была детально изучена. Дивизионный топограф капитан Ю. Комлев, прекрасно владеющий перспективной съемкой, нанес все данные наблюдения на образцово подготовленную панораму Саласа.

Из полученных данных стало известно, что непосредственно в опорном пункте оборонялся усиленный пехотный взвод в составе примерно 50 человек, вооруженных пятью пулеметами и автоматами. Я дважды провел рекогносцировку, в ходе которой офицеры, участники предстоящего боя, изучили систему обороны, боевые задачи и организовали взаимодействие. Каждому пулемету, миномету, орудью, батарее наметили конкретную задачу на местности и точно указали огневые позиции выявленных огневых средств противника. Командир роты провел рекогносцировку с командирами взводов и отделений.

После потери Стабурага гитлеровцы насторожились. Днем по небольшим группам наших бойцов они обрушивали артиллерийско-минометный огонь, а с наступлением темноты при малейшем шуме в нейтральной зоне открывали огонь из пулеметов и автоматов. Им, видно, не хватало ракет, поэтому местность перед передним краем не освещалась.

Большое внимание мы уделяли подготовке роты и поддерживающих подразделений. В тылу дивизии в специально оборудованном городке проводились тренировки с личным составом, на которых отрабатывались выход подразделений на рубеж атаки, атака, закрепление захваченного рубежа и отражение контратак.

Артиллеристы и минометчики должны были в период

трехминутного артиллерийского налета надежно подавить пять пулеметов в Саласе и две пушки южнее Брувери и восточнее Стейнфельде. Чтобы ввести противника в заблуждение, пристрелка артиллерийских батарей проводилась по реперу за трое суток до начала боя. Ответственность за артиллерийское обеспечение возлагалась на командующего артиллерией дивизии полковника Н. Кляпина, настоящего мастера своего дела.

Пулеметная рота в составе четырех станковых пулеметов заняла для стрельбы через головы своих войск полужакрытые огневые позиции в роще на высоте. Этот способ не раз успешно применялся при проведении поисков и в оборонительных боях. Противнику было нелегко обнаружить пулеметы, укрытые за складками местности. В каждом взводе с целью маскировки пристреливали только один пулемет, а остальные наводились по пристрелянному. Чтобы обезопасить себя от возможных контратак с северо-востока, пулеметчики получили задачу вести огонь в период артналета по траншеям противника, а с начала атаки — в направлении Брувери.

Накануне боя командование дивизии проверило готовность всех участников. Еще раз разобрали со всеми подробностями план боя. Бойцы видели, что все действия продуманы до мельчайших деталей и надежно обеспечены. Это усиливало их веру в успех. Настроение было отличное.

К четырем часам утра 29 августа, соблюдая абсолютную тишину и меры маскировки, роты капитана Петровского и саперы по отделениям заняли исходные позиции для атаки. Саперы проделали шесть проходов в проволочных заграждениях.

Ровно в шесть утра, когда первые лучи восходящего солнца осветили Салас, грянул одновременный залп наших орудий и минометов. От взрывов снарядов вздрагивала земля. Длинными очередями дружно строчили пулеметы, поливая противника свинцовым дождем.

Через две минуты после начала артиллерийского налета звзвились сигнальные ракеты. Стрелковая рота, разведчики и саперы поднялись как один человек. Бойцы, обгоняя друг друга, ринулись в атаку. Ничто не могло их остановить. Не успел враг опомниться, как воины забросали траншею ручными гранатами. Артиллерия, минометы и станковые пулеметы перенесли огонь по противнику в районы Солмини, Брувери, Стейнфельде.

Атака оказалась настолько неожиданной для противника, что организованного сопротивления он оказать не смог. В траншеях и по обе стороны лежали разбитые пулеметы, убитые и раненые фашисты. Оставшиеся в живых в панике пытались бежать, но попадали под огонь фланговых взводов. Пока бойцы очищали

населенный пункт от противника, разведчики занимались отправкой пленных в тыл, а саперы расставляли мины северовосточнее Саласа. Через 10–15 минут населенный пункт полностью перешел в наши руки, гарнизон его был уничтожен и частично пленен. Рота закрепились и приготовилась к отражению атаки. Гитлеровцы, однако, переходить в контратаку не решились. Лишь спустя 25 минут после начала боя они открыли беспорядочный артиллерийско-минометный огонь.

Я с командующим артиллерией и командиром полка находился на НП полка и следил за действиями роты, чтобы в любой момент оказать помощь наступающим. Кроме того, со специально подготовленных НП артиллеристы, разведчики и другие офицеры вели наблюдение и разведку огневых средств противника, районов расположения его пунктов управления и наблюдения, а также резервов.

Все выявленные данные наносились на схемы, карты, планшеты. В результате обобщения всех материалов были получены важные дополнительные сведения о противнике. Были точно определены огневые позиции 150-мм батареи, батарей легкой артиллерии и двух мини-батарей, позиции крупнокалиберных пулеметов и районы НП.

Все это значительно облегчило планирование боевых действий дивизии при подготовке последующего наступления.

В этом бою было захвачено 10 пленных, радиостанция, пулеметы, автоматы и другие трофеи. Противник потерял 35 человек убитыми. Наши потери — двое легкораненых.

В приказе командующего 4-й ударной армией отмечалась хорошая организация и проведение разведки боем. Многие солдаты и офицеры были награждены орденами и медалями. Капитан Петровский, артиллеристы капитан Улыбышев, майоры Костров и Кокорев были награждены орденами Красного Знамени.

Проведенные бои за Стабураг и Салас значительно улучшили положение наших частей на этом участке обороны. Несколько днями позже 1067-й стрелковый полк успешно провел разведывательный поиск в районе населенного пункта Сеце.

Таким образом, во всей 30 км полосе обороны дивизии группировка противника была вскрыта полностью.

Освобождение городов Яунелгавы и Скривери

В середине сентября 1944 года 311-я стрелковая дивизия оборонялась на 50-км фронте от излучины Западной Двины у г. Плявиняс до села Даудзесе. Перед ней находились разбитые в предыдущих боях части 82-й и 132-й пехотных дивизий, 210-й охранный батальон и 205-я пехотная дивизия немцев. Части нашей дивизии после двухмесячных наступательных боев имели большие потери. Стрелковые роты (в дивизии их было всего 12) в составе 50–60 человек оборонялись на фронте до 8 км, один батальон двухротного состава находился в резерве.

Вечером 16 сентября на командный пункт дивизии был доставлен перебежчик, унтер-офицер немецкой армии. Он показал, что в эту ночь 205-я пехотная дивизия должна быть выведена в другой район. Это намного ослабляло оборону противника. В создавшейся обстановке напрашивалось решение о немедленном переходе в наступление, чтобы не дать врагу безнаказанно отвести часть своих войск.

Для осуществления этого рискованного плана требовалось снять подразделения и части с занимаемых ими позиций, оставив полосу обороны дивизии неприкрытой. Но риск был оправданным, так как опирался на всесторонний учет сложившейся обстановки: раз противник выводил дивизию на другой участок, то вряд ли можно было ожидать с его стороны активных действий.

Организовать наступление в подобных условиях было трудно. Предстояло довести решение до командиров частей и поставить им задачи, провести разведку, собрать разбросанные на широком фронте подразделения, вывести их на определенные направления и организовать взаимодействия, сосредоточить на участках прорыва артиллерию и минометы, заново наладить связь. Все это необходимо было делать в темное время суток.

Атаку намечалось начать в 2–3 часа ночи, когда, по нашим подсчетам, подразделения 205-й пехотной дивизии оставят позиции, но не успеют еще выйти в назначенные районы сбора. Выходило, что на организацию и подготовку к наступлению мы имели не более пяти часов. Я быстро связался со всеми командирами частей, ввел их в обстановку и предупредил о предстоящих действиях, затем вызвал офицеров штаба дивизии и поставил задачи.

Идея решения сводилась к тому, чтобы усиленными

передовыми батальонами полков внезапной ночной атакой прорвать оборону противника, уничтожить части прикрытия и, продвигаясь в общем направлении на город Яунелгава, прижать отходящие вражеские войска к левому берегу Западной Двины. В соответствии с этим 1067-й стрелковый полк должен был прорвать оборону в районе Шилдери и преследовать противника в направлении Риэзи — Меланы (восточная окраина Яунелгавы). 1071-й стрелковый полк должен был прорвать оборону против своего левого фланга и преследовать противника в направлении Яункаки (северо-восточная опушка леса Вабули, южная окраина Яунелгавы). Перед 1069-м стрелковым полком ставилась задача прорвать оборону против своего правого фланга и преследовать противника в направлении Даузева, Вабули (юго-западная окраина Яунелгавы).

Начальнику штаба дивизии было приказано к 5 часам утра 17 сентября в районе Вимбас иметь в полной боевой готовности дивизионный отряд преследования в составе штурмового батальона и отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона; командирам стрелковых полков быть готовыми после прорыва обороны ввести в бой остальные свои силы. Готовность к атаке — 2.30.

Офицеры штаба дивизии нанесли решения на карты, записали указания и выехали в штабы полков. Вместе с ними выехали в части офицеры политотдела во главе с заместителем командира дивизии по политчасти В. И. Хирным.

Боевой опыт и постоянная готовность личного состава к резким изменениям обстановки помогли командирам полков, батальонов и рот своевременно и скрытно вывести подразделения в исходное положение для наступления.

Тем временем разведчики полков и дивизии непрерывно докладывали о поведении противника на переднем крае. Судя по темпу стрельбы, количество его огневых средств заметно убавилось.

В 3 часа утра 17 сентября воины передовых батальонов бесшумно устремились к переднему краю противника. Одна за другой полетели в траншеи ручные гранаты, затрещали автоматы. Оставленные для прикрытия немецкие части не ожидали нашей атаки и начали отходить на всем фронте. Окрыленные успехом передовые батальоны смело продвигались вперед. Командиры полков майоры В. Титов и А. Сен-Этьен, подполковник З. Хабибуллин перемещали полковую артиллерию и главные силы за передовыми батальонами, чтобы своевременным вводом их в бой не дать противнику закрепиться на промежуточных рубежах. Начала смену ОП и дивизионная артиллерия.

В 5.00 в бой ввели отряд преследования с задачей выйти к Яунелгаве и держать под огнем паромную переправу.

К 15.00 17 сентября части дивизии достигли рубежа Меланы — Яункаки, отм. 99.8. Противник, заняв восточную опушку леса Вабули и лес южнее железной дороги, оказывал упорное сопротивление. Для подавления противника в боевые порядки пехоты была быстро выдвинута вся батальонная, полковая и дивизионная артиллерия. Не выдержав меткого огня наших артиллеристов и дружного натиска пехоты, враг оставил рубеж и продолжал отходить в направлении Яунелгавы. Так как отступление немцев было быстрым, они не успевали, к счастью, взрывать за собой мосты, дороги и поджигать населенные пункты. В ночь на 18 сентября главные силы 205-й пехотной дивизии под огнем нашей артиллерии начали переправу на правый берег Западной Двины в районе Яунелгавы.

К рассвету дивизионный отряд преследования пробился к западной окраине города и завязал бой с частями, прикрывающими переправу. Вслед за ним подошли подразделения 1069-го стрелкового полка и начали наступление на южную окраину. К 23 часам с юго-востока подоспели подразделения 1071-го стрелкового полка, а 1067-й полк по указанию командира корпуса вышел к берегу реки и занял участок Липшни — Яунелгава. К 14.00 город был полностью очищен от противника.

Утром следующего дня был получен приказ о форсировании Западной Двины не позже 24 сентября. В течение четырех суток шла напряженная работа по заготовке материалов и переправочных средств. Одновременно днем и ночью по всему берегу, где намечалось форсирование, велась разведка. На противоположный берег было переброшено несколько хорошо подготовленных и экипированных небольших разведывательных групп. Одной из них удалось захватить пленного. Все это позволило установить, что вдоль правого берега реки проходят отдельные окопы с ходами сообщения в тыл, которые занимают подразделения 205-й пехотной дивизии. Основное внимание противник сосредоточил на востоке, откуда наступали части 2-го Прибалтийского фронта.

Несмотря на скрытность подготовки форсирования, в поведении неприятеля чувствовалась нервозность, ожидание наших активных действий. Это говорило о необходимости с нашей стороны принять дополнительные меры. Кроме расчета на внезапность, решено было надежно обеспечить огнем форсирование реки.

С этой целью орудия батальонной, полковой и дивизионной

артиллерии, а также отдельного истребительно-противотанкового дивизиона установили на берегу реки для стрельбы прямой наводкой. Каждому расчету указали конкретные цели. Между орудиями огневые позиции заняли станковые и ручные пулеметы батальонов вторых эшелонов полков. Минометные роты и батареи получили задачи на подавление живой силы противника в окопах.

Ведению огня прямой наводкой через головы переправляющихся подразделений способствовало то, что левый берег Западной Двины намного возвышался над правым. Огневая поддержка батальонов после форсирования возлагалась на минометные подразделения, а по мере продвижения вглубь — на артиллерийский полк дивизии.

Форсирование планировалось совершить ночью, за час до рассвета, без артиллерийской подготовки одновременно на 9-км фронте восточнее и западнее Лапине. В первом эшелоне на десантных подручных средствах переправлялись по одному батальону от двух стрелковых полков (третий находился в резерве корпуса), штурмовой батальон, учебная и разведывательная роты; во втором эшелоне — главные силы полков. После форсирования реки, наступая одним полком с востока, а другим с юго-запада, решено было захватить город Скривери, остальными силами перехватить шоссе и железную дороги, не допуская подхода резервов неприятеля с запада и отхода его войск с востока. Главный удар наносился западнее Яунелгавы.

В соответствии с таким решением 1067-й стрелковый полк должен был одним батальоном продолжать оборонять южный берег Западной Двины на участке Липшни, Яунелгава, а другим — форсировать реку в районе Цельми (восточнее Липшни) и, тесня противника в западном направлении, овладеть Скривери во взаимодействии с 1069-м полком.

1069-й полк преодолевал Западную Двину на участке паромная переправа — церковь и ударом с юго-запада во взаимодействии с 1067-м полком должен был овладеть Скривери.

Учебная рота форсировала реку в районе западной окраины Яунелгавы, овладевала Зудани и в последующем Стебри, где закреплялась фронтом на восток, с целью не допустить отхода противника из Скривери.

Разведывательная рота переправлялась в районе отдельных домов северо-восточнее отм. 68.0, овладевала Крауяс; в последующем она должна была оседлать шоссе и дорогу северо-западнее Крауяс и не допустить подхода резервов противника с запада.

Штурмовой батальон форсировал реку на участке отм. 68.0 —

Дауги, овладевал Красткали; в последующем наступал в северном направлении, овладевал Залиши, Цирули и, развернувшись фронтом на северо-запад, закреплялся с задачей не допустить подход резервов противника к Скривери.

На дивизионного инженера возлагалась ответственность за постройку паромных переправ на участках полков после овладения ими правым берегом. Начальник химической службы готовил дымопуск на всем фронте форсирования реки.

Готовность к 22.00 23 сентября. Начало действий по сигналу командира дивизии.

Всего для форсирования реки было изготовлено: 4 большие лодки грузоподъемностью по 14 человек, 14 лодок по десять человек, 320 плотов на 3–4 человека каждый, 14 плотов для артиллерии и минометов, 2 четырехтонных парома. Учитывая некомплект стрелковых подразделений, этих средств было вполне достаточно.

За сутки до форсирования на командном пункте дивизии собрали всех офицеров стрелковых, артиллерийских и пулеметных подразделений для уточнения порядка действий при форсировании и бое на противоположном берегу. Особое внимание было обращено на показ огневого обеспечения, чтобы ни у кого из командиров не возникало сомнений в успешном осуществлении замысла.

Ночью 23 сентября, за несколько часов до общего форсирования, комсорг 1-го батальона 1067-го полка младший лейтенант Куповых беспрепятственно переправился на лодке с двумя бойцами на правый берег восточнее Липшни. Противник их не обнаружил. За ними переправилась и 1-я стрелковая рота, которая почти без боя захватила плацдарм и подготовила условия для форсирования реки батальоном.

К 22.00 23 сентября все переправочные средства были доставлены на берег. Командиры частей доложили о готовности. Как и в предыдущие ночи, противник вел редкий огонь зажигательными пулями в районе Яунелгавы и западнее города. Наши огневые средства молчали.

В 2 часа 55 минут 24 сентября на воду были спущены все переправочные средства, а через пять минут бесшумно отчалили. Артиллеристы и пулеметчики приготовились открыть огонь. Темноту ночи изредка прорезали трассеры зажигательных пуль.

Но случилось непредвиденное. На противоположном берегу впереди вражеских траншей почти одновременно вспыхнуло около двадцати костров из пакли, облитой нефтью. Зарево осветило русло и наш десант, находившийся на середине реки. Вмиг застрочили пулеметы и автоматы противника. Это был тот

момент, когда кровь застыла в жилах. Задержись артиллерийский огонь — и катастрофа была бы неминуемой. Находящийся рядом со мной у одной из 122-мм гаубиц начальник артиллерии дивизии полковник Н. Кляпин бросился к орудиям. В тот же миг раздались залпы всех наших пушек, а за ними — взрывы снарядов на том берегу. Через несколько секунд взрывными волнами снарядов костры были погашены. Яростная орудийная и пулеметная стрельба заставила замолчать вражеские огневые средства. Противник не выдержал огневого шквала и по ходам сообщения бросился врассыпную. Через минуту мы увидели сигналы «перенести огонь», а вскоре слышали стрельбу наших пулеметов и автоматов на том берегу.

Первыми высадились разведывательная рота и 1-й батальон 1069-го полка. За ними, чуть позже, траншеями овладели учебная рота и штурмовой батальон. Оставив окопы и прибрежные населенные пункты, гитлеровцы заняли оборону у шоссе на дороге Мемас — Муриеки.

Как только переправились передовые подразделения, саперы занялись устройством паромной переправы. 1-й батальон 1069-го полка овладел Мемасом и развивал наступление на Бараши. Учебная рота захватила Зудани, разведрота заняла завод и перехватила дорогу на Ригу южнее Вецумнеки, штурмовой батальон, преодолевая сильное сопротивление врага, вышел на шоссе южнее Муриеки.

Противник предпринял яростные контратаки с направления Бараши — Лейнеки — Яунпукути. Его артиллерия вела интенсивный огонь. Бой принимал ожесточенный характер. Наши подразделения вынуждены были залечь и отражать одну контратаку за другой. Обстановка осложнялась еще и тем, что командиры стрелковых подразделений неточно давали целеуказания и огонь нашей артиллерии не всегда достигал цели.

В этих тяжелых условиях неоценимую помощь оказал младший сержант разведроты Я. Петров. По радио он установил со мной связь и четко, ясно и грамотно доложил, на каком рубеже находятся наши подразделения, где скапливается противник, в каком направлении контратакует и куда в первую очередь надо дать огонь.

— Я занял очень удобный наблюдательный пункт и вижу все поле боя, — доложил он.

Полковник Кляпин взял на себя управление артиллерией и сосредоточил огонь дивизионов именно там, куда указал Петров.

— Снаряды легли точно по цели, — передал через некоторое время разведчик.

Прошло немного времени, и он снова попросил огня. Но уже

по другому району, где накопилось до батальона пехоты. Снаряды легли на 200 м дальше цели, но тут же по докладу Петрова внесли коррекцию. Так, в течение трех часов, находясь на чердаке дома в Краюяс, Петров квалифицированно, как артиллерийский разведчик, корректировал огонь артиллерии. Благодаря этому было отбито с большими для противника потерями до семи контратак с разных направлений. За находчивость и проявленную инициативу младший сержант Петров был награжден орденом Красной Звезды.

А в это время под прикрытием дымовой завесы командир 1069-го стрелкового полка на пароме и лодках перебросил на правый берег реки 2-й батальон и другие подразделения. Ломаю сопротивление противника, полк в полном составе возобновил наступление в направлении Скривери и к 14.00 завязал бой на юго-западной окраине. Левее от него действовала учебная рота дивизии. Штурмовой батальон успешно продвигался к Цирули.

Благоприятнее развивались действия на правом фланге. Используя захваченный первой ротой плацдарм, 1-й батальон 1067-го стрелкового полка к 3.30 переправился на правый берег и, сбивая мелкие группы противника, быстро продвигался в направлении Скривери. К 13 часам подразделения полка подошли к городу и завязали бой за его юго-восточную окраину.

Во второй половине дня к городу с северо-востока подошли части 2-го Прибалтийского фронта. До наступления темноты совместными усилиями с трех сторон Скривери был полностью очищен от противника.

За успешные действия дивизии было присвоено наименование «Двинская», и она была награждена орденом Суворова II степени.

Описание действий наглядно подтверждает тот факт, что инициатива и внезапность, постоянное стремление побеждать врага при всяком удобном случае способствуют достижению победы даже малыми силами над превосходящим противником. Это остается актуальным и для современного боя.

Весьма важным моментом является постоянная готовность подразделений к переходу от одного вида боевых действий к другому. Не будь этого, вряд ли части дивизии, разбросанные на широком фронте, смогли бы за несколько часов сосредоточиться и подготовиться к ночной атаке. Характерным в действиях подразделений было четкое и непрерывное взаимодействие пехоты и артиллерии, умелое использование штатных огневых средств.

Через день-два после того, как дивизия по приказу командира корпуса генерала Городинского форсировала на самодельных

подручных средствах Западную Двину, атаковала противника и освободила совместно с частями 2-го Прибалтийского фронта город Скривери, на командный пункт дивизии приехали два полковника из штаба фронта. Они представились и сообщили о цели своего визита. Представитель Ставки Верховного Главнокомандующего, очевидно маршал Василевский, приказал им расследовать, на каком основании 311-я дивизия форсировала Западную Двину и вторглась в полосу наступления 2-го Прибалтийского фронта. Дело в том, что Западная Двина являлась разграничительной линией между войсками двух фронтов: правее реки — 2-й Прибалтийский фронт Еременко, а левее — 1-й Прибалтийский фронт Баграмяна. Мне думается, генерал армии Еременко пожаловался на нашу дивизию, что мы нарушили установленные границы фронтов и что это нарушение могло привести к столкновению наших частей. Это действительно могло бы иметь место, если бы не помог случай опознать друг друга во время боя в Скривери. Я сказал представителям штаба фронта, что выполнял приказ командира корпуса генерала Городинского, которого и надо об этом спрашивать. Сам же Городинский, как мне казалось, вряд ли бы решился на такое дело без приказа сверху. После беседы со мной и начальником штаба дивизии полковники, вполне удовлетворенные нашими объяснениями, уехали в штаб армии.

До сегодняшнего дня я так и не знаю, кто проявил такую, прямо скажем, сомнительную инициативу. Тот бой, с форсированием широкой и глубокой реки без табельных переправочных средств, был одним из самых сложных боев по организации и выполнению поставленной перед нами задачи.

Не успев отдохнуть после форсирования и обратной переправы на левый берег реки, дивизия 25 сентября в срочном порядке перебрасывается в район восточнее г. Вецмуйжа. Противник, который отходил в направлении города Огре, занял промежуточный рубеж обороны, оказывая сильное сопротивление наступающим частям нашего корпуса. В течение 26 и 27 сентября дивизия вела напряженные бои с крупными отрядами прикрытия. В результате этих боев были освобождены три населенных пункта.

В начале октября в районе Акмене, с рубежа Швентупе — Погерви дивизия стремительным ударом прорвала оборону противника и за день боя освободила десять населенных пунктов, а к исходу дня вышла на шоссе Рудавсе — Круспяй. К 8 октября дивизия с боями вышла к рубежу реки Добикиня.

Этот день запомнился мне навсегда огромными для меня потерями. Убит был мой ординарец, замечательный парень, на редкость честный, порядочный человек Николай Ворожцов, с

которым с марта 1943 года бок о бок прошли мы трудный боевой путь. В этот же день я потерял еще одного прекрасного человека — моего постоянного шофера Николая Козырева. Уже прошло больше двадцати лет, а они, как живые, всегда рядом со мной в моей памяти. Оба Николая, два друга, были из Вятки.

Ворожцов взял на себя всю заботу обо мне. Подворотнички к гимнастерке, носовые платки и полотенца были у меня всегда свежими, обувь и портянки — сухими и чистыми, чай и табак не переводились. Все, что предназначалось для меня и принадлежало мне, содержалось в лучшем виде. Каждый носовой платок, воротничок, мыло, помазок, бритва и все, чем я пользовался, было завернуто по отдельности в бумагу и сложено в моем походном чемоданчике так аккуратно, как смогла бы сделать не каждая женщина. Николай всегда должен был знать, где я нахожусь, чем занят и не грозит ли мне опасность. Он буквально оберегал меня от всяких неудобств и неприятностей.

В Вятской области у него осталась сестра. Он часто о ней думал, беспокоился, переживал. Меня удивляло, откуда у этого простого парня такая тонкая, чуткая душа, заботливое, внимательное отношение к людям и такое редкое умение все делать всерьез.

Я, как только мог, старался оберегать его от опасности, лишний раз не брал на передовую, где бывать приходилось часто.

Когда дивизия вышла на рубеж реки Добикиня, сидя в избе, я услышал автоматную стрельбу в низине в лесу и вышел посмотреть, откуда стреляли немцы. С дороги ничего не было видно, и я спустился метров на 50 вниз к реке, встал за деревом и начал наблюдать за стреляющими. Николая Ворожцова, когда я вышел, в хате не было, когда же он появился, то немедленно спросил, где комдив. Ему сказали, что пошел посмотреть, где стреляют. Николай немедленно бросился за мной.

— Зачем вы сюда вышли, ведь здесь немцы? — едва успел он сказать, как схватился за живот и упал на землю, корчась от боли. Я крикнул солдат, они внесли Николая в дом, быстро послали за фельдшером и за моим шофером Николаем Козыревым, чтобы срочно везти раненого в ближайший госпиталь. Козыреву я приказал не возвращаться, пока Ворожцову не сделают операцию.

Весь день мой ординарец не выходил у меня из головы. Мысли о нем покидали меня только в самые напряженные моменты боя. Я с нетерпением ожидал возвращения Козырева из госпиталя с вестью о состоянии Николая.

В середине следующего дня явился фельдшер, который сопровождал Ворожцова в госпиталь. Он обрушил на меня сразу два трагических известия: Николай Ворожцов умер на

операционном столе, а Козырев, возвращаясь с фельдшером на машине, подорвался на mine. Весь капот машины был разворочен, Козыреву, сидевшему за рулем, оторвало обе ноги, он погиб. Фельдшер рассказал, что Николай Козырев торопился назад и решил поехать по ближней дороге, которая, как оказалось, еще не была разминирована.

— Как же вам удалось уцелеть, если весь передок машины разворочен? — спросил я у фельдшера.

— Я сидел на заднем сиденье, — ответил он.

Вот так за одни сутки я потерял двух верных и преданных друзей, с которыми была связана вся моя боевая жизнь. Осознание того, что я их больше никогда не увижу, было невыносимо. Только напряженные бои, которые мы вели в то время, отвлекали от тяжких мыслей и заполняли гулкую пустоту в душе.

25 октября наша дивизия вышла в район мызы Вайнсодэ в составе 60-го стрелкового корпуса и находилась во втором его эшелоне. 4-я ударная армия готовилась к прорыву обороны противника, и нам было приказано поддержать своей артиллерией действия одной из дивизий 60-го корпуса. Для этой цели командующий нашей артиллерией полковник Николай Петрович Кляпин выехал в район местечка Бата, чтобы организовать поддержку огнем 311-й дивизии первый боевой эшелон корпуса.

Однако, чтобы сорвать подготовку наших частей к прорыву своей обороны, немцы неожиданно предприняли атаку с танками. Кляпин со своими офицерами в это время находился на наблюдательном пункте командующего артиллерией первого эшелона полковника Мажарова. Один из снарядов разорвался как раз в том месте, где находились Кляпин, Мажаров и другие офицеры-артиллеристы. Кляпина ранило осколком снаряда в ногу, раздробило кость и одновременно ранило в бок. Его хотели немедленно везти в ближайший госпиталь, но он воспротивился этому, сказав, что сначала должен доложить командиру дивизии о происшедшем. Мне позвонили по телефону и сообщили, что тяжело раненный Кляпин отправлен на грузовой машине на КП дивизии по его личному требованию.

Вскоре машина прибыла. Кляпин лежал в кузове и курил. Меня удивило, что тяжело раненный еще и курит. Он доложил, что просит разрешения убыть в госпиталь. Что я ему ответил, не помню, но пообещал, что буду в госпитале, и срочно отправил машину.

Через несколько суток я навестил Николая Петровича. У него в палате дежурила жена, Лидия Алексеевна, которая с маленьким

сыном была рядом с ним всю войну. Ногу ампутировали. Состояние тяжелое. Я еще раз навестил его до перевода в московский госпиталь, где он пролежал около года.

После Николая Петровича Кляпина до самого конца войны у нас в дивизии не было даже отдаленно на него похожего по знанию дела и работоспособности командующего артиллерией. Это была очень большая потеря для дивизии.

Здесь же, в Латвии, мы узнали, что дивизия наша награждена орденом Суворова II степени за бои в Латвии, за освобождение Двинска и Яунелгавы.

30 октября дивизия взяла много пленных 17-го пехотного полка 31-й пехотной дивизии. До последних дней ноября мы вели бои с окруженными и прижатыми к морю тридцатью дивизиями противника. Очень хорошо показал себя 2-й стрелковый батальон 1071-го стрелкового полка под командованием капитана Семирадского. Бойцы батальона стойко отбивали контратаки озверевшего противника, а затем сами переходили в наступление. Ими был освобожден ряд населенных пунктов.

Группа бойцов учебной роты лейтенанта Ивана Копия смело прошла в тыл в районе Алкишикяй, дезорганизовала его оборону и участвовала в очищении его от остатков немецких подразделений, а лейтенант Помазкин с четырьмя бойцами разгромил группу гитлеровцев из 18 человек и захватил оружие.

В этих последних боях в Латвии отличились бойцы 1067-го стрелкового полка — сержант Сапронов, рядовые Хомяков и разведчик Зайцев, младший сержант 1071-го стрелкового полка Киргизбаев и многие другие.

30 ноября дивизия получила приказ отвести свои части в ближайший тыл, а с наступлением темноты вывести их в район Вайноде. За месяц до этого постановлением СНК мне было присвоено звание генерал-майора.

1 декабря дивизия вошла в состав 89-го стрелкового корпуса 61-й армии генерала М. А. Сиязова, замечательного человека и командира, и маршем направилась в район железнодорожной станции Леплавки (Литва). Прибыли мы туда к исходу дня 4 декабря 1944 года.

Подводя итоги боевых действий в Латвии, нужно сказать, что дивизия, пройдя с боями до 200 км, освободила второй по величине город Латвии Двинск (Даугавпилс) и ряд других городов, сотни населенных пунктов, больших и малых, нанесла значительные потери шести пехотным дивизиям и полностью уничтожила 343 охранных батальона.

До сих пор не забыть тяжелейший путь до железнодорожной станции Леплавки. Непрекращающиеся дожди и постоянное

движение войск превратили дороги в месиво, сплошную кашу. Дорога, по которой должна была следовать маршем наша дивизия, оказалась непроходимой как для автомобильного, так и для гужевого транспорта. Я вынужден был свернуть и вести дивизию по маршруту 80-го ск. Здесь дорога тоже была не из легких, но двигаться все же было можно.

Прибыв на станцию, мы начали погрузку. В первый эшелон грузился 1069-й стрелковый полк подполковника Заки Хабибуллина. Всего дивизия грузилась в шесть эшелонов.

17 декабря наш пятый эшелон прибыл на станцию Минск-Мазолевский (Польша). Дивизия сосредоточилась в районе Паривал — Слуп — Гарволин.

В составе 83-го стрелкового корпуса 61-й армии генерал-полковника П. А. Белова наша 311-я стрелковая дивизия вошла в состав 1-го Белорусского фронта, которым командовал Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

По дороге в Польшу

Ехали мы в эшелоне быстро, с очень редкими и недолгими остановками. Первые сутки все спали почти беспробудным сном: восстанавливали силы после тяжелых боев с окруженной группировкой противника в Прибалтике. Фашисты дрались, как дикие звери, понимая, что их конец близок.

Мы не знали и даже не догадывались, куда нас везут, на какой фронт.

Под мерный стук колес в голове проносились эпизоды недавнего прошлого, бои. Вспоминались погибшие товарищи. Было ощущение, что и раненых боевых друзей, выбывших из дивизии, больше не увидим, что везут нас далеко. Грели, однако, мысли о том, что дивизия хорошо дралась с врагом в Прибалтике, на 2-м и 1-м Прибалтийских фронтах, что помогла прижать к морю и окружить 30-тысячную группировку немецких войск.

Многое проносилось в памяти, о многом думалось. Думал о дорогих мне людях, жене и дочурке, которая в этом году заканчивала с отличием школу, и так нестерпимо захотелось их увидеть...

Вспомнил начало войны, трудности первых боев. Как выросла наша армия во всех отношениях, как хорошо мы научились воевать. Вспомнился первый наступательный бой в Любанской операции. Какими огромными были потери, но мы били врага и заставляли его отступать.

На фронт я отпросился у командующего Сибирским военным округом генерала Медведева. Мне тогда казалось, что я, кадровый командир Красной Армии, вполне готов воевать с фашистами. Но в первом же бою под Любанью, командуя отдельной стрелковой бригадой сибиряков, я понял, что мои представления об Отечественной войне очень далеки от реальности. Мы столкнулись с вооруженным до зубов противником, хорошо обеспеченным всеми видами боеприпасов, самолетами, танками. Немецкие войска уже имели достаточную боевую практику и веру в собственное превосходство. С наглостью победителей воевали они у стен Ленинграда. Мы же, оснащенные много слабее фашистов, имели в основном винтовки и только ничтожное количество автоматов, остро нуждались и в артиллерийских снарядах. И все же мы заставили их отступить, сбили спесь, погнав со своей земли.

Какими невероятно тяжелыми были Синявинские бои 1942 года, когда в 8-й армии Старикова не сумели использовать артиллерию, в то время как наш 4-й гвардейский корпус

захлебывался в крови. А жестокие, кровавые бои под Мгой под тем же командованием 8-й армии генерала Старикова! Я был счастлив, что навсегда ухожу от тех, кто бои организовывал в кабинетах.

Кириши... Наша внезапная атака без артподготовки. Наш первый успех, где мы продвинулись на 25 км. С огромной благодарностью вспоминаю командующего 54-й армией генерала Рогинского, славного человека и замечательного командующего. Он помогал нам во всем.

Вспоминаю Уторгош. Здесь мы уже другие. Наученные горьким опытом предшествующих боев, имея солидный боевой опыт, хорошо вооруженные, мы по опыту и практике не уступали, а даже превосходили противника. Под Саласом одной стрелковой ротой мы окружили обороняющегося противника, уничтожили его роту и вместо одного «языка», по приказу командующего армией, взяли одиннадцать человек вместе с фельдфебелем, рацией и другими трофеями. Салас был освобожден.

До этого я получил по телефону приказ генерала Малышева П. Ф. взять на следующий день «языка». Я доложил ему, что для выполнения этого задания нужно иметь пять дней. Но генерал и слушать не захотел — исполнять без разговоров. Я же настаивал на своем, что не успеем подготовиться так быстро.

Через несколько дней приезжает ко мне на НП Малышев со свитой офицеров. Выйдя из машины и подтянув брюки, сползавшие с живота, он зашел ко мне в комнату и, усевшись на стул, потребовал доложить ему, почему нам требуется пять дней, чтобы взять «языка». Выглядел он хмуро и сурово.

Я показал Малышеву карту, на которой был отмечен объект нашей разведки, затем ватман с подробной панорамой обороны противника на участке Саласа и соседних с ним участков и подробным указанием всех разведанных нами огневых точек. Затем я продемонстрировал Малышеву очень подробную карту артиллерийского огня, где все, вплоть до расчетов снарядов на каждое орудие, было расписано. Кроме этого, я доложил ему подробный план боевых действий стрелковой роты и взаимодействия их внутри роты с поддерживающей артиллерией, орудиями прямой наводки и станковыми пулеметами.

Командующий очень внимательно изучил все документы. Было видно, что он все больше проникался уважением к нашей серьезной подготовке к разведпоиску. Посмотрев весь материал, он сказал:

— Тут у вас целая академия. Молодцы! Очень хорошо готовитесь к поиску. А я ведь приехал ругать вас, что тянете с разведкой, а у вас учиться надо. Ну, желаю успеха и жду

«языка». — Тепло попрощавшись с нами, генерал уехал к себе на КП армии.

О Петре Федоровиче Малышеве у меня остались прекрасные воспоминания. Он всегда обстоятельно ставил боевые задачи, как того требовал полковой устав, никогда зря не горячился и был человеком очень справедливым, чем вызывал мое искреннее уважение. Жаль было покидать 4-ю ударную армию и ее командующего.

Вспомнил я командиров корпусов, в состав которых входила 311-я стрелковая дивизия — Артюшенко П. А., о котором я уже писал ранее, Арушаняна Б. И., хорошего, грамотного командира. После него командиром корпуса был назначен Серафим Евгеньевич Рождественский, человек красивый во всех отношениях, и внешне, и внутренне. Интеллектуал, с широким кругозором, он никогда не позволял себе грубости в отношении к подчиненным, ко всем относился с уважением. К сожалению, пробыл он у нас недолго, его назначили начальником штаба Закавказского фронта. В 20-х годах мы вместе закончили одно военное училище, только он на год раньше. После войны судьба вновь свела нас в Военно-воздушных войсках, где он был начальником штаба, а я его заместителем. Серафим Евгеньевич пользовался огромным уважением и любовью у тех, с кем работал. Это был человек, которому хотелось подражать во всем.

После Рождественского на командование корпусом пришел генерал Городинский. Вообще, человеком он был неплохим, но ему недоставало волевых качеств, так необходимых каждому командиру.

Последним командиром корпуса до конца войны был генерал Сиязов М. А., прекрасный человек и командир, но о нем позже.

Вспоминал я командиров корпусов, своих непосредственных начальников, в связи с боями, которые приходилось вести в разное время. Взаимоотношения с большинством из них во многом зависели от успешных действий дивизии. Приходили на память тяжелые моменты нашей военной жизни, свои и чужие грехи.

Когда дивизия вынуждена была занять оборону на реке Лкуце перед Саласом и другими населенными пунктами, нам стало известно от перебежчика, что противник производит смену своих частей. Я позвонил генералу Городинскому и попросил разрешения начать немедленную атаку, так как сложившаяся обстановка была очень нам выгодна. Без разрешения командующего армией Городинский не решился взять на себя ответственность. Командующий армией в это время находился далеко от своего КП, на левом фланге армии, и мог вернуться к

себе только на следующий день. Я стал уверять командира корпуса, что можно вполне рассчитывать на успех в такой благоприятной ситуации, главное — не упустить момент, тем более что командующий сам предупреждал меня быть все время на чеку. Городинский так и не решился дать добро на атаку. Когда же мы самостоятельно начали атаковать противника и продвинулись на десять километров в глубь его обороны, Городинский приехал к нам и, видя, что мы успешно продвигаемся к Яунелгаве, успокоился и уехал к себе на КП корпуса.

После того как была освобождена Яунелгава и части дивизии вышли к Западной Двине, я получил по телефону приказ Городинского немедленно форсировать реку и освободить на том берегу город Скривери. Откуда взялась такая прыть? Мы должны были нарушить границы фронтов, форсировать немедленно широкую водную преграду без переправочных средств! Форсировать реку мы, оказывается, должны были на рыбацких лодках, которых нигде на протяжении 10–15 км на берегу не было.

Сам бы Городинский, я уверен, на такой шаг не решился бы. Видимо, был приказ сверху, который он, даже не подумав о наших возможностях, передал, как свой. За эту операцию было заплачено многими человеческими жизнями. Мало того, как только мы форсировали Западную Двину и помогли частям 2-го Прибалтийского фронта освободить Скривери, нам было приказано немедленно переправиться обратно и форсированным маршем сосредоточиться в районе Вецмуйже, за несколько десятков километров от места высадки. Очень многое из подручных переправочных средств было унесено рекой после высадки под огнем противника. Для переправы частей дивизии оставался один-единственный паром небольшой емкости. Когда я об этом доложил, начальство было недовольно.

За операцию по форсированию реки ни один человек в дивизии не был награжден или отмечен приказом. Все делали вид, будто ничего не произошло. Уже потом мы настояли на том, чтобы особо отличившиеся были награждены орденами Красного Знамени.

Но, несмотря ни на что, в дивизии гордились тем, что смогли выполнить такую сложную операцию по форсированию Западной Двины. Это вселило в бойцов уверенность в своих силах.

Колеса вагонов продолжали наматывать километры. В дороге думалось о том, до чего руки не доходили в нашей напряженной, походной, военной жизни, о том, что накопилось в душе. Под стук колес можно было «остановиться и оглянуться...».

Проехали разрушенный Минск. Стало ясно, куда нас везут...

Меня уже давно волновал вопрос о санитарном обеспечении боя. Как в первых, так и в последующих боях, особенно в 1942 году, санитарные батальоны и полковые медпункты не справлялись со своими задачами. Малочисленные по своему штатному составу, они не могли выполнять ту огромную, тяжелейшую работу, которую были обязаны делать. Еще хуже обстояло дело с санитарями: они не умели выносить раненых из огня, хотя работали самоотверженно, не считаясь ни с какими трудностями. Санитары были плохо, а зачастую совершенно не подготовлены и физически не сильны. В результате многие из них гибли вместе с теми, кого пытались спасти.

Военный опыт показал, что солдат идет в бой и сражается более уверенно, когда знает, что в случае ранения его не оставят под огнем на поле боя. Это всегда волновало бойцов. Помню, в 1942 году я принимал пополнение из выздоравливающих, и меня часто спрашивали:

— А у вас выносят из боя раненых?

На тактических учениях в мирное время раненых не бывает, поэтому и выносом их с поля боя не занимаются. В плане санитарной подготовки бойцов обучали оказывать первую помощь: делать простейшие перевязки, накладывать шины и т. д. Этим, надо сказать, занимались сугубо формально. Служба санитаря считалась немудреной, поэтому туда брали людей, негодных к строю.

В 1943 году санитарной подготовке стали уделять больше внимания. Очень важно научить каждого солдата выносить раненых в любое время года, а офицера — организовать это сложное дело.

Что касается санитаров, то, на мой взгляд, их нужно подбирать из числа лучших солдат, ведь боевые условия предъявляют им повышенные требования. Они должны обладать большой физической выносливостью, ловкостью, смелостью, уметь маскироваться и мастерски продвигаться ползком. Они должны прекрасно знать правила выноса и вывоза раненых и зимой и летом.

17 декабря 1944 года наш пятый эшелон наконец прибыл на станцию Минск-Мазолевский. Вслед за ним пришел последний, шестой эшелон. После марша дивизия сосредоточилась на польской земле в районе Парывас.

Здесь мы узнали, что в составе 98-го стрелкового корпуса 61-й армии наша дивизия вошла в состав 1-го Белорусского фронта, которым командовал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

С первого шага представления и до выхода в район

сосредоточения было видно, что мы попали на тот фронт, где царят дисциплина, порядок и забота о войсках.

311-я дивизия передислоцировалась в новый район Одуб — Стара Воля — Стасимск — Жабинец, что в 20–25 км восточнее реки Висла.

Висло-Одерская операция

Декабрь 1944 года — январь 1945 года

Великая Отечественная война дала много замечательных примеров боевых операций. Одни из них дошли до наших дней, а другие, в силу различных обстоятельств, остались неизвестными. На этих страницах моих воспоминаний я хочу рассказать об одном мало известном эпизоде из Висло-Одерской операции, который с точки зрения смелой творческой инициативы, разумного риска и боевой активности, как мне кажется, отвечает современным требованиям ведения боя.

В декабре 1944 года войска 1-го Белорусского фронта, занимая восточный берег Вислы и имея на левом берегу два плацдарма, готовились к новой стратегической операции по разгрому вражеской группировки на Берлинском направлении и освобождению Польши.

В последних числах декабря командиры соединений 89-го стрелкового корпуса были вызваны в штаб армии. Командующий армией генерал-полковник П. А. Белов ознакомил нас с предстоящей операцией и поставил задачу корпусу: сменить на Магнушевском плацдарме части 29-го гвардейского стрелкового корпуса на участке устье реки Пилица — Загробы. Имея боевой порядок в три эшелона, корпус должен был форсировать реку Пилицу и прорвать оборону противника на участке Пшилот — церковь в Остроленка. Задачей первого дня ставилось овладеть рубежом Подгужице, Борове и (исключительно) Гонски. К исходу второго дня корпусу надлежало выйти на рубеж Цонев — Грабина — Будзешин. Справа, по восточному берегу Вислы, оборону занимали части 119-го укрепленного района. 9-й гвардейский и 80-й стрелковые корпуса, входившие в состав 61-й армии, прорывали оборону левее нашего корпуса на участке Остроленка — Залесны. Ставя задачу, командующий армией сообщил, что при успешном наступлении корпусов на участке армии будет введена в прорыв 2-я гвардейская танковая армия. Тут же был уточнен состав боевых эшелонов корпуса. Первый эшелон — 446-й стрелковый полк 397-й стрелковой дивизии и 23-я стрелковая дивизия; второй эшелон — 397-я дивизия без одного полка; третий эшелон — 311-я стрелковая дивизия^[16].

С вводом 2-й гвардейской танковой армии в прорыв нашей дивизии предстояло переправиться вслед за ней из района леса,

что восточнее Воля Целеювска, через Вислу в районе Голендры по армейским мостовым переправам. Выйдя к правому флангу наступающих частей первого эшелона корпуса, мы должны быть в готовности развить успех корпуса в направлении Чаплинек, Собикув, Брвинув и отразить возможные контратаки противника с севера.

В то время, когда генерал Белов ставил боевые задачи, я лежал с высокой температурой у себя в домике, вместо меня присутствовал начальник штаба дивизии Т. Я. Новиков. Никто из нас не знал, для какой цели я вызывался на КП армии, все было строго засекречено. Я не думал, что командующий будет сообщать свое боевое решение на наступление армии и ее соединений, поэтому командировал туда Новикова. Командующий спросил его, почему не прибыл командир дивизии Владимиров, и, когда узнал о моей болезни, поставил дивизию в третий эшелон, что нас совсем не устраивало.

В тот же день Новиков вернулся в штаб дивизии и доложил мне о готовящемся грандиозном наступлении и о задаче дивизии в этой операции. Удивительное дело, как только я узнал об этом, мою болезнь как рукой сняло. Обидно было только, что из-за моей болезни дивизия попала в третий эшелон.

На следующий день командир корпуса в устной форме поставил перед дивизией задачу, которая на первый взгляд казалась несложной. В этой решающей операции дивизии отводилась довольно скромная роль. Но, несмотря на это, мы испытывали состояние волнения и приподнятости, свойственное командирам, которые приступают к разработке новой боевой задачи.

Когда же в спокойной обстановке мы проанализировали предстоящие действия, то поняли, что задача не так проста, как казалась, и что на пути ее реализации дивизию ожидают серьезные трудности. Было ясно, что танковой армии потребуется немало времени для переправы на западный берег Вислы и нам придется долго ждать освобождения понтонных мостов. В такой ситуации дивизия далеко бы отстала от наступающих частей корпуса и в нужный момент боя не смогла бы оказаться в заданном месте. Перед нами встала дилемма: или буквально следовать плану боя, т. е. идти по пути формального выполнения боевого приказа, или найти такое решение, при котором дивизия не была бы связана со 2-й танковой армией.

В эту ночь не спали ни я, ни начальник штаба Новиков, ни заместитель по политчасти Хирный. До самого рассвета, склонившись над развернутой картой, мы ломали головы над решением этой задачи. С первыми лучами солнца нас озарила

смелая мысль, что форсировать Вислу и Пилицу можно на правом фланге корпуса восточнее Пулько. Это была чрезвычайно заманчивая идея. Одним ударом мы убивали двух зайцев: освобождались от переправы и наикратчайшим путем выходили в заданное направление. Был еще и выгодный тактический смысл в форсировании этих рек: действуя в этом направлении, дивизия наносила фланговый удар по главной оборонительной группировке немцев, так как их основные силы были сосредоточены перед плацдармом. На левобережье, за широкой водной преградой, противник меньше всего ожидал активных действий с нашей стороны. Оборона левого берега Вислы, как было видно, строилась по принципу обороны на широком фронте — отдельными опорными пунктами и системой боевого охранения. Части, выделенные для обороны острова Кемпа Конарска и западного берега Вислы на участке Пулько и севернее, вполне вероятно, представляли собой «с бору по сосенке».

Таким образом, наши действия в направлении южной части острова Кемпа Конарска — Пулько — Островец станут для противника полной неожиданностью. На первых порах дивизия наверняка не встретит серьезного сопротивления и сможет выйти на фланг немецкой обороны.

Единственное, что вызывало опасение, — это состояние ледяного покрова Вислы. Чтобы все досконально проверить, надо было выехать к берегу на северную окраину Татарческо и произвести рекогносцировку реки, местности и противника.

Через несколько часов небольшая группа офицеров уже находилась на берегу Вислы. Чтобы проникнуть в тайны вражеской обороны и узнать поближе капризный характер польской красавицы реки, мы стали наблюдать за противником с высокой дамбы. На противоположном немецком берегу — полный покой, ни одного выстрела. Кое-где по берегу и в глубине обороны едва просматриваются траншеи и хода сообщения. Проволочных препятствий и других инженерных сооружений мы не увидели. Река, ширина которой в этом месте 400–500 м, покрыта ровным льдом, только на середине серебряным жгутом поблескивает узкая полоска полыньи. Досадно! Успокаивает то, что в запасе более десяти суток, и есть надежда, что она еще успеет затянуться льдом. Для повышения устойчивости льда надо будет изготовить легкие деревянные настилы. Вдоль всего нашего берега проходит мощная дамба, которая позволит скрытно от наблюдения и огня противника провести все подготовительные мероприятия и скрыть огневые средства.

После проведения рекогносцировки возможность форсирования Вислы и нанесения внезапного удара казались

беспспорными. Не пугал нас и неокрепший лед: дивизия уже имела опыт форсирования рек в различных условиях времени года и обстановки. Все, кто принимал участие в разведке местности, командиры частей и начальники служб, горячо поддержали эту идею и заметно оживились. Никто не сомневался в успехе.

Мы представляли себе, как под покровом ночи части дивизии выйдут на тот берег и словно из-под земли вырастет сказочная рать прямо перед носом растерявшегося противника.

Мы чувствовали необыкновенный прилив сил и желание во что бы то ни стало претворить этот замысел в жизнь.

— «Ничто великое в мире не совершается без страсти», — процитировал Гегеля кто-то из офицеров штаба. В нашем случае и энергия, и страсть, и боевой энтузиазм били через край. Теперь нужно было, не откладывая в долгий ящик, принять решение, доложить командиру корпуса и заручиться его поддержкой.

Командир корпуса генерал М. А. Сиязов был на плацдарме, на своем наблюдательном пункте. Я подробно доложил ему о результатах рекогносцировки и о своем решении в час общей атаки одновременно с передовыми батальонами дивизий первых эшелонов начать форсирование Вислы и просил его разрешения на подготовку дивизии к форсированию рек. Командир корпуса одобрил нашу инициативу, поскольку внезапный фланговый удар по слабому месту противника намного облегчал корпусу выполнение своей задачи.

— Хорошо, сегодня же доложу командующему армией и буду просить утвердить это решение, — сказал Сиязов.

На следующий день я снова был у командира корпуса. Сиязов встретил меня как всегда приветливо и сообщил, что командующий разрешил форсировать Вислу только ротой или в крайнем случае батальоном, но не более, с задачей овладеть опорным пунктом Пулько. О том, чтобы форсировать реку всей дивизией, не могло быть и речи. «Что это командир дивизии задумал утопить дивизию в Висле?» — такой была реакция командующего армией на доклад Сиязова.

Это было половинчатое решение, которое меня никак не устраивало. Я попросил командира корпуса разрешить мне попутно с подготовкой батальона готовить к форсированию всю дивизию. Генерал Сиязов молча обдумал мою просьбу, затем встал, прошелся по блиндажу и, наконец, сказал:

— Что ж, готовь, я не возражаю. Там видно будет...

В состав 61-й армии 311-я дивизия вошла непосредственно перед отправкой ее из Прибалтики в Польшу. Не зная боевых качеств дивизии, командующий не мог рисковать целым соединением. К тому же в районе понтонных мостов, по которым

он почти ежедневно перебирался на плацдарм, польня Вислы, как нигде, была широка. Это обстоятельство, возможно, заставило его усомниться в возможности форсирования еще не замерзшей реки.

Я же был уверен в правильности своего решения форсировать Вислу, чтобы выйти своевременно прямо на правый фланг армии, защищая ее от контрудара противника, а не переходить по мостам в обход, делая крюк в двадцать с лишним километров. Я решил лично обратиться к командующему армией.

Белов разъезжал по дивизиям, и найти его было трудно. Только во второй половине дня мне удалось обратиться к нему со своей просьбой. В ответ я получил то же, что и Сиязов:

— Что, вы дивизию задумали убить? Посмотрите, фарватер реки не замерз, а лед толщиной с картон.

Как я ни убеждал его, что ни один боец не утонет, что все будет сделано как нужно, с большой для нас выгодой, все было напрасно. На все мои аргументы в пользу нашего решения он отвечал отказом:

— Делайте так, как вам было приказано.

Было ясно, что убедить его в своей правоте мне не удастся. Несолоно хлебавши я уехал к себе на КП дивизии.

Время шло. Нельзя было тянуть с подготовкой дивизии к началу общего наступления фронта. На следующее утро, 30 декабря, обсудив еще раз с начальником штаба полковником Новиковым и начальником инженерной службы Вагановым все «за» и «против», было принято окончательное решение готовить дивизию к форсированию Вислы.

По существу, наше решение полностью отвечало духу приказа командующего армией, более того, мы нашли наилучший вариант его воплощения в жизнь. Да, наше решение было смелым, рискованным, но не безрассудным. Мы постоянно вели наблюдения за режимом реки, вплоть до промера толщины льда. В случае неблагоприятных условий можно было отказаться от своего плана и выполнять задачу, как того требовало высокое начальство.

Дивизия находилась в третьем эшелоне и не имела средств усиления. Поэтому в первую очередь надо было позаботиться о создании огневого кулака, который обеспечил бы частям дивизии прорыв обороны противника хотя бы на узком участке фронта.

Нам повезло, что на фронтовом артскладе оказалось большое количество 45-мм пушек. Они потеряли значение как противотанковые средства, но вполне годились для подавления и уничтожения живой силы: «На безрыбье и рак рыба». Через трое суток в дивизии насчитывалось около полусотни этих пушек с

тремя боекомплектами снарядов.

Оборону противника мы могли бы прорвать, рассчитывая только на свои силы. Для того чтобы надежно подавить неприятеля огнем и успеть подготовить к началу общей атаки необходимое количество деревянных настилов, штурмовых мостиков, лестниц, т. е. всех необходимых подручных средств для повышения проходимости льда, решено было ограничить участок прорыва одним километром. Да и западный берег Вислы, который нам предстояло преодолеть, был крут и обрывист.

Замысел решения заключался в следующем: 311-я дивизия форсирует по льду Вислу и Пилицу, прорывает оборону немцев на участке озера, что северо-восточнее Острувек, Пулько. Далее, развивая наступление в общем направлении на Грабина, ближайшей задачей имеет овладеть опорным пунктом Острувек и отм. 118.2 (южн.). Последующая задача сводилась к тому, чтобы овладеть Конары и участком шоссе между Конары и Магерова Воля. К исходу дня дивизия выходит на рубеж Подгужице, Марынин, отм. 125.4. С выходом на этот рубеж дивизия прикрывает правый фланг армии и препятствует контратакам противника с севера.

Выполнение этого замысла планировалось осуществить в такой последовательности: передовым батальоном, поддержанным всеми огневыми средствами дивизии, форсировать Вислу, уничтожить боевое охранение противника на южной части острова Кемпа Конарска, с ходу прорвать оборону немцев на участке озер, что северо-восточнее Острувек, Пулько и овладеть опорным пунктом противника Острувек. За передовым батальоном ввести в прорыв побатальонно 1069-й стрелковый полк (первый эшелон дивизии) с задачей, расширяя фронт прорыва в северо-западном направлении, овладеть населенными пунктами Подгужице, Конары.

Развивая успех первого эшелона дивизии, ввести в прорыв 1071-й стрелковый полк (второй эшелон) с задачей овладеть участком шоссе на дороге Конары — Магерова Воля. В последующем — населенным пунктом Марынин и районом отм. 125.4.

1067-му стрелковому полку (третий эшелон дивизии) ставилась задача наступать за 1071-м полком и быть в готовности развить успех в направлении Россошь — Грабина^[17].

Итак, с овладением передовым батальоном Пулько пять батальонов, один за другим на дистанциях 400–500 м, неудержимым потоком врываются в прорыв и, как весенние воды в половодье, устремляются вглубь и вширь.

Огонь и движение — непреложный закон наступательного

боя. Однако одной только своей артиллерией мы не смогли бы обеспечить прорыв обороны противника. Пришлось отказаться от существующего порядка организации артиллерийского обеспечения и прийти к совершенно иному решению. После ранения Н. П. Кляпина в штабе артиллерии остались неопытные офицеры, на них нельзя было положиться. В силу этих причин все вопросы по использованию артиллерии мы взяли на себя и решали так, как подсказывала обстановка.

При подсчете артиллерийских и минометных ресурсов дивизии оказалось, что в наличии имеется 188 стволов пушек и минометов вместе с батальонной артиллерией. Из них около одной трети орудий приходилось на 45-мм пушки. С количеством стволов еще можно было мириться, но по калибру основная часть нашей артиллерии не могла решать задач на уничтожение хорошо окопавшегося противника. Надо было подкрепить огонь артиллерии огнем в наслойку. Всех пулеметов, станковых, ручных и крупнокалиберных, набиралось до 300 единиц. За одну минуту все они выпускали до 50 пуль на один погонный метр фронта прорыва обороны неприятеля.

Таким образом, огневые средства дивизии, вместе взятые, давали буквально ливень свинца и осколков. Эта масса огня должна была прижать противника к земле, заставить его уйти в укрытия и удерживать его в таком положении до тех пор, пока к траншеям не подойдет наша пехота.

Мы изъяли из полков и батальонов, за исключением передового батальона, все пулеметы с расчетами и артиллерийско-минометные подразделения. Из всех этих огневых средств надо было создать такую гибкую организацию, которая позволила бы в период артиллерийского налета и боя передового батальона использовать все средства строго централизованно и быстро вливать их в свои подразделения и части по мере ввода батальонов и полков в бой.

Исходя из этого, вся полковая и батальонная артиллерия, а также все минометы были объединены в группы:

1-я группа — 18 120-мм минометов (из трех групп по 6 минометов);

2-я группа — 54 82-мм миномета (из трех групп по 18 минометов);

3-я группа — 50 45-мм пушек (из двух подгрупп по 25 пушек);

4-я группа — 30 76-мм пушек (полков. артиллерии и противотанкового дивизиона).

Станковые и ручные пулеметы были объединены в роты: 8 рот станковых пулеметов по 12 пулеметов в каждой роте. Всего 96 пулеметов. 8 рот ручных пулеметов по 27 пулеметов в каждой

роте. Всего 216 пулеметов. Взвод крупнокалиберных пулеметов — 6 пулеметов.

Командирами этих групп были временно назначены наиболее опытные офицеры. Расчеты 45-мм пушек состояли в основном из стрелков. Все эти группы в период артподготовки управлялись централизованно командиром дивизии.

Закончив с организацией пулеметных рот и батарей, мы приступили к планированию огня. На артиллерийский полк дивизии возлагалась задача подавлять и уничтожать огневые точки противника, обнаруженные на переднем крае и в опорных пунктах Пулько и Острувек. Весь полк должен был поддерживать передовой батальон с начала форсирования. С вводом в бой 1069-го полка, поддерживать его наступление, а с вводом в прорыв 1071-го полка — поддерживать его двумя дивизионами.

Огонь импровизированных батарей и пулеметных рот планировался просто: каждой из них давалось 2–3 участка сосредоточенного огня. Первый участок — на переднем крае, второй — в непосредственной глубине и третий — в глубине батальонного района обороны противника. Ручным пулеметам давалось всего два участка. Участки сосредоточенного огня распределялись таким образом, чтобы по каждому участку велся огонь в наслойку несколькими батареями и пульротами. Особое внимание было обращено на огневое окаймление правого фланга нашего наступления, откуда можно было ожидать контратаки.

Перенос огня с одного участка на другой производился по сигналам с наблюдательного пункта командира дивизии. Сигналы подавались ракетами. Каждому участку сосредоточенного огня соответствовал определенный цвет ракет.

Позиции пулеметных рот готовились на флангах полосы наступления дивизии. Фланговое положение пулеметов обеспечивало безопасность стрельбы для наступающих и давало возможность вести перекрестный огонь на прицельную дальность. Огонь большей части рот станковых пулеметов планировался с полузакрытых позиций, что позволяло вести огонь через головы своей пехоты на предельную дальность полета пуль. Для увеличения дальности стрельбы 45-мм пушки пришлось приспособить для стрельбы с закрытых позиций.

Опыт такой стрельбы (с закрытых позиций батареями 45-мм пушек) мы имели еще на Волховском фронте, когда находились в обороне. В тот тяжелый период войны расход снарядов и мин был строго ограничен, не лимитировался только расход снарядов к 45-мм пушкам. Нам удалось неплохо приспособить эти батареи для стрельбы с закрытых позиций. Мы не раз наблюдали, как немцы, попав под обстрел этих пушек, не слыша выстрелов и не

понимая существа внезапных разрывов снарядов, в паническом страхе разбегались и прятались, а через некоторое время, мстя нам за потери, огрызались огнем. Ответный их огонь лучше всего свидетельствовал о том беспокойстве, которое причиняла им наша «потешная» артиллерия.

Как ни маломощны были пушки, но мы возлагали на них большие надежды. Имея возможность неограниченно расходовать снаряды, все пушки, выпуская за минуту около 700 снарядов, держали противника под огневым контролем на площади до 5 гектаров.

С 30 декабря части дивизии приступили к регулярной боевой учебе. В основу подготовки была положена десятидневная программа. Главное внимание было обращено на тактическую подготовку. Так как дивизия пополнилась значительным числом бойцов (до трехсот человек, которые прошли только двухмесячную подготовку в запасных полках), учебу пришлось начинать с одиночной подготовки солдата и завершать батальонными учениями с боевой стрельбой. На всех занятиях и учениях ставилась одна тема: «Наступление на полевую оборону с преодолением водной преграды в зимних условиях».

По огневой подготовке занимались изучением материальной части оружия, отстрелом двух упражнений учебных стрельб, метанием ручных и противотанковых гранат.

По инженерной подготовке практически отрабатывались приемы и способы преодоления противопехотных заграждений и реки по неокрепшему льду.

На тактическую подготовку офицерского состава было отведено 40 часов, на подготовку штабов — 20 часов. Занятия проводились в поле и на макете местности^[18].

Боевая учеба частей дивизии шла до 12 января. Штабы полков и дивизий немало потрудились, чтобы все, от солдата и до командира части, твердо усвоили свое место и роль в бою. Каждому командиру была показана его задача на местности, а артиллеристам — цели.

В период боевой учебы в ночное время шли работы по подготовке исходного положения для наступления и всего необходимого для боя. Готовились огневые позиции для артиллерии, минометов, орудий прямой наводки, пулеметов и наблюдательные пункты.

Саперы под руководством Н. М. Ваганова, грамотного, ответственного за свое дело инженера и смелого офицера, изготавливали настилы, штурмовые мостики и другие подручные средства.

Связисты начальника связи Сизова, прекрасного специалиста

и человека, приводили в порядок телефонные кабели, ремонтировали телефонную и радиоаппаратуру.

Транспортная рота день и ночь подвозила боеприпасы. Словом, работа кипела на всех участках.

С большой благодарностью хочется сказать о начальнике тыла дивизии тов. Угрюмове и его начальнике штаба Л. Н. Хашковском, которые так здорово управлялись со своими делами, что полностью освободили меня от решения тыловых вопросов и беспокойства за снабжение войск всем необходимым.

Чтобы не насторожить противника, мы не проводили поисков и не вели боевой разведки, ограничиваясь круглосуточным наблюдением за ним. Особое внимание уделялось маскировке исходного положения. Комендантская служба поддерживала строжайший порядок на берегу реки и прилегающих к ней районов. Все работы и хождение людей днем запрещалось. Возводимые за ночь позиции тщательно маскировались.

В подготовительный период большую работу по политическому обеспечению провели офицеры политотдела дивизии и частей. Во всех частях проводились партийно-комсомольские активы с задачей мобилизации личного состава на выполнение предстоящих задач. С личным составом были изучены памятка и листовки политического управления фронта. Каждый боец знал задачу своей роты. Было разъяснено значение внезапности и стремительности действий для успеха предстоящего боя. Суворовские требования — «налети... как снег на голову... не давая опомниться; кто испуган, тот побежден вполтину» — приобрели живой смысл для каждого бойца. Дисциплина в войсках была крепкая. Личный состав был полон решимости разгромить врага. Твердая уверенность старших начальников в победе передавалась подчиненным, приобретая огромную силу.

До 10 января наше предложение форсировать Вислу висело в воздухе, но, несмотря на неопределенность положения, подготовка дивизии шла полным ходом. За три дня до начала общего наступления был приказ штаба корпуса, в котором с оговоркой «если лед позволит» 311-й дивизии ставилась задача: «Форсировать по льду реку Висла и реку Пилица, прорвать оборону противника на участке Оз. в 300 м сев.-зап. Пулько... и к исходу дня выйти на рубеж Подгужица, Марынин (иск) отм.125.4»^[19]. Мы были больше чем довольны приказом штаба корпуса. Нам разрешалось действовать по нашему же плану и разрешалось, в случае опасности, не лезть на рожон.

В последние дни перед началом операции штабами фронта и армии производились всесторонние проверки готовности частей

и соединений первых эшелонов корпусов. Но ни один штаб не проявил интереса к готовности к наступлению 311-й дивизии. Видимо, в штабе армии не обратили внимания на боевой приказ штаба корпуса, так как в период подготовки Висло-Одерской операции, в целях сохранения военной тайны, решения на бой докладывались старшим начальникам по карте и боевые задачи войскам ставились в устной форме. Задачи в письменном виде разрешалось ставить «дивизиям первого эшелона за три дня, дивизиям второго эшелона — за два дня до начала наступления»^[20].

Эти боевые документы, по существу, фиксировали пройденный этап работы и в напряженные дни завершающего этапа организации и подготовки прорыва не могли представлять собой интереса. Генерал М. А. Сиязов, как показали последующие события, о своем новом решении командующему армией не докладывал. Военный совет армии, таким образом, до начала прорыва не знал о готовности нашей дивизии к форсированию.

8 января в 19 часов части дивизии выступили из района своего расположения и к 6 часам 9 января сосредоточились в лесу севернее отм. 115.2.^[21] К 4 часам 13 января дивизия приняла боевой порядок для наступления. Первый эшелон дивизии, 1069-й полк, имея боевой порядок полка в три эшелона, занял исходное положение для наступления на участке исключительно Самбодзе — Татарческо; 1071-й полк, второй эшелон дивизии, — в районе садов, в полутора километрах южнее Вице-Всходне; 1067-й полк, третий эшелон дивизии, — в лесу, восточнее Воля Целеювска.

С наступлением темноты, скрытно от противника и от своего командования, выходили части дивизии на исходное положение для наступления. Если бы командующему армией стало известно о нашем выдвижении к берегу Вислы, он, безусловно, вернул бы дивизию в район, который был указан штабом армии, а тогда — прощай наш план боя, в успехе которого мы были уверены. А жили мы все тогда, и я, и командиры частей, одной лишь этой целью.

Мой командно-наблюдательный пункт был уже на восточном берегу Вислы в землянке, отрытой в дамбе реки. На старом КП была оставлена смена телефонистов с офицером, чтобы в случае звонка командующего они без промедления смогли бы соединить меня с начальством. Это было сделано с единственной целью — не вызвать никакого подозрения у командующего о смене КП.

Помню, уже после окончания войны мой старый знакомый генерал-лейтенант Баринов сказал мне:

— Не могу понять, как ты мог решиться на такой шаг, как форсировать Вислу. Ведь в случае неудачи тебя бы расстреляли!

— Я был одержим этой идеей, а в успехе был уверен на все сто процентов, — ответил ему я.

Мне хотелось перехитрить противника, разгромить его превосходящие силы и выходом на один из его флангов поставить его в очень тяжелое положение. Возможность такая была, и нужно было ею воспользоваться.

За двое суток до занятия пехотой исходного положения, вся артиллерия дивизии и пулеметные роты уже стояли на своих позициях в полной готовности к бою.

Наконец настал день атаки 14 января. По плану армии (фронта) 155-минутная артиллерийская подготовка атаки начиналась 25-минутным огневым налетом. Затем передовые батальоны дивизий первых эшелонов должны были в течение одного часа форсировать реку Пилица и овладеть плацдармами на западном берегу реки, а при успешных действиях передовых батальонов их успех развивали дивизии. На направлении главного удара армии (23-й стрелковой дивизии и 9-го гвардейского стрелкового корпуса) наступление войск сопровождалось двойным огневым валом на глубину 1–2 км^[22].

Этот порядок устанавливался для войск, находящихся на плацдарме, и на нашу дивизию не распространялся. Мы были предоставлены сами себе. Планируя в дивизии огонь артиллерии и пулеметов, мы считали, что для подавления противостоящего противника и прорыва его обороны недостаточно будет ограничиться одним 25-минутным налетом.

В эту тревожную ночь саперы последний раз проверили состояние ледяного покрова реки. Полынья, как мы и предполагали, затянулась слоем льда. Погода, одна из главных проблем, которая беспокоила больше всего, не подвела. Можно было облегченно вздохнуть.

С оборудованного в дамбе реки наблюдательного пункта ведется наблюдение за левым берегом. Как и в прошлые ночи — тихо. Видно, немцы ни о чем не догадываются, хотя перед Мангушевским плацдармом противник непрерывно освещает ракетами подступы к своему переднему краю.

Подошло время действовать «рабочим войны». Командир саперного батальона майор Я. В. Матвеев дает последние указания своим командирам. Пять групп саперов под руководством командира роты старшего лейтенанта С. Ф. Денисова и сержанта М. У. Григоренко бесшумно ползком пробираются к противоположному берегу. Под самым носом у немцев они должны проделать проходы в минных заграждениях. Малейшая оплошность одного — и все может закончиться провалом. Работа саперов прикрывается дивизионом артиллерии,

минометами и станковыми пулеметами. Эти средства огневого прикрытия еще засветло были нацелены и готовы по первому сигналу саперов обрушиться на противника.

Пошло около двух часов. На том берегу тихо. Как видно, саперам удалось незаметно подползти к переднему краю немцев. Внезапно противник открыл минометный огонь. Мины беспорядочно ложатся по руслу реки, образуя проруби. Через минуту все стихло. Ружейно-пулеметного огня не слышно — значит, немцы не обнаружили саперов. Проходит еще час. Наконец-то мы видим наших героев. Лица их возбуждены от пережитой опасности. Старший лейтенант С. Ф. Денисов докладывает:

— Задание выполнено!

Медленно, как вечность, тянется время. Через час в бой. На душе и радостно, и тревожно. Кто не переживал ночь перед атакой?! «Ведь самый страшный час в бою — час ожидания атаки».

Долгие военные годы не притупляют остроты чувств. Нервы натянуты, как струны. Тяжелый многодневный труд тысяч людей пройдет через главное испытание — жестокую проверку боем.

Передовой батальон выходит к самому берегу реки, готовый к действиям. Его командир майор Д. П. Маматов держится спокойно и уверенно. Он один из лучших командиров батальонов, поэтому ему предоставлена честь первому форсировать Вислу и пробить брешь в обороне противника. Бодрое настроение комбата передается бойцам и офицерам. Они шутят, острят и, как их командир, уверены в успехе. Глядя на этот спаянный боевой коллектив, тяжелая ноша добровольно взятой на себя ответственности перестает давить на плечи: эти ребята не подведут.

Стрелки часов отсчитывают последние секунды назначенного часа артподготовки. Все замерло в ожидании торжественного момента.

В 8 часов 30 минут тысячи острых языков пламени на плацдарме прорезают предрассветную темень, багровым заревом зажигая небо. Грянул гром пушек, затряслась земля, задрожал воздух. Началось! С наблюдательного пункта дивизии взвились зеленые ракеты — сигнал о начале дивизионного артиллерийского налета. Рядом раздался грохот пушек, заговорили мягким баском минометы, затрещали, захлебываясь от удовольствия, пулеметы.

Гром пушек и трескотня пулеметов — прекрасная музыка для солдатского уха, хотя не всегда она трогает душу. Бывалый солдат умело разбирается в симфонии пушек, несет ли она

победу или трубит по-пустому. На этот раз по оживленным, довольным лицам бойцов было ясно — они довольны оркестром «бога войны».

Стоя на берегу реки, мы напряженно следили за разрывами наших снарядов и полетом трассирующих пуль. Я не заметил, как ко мне подбежал телефонист и прокричал в самое ухо:

— Товарищ генерал, вас вызывает срочно к телефону командир корпуса!

Я спустился к землянке и взял трубку.

— Выясните поскорее и доложите, что за пулеметная стрельба на правом берегу Вислы, в районе Самбодзе. Не немцы ли перешли Вислу? — услышал я в трубке встревоженный голос комкора.

Пронзительная стрекотня наших пулеметов прорвалась сквозь гул артиллерийской канонады, достигла плацдарма и вызвала беспокойство командира корпуса.

— Здесь все в порядке. Стрельбу ведут наши пулеметчики по левому берегу Вислы, — ответил я генералу.

— Вы все-таки проверьте, не немецкая ли разведка там.

Разговор был прерван: командира корпуса вызывали к другому аппарату.

Беспокойство М. А. Сиязова было небезосновательным. В штабе корпуса никто не верил в возможность форсирования Вислы, полагая, что оговорка в приказе «если лед позволит» предостережет командование дивизии от рискованного шага. Не случайно поэтому за все время подготовки дивизии к бою никто ни разу в штабе корпуса не поинтересовался, чем занимается дивизия, и не требовал от нас никаких докладов до самой последней минуты. Внимание командования и штаба корпуса было всецело поглощено подготовкой к прорыву 23-й дивизии, а о нашей просто забыли, хотя, откровенно говоря, мы и не старались напоминать о себе.

Вот поэтому пулеметная стрельба на фланге и в тылу корпуса так озадачила М. А. Сиязова, тем более что в период артиллерийской подготовки, и особенно в начале ее, в практике наших войск огонь такой массы пулеметов не применялся. Шум пулеметных очередей был слышен через грохот тысячи стволов артиллерийской стрельбы, потому что пулеметчики просверлили (в полковых мастерских) дыры в пулях: в полете оболочка пули разрушалась, принимала неправильную форму и, вращаясь вокруг своей оси, невыносимо-пронзительно визжала.

Истекали последние минуты артиллерийского налета. Батальон майора Маматова с батареей противотанковых пушек быстро спустился к реке и бегом устремился в атаку. Мы с

волнением наблюдали за ними. Ни один боец не провалился под лед. Противник продолжал упорно молчать, забившись в щели от огня наших батарей и пулеметов. Рота лейтенанта А. И. Сидорова уже на том берегу. Через двадцать минут майор Маматов докладывает:

— Овладел южной частью острова Кемпа Конарска и опорным пунктом противника Пулько. Продолжаю успешно продвигаться вперед.

На реке распоряжается начальник инженерной службы дивизии подполковник Н. М. Ваганов, прекрасный, грамотный инженер.

Саперный батальон майора Я. В. Матвеева укладывает на лед деревянные настилы для пропуска артиллерийских систем и автомашин. Опасные места и проруби, образовавшиеся от разрывов мин и снарядов, обозначаются флажками. В полной готовности оказать необходимую помощь находится аварийная команда. Вот по настилу пошла первая пушка сержанта В. Л. Журавлева, за ней другая, третья, четвертая...

За первым батальоном двинулся в бой батальон капитана Д. Е. Савотина с задачей, расширяя прорыв справа, наступать на Погружице. В голове батальона — рота лейтенанта П. Д. Богданова. Она не идет, она несется в атаку. Выскочив на берег, рота с ходу овладевает отдельным двором западнее озер и, не задерживаясь, продвигается в направлении Подгужице. За батальоном, не отставая ни на шаг, двигается и поддерживает метким огнем прямой наводки взвод младшего лейтенанта А. К. Демина.

Не успел 2-й батальон выйти на левый берег, как на реке появился батальон капитана В. К. Свиридова с задачей — наступать на восточную окраину Конары. В голове 3-го батальона — командир 1069-го стрелкового полка подполковник Закки Хабибуллин в окружении офицеров штаба и связистов. Он сияет, горд за полк — все идет по плану. Хабибуллин любит ратное дело, риск, опасность. За боевую удаль в полку его прозвали Чингисханом.

Лед трещит и местами трескается под тяжелым грузом, но саперы быстро переносят настилы от опасных мест. С каждым батальоном уходят штатные огневые средства. Управление огнем постепенно децентрализуется.

Офицеры политического отдела дивизии информируют личный состав об успешном форсировании Вислы и прорыве обороны противника 1069-м стрелковым полком.

Пока враг не разгромлен, расслабляться нельзя. Как только противник опомнится, он будет пытаться контратаками из

глубины обороны восстановить положение. Командующему артиллерией дивизии полковнику В. Ф. Бувечичу ставится задача: немедленно перебросить на левый берег реки противотанковый резерв в составе отдельного истребительного противотанкового дивизиона и саперной роты под командованием командира дивизиона Н. Е. Розенберга с противотанковыми минами, начальнику разведки дивизии подполковнику Е. Г. Шуляковскому вести разведку в направлении Кемпа Конарска — Конары.

Пока батальоны 1069-го стрелкового полка вводились в бой, передовой батальон капитана Маматова овладел опорным пунктом противника Оструев. В бою за этот укрепленный пункт беспримерную храбрость и находчивость проявили наводчик 45-мм пушки М. Д. Винтоняк, командир стрелкового отделения сержант П. В. Данкин, рядовой С. Атлиев и многие другие.

В 10 часов подполковник Хабибуллин доложил по телефону:

— Полк овладел населенным пунктом Оструев. Противник понес большие потери. Немцы, оставшиеся в траншеях и землянках, сдаются в плен. Первую партию пленных 997-го и 692-го охранных батальонов в числе 34 человек направляю к вам. Среди пленных командир 3-й роты 997-го охранного батальона обер-лейтенант Вайс Эрих. Наши потери незначительные.

Подошло время вводить в прорыв 1071-й стрелковый полк. На наблюдательном пункте дивизии ждет приказа командир полка майор А. Ф. Сен-Этьен (в молодые годы, будучи курсантом, он изменил свою фамилию Рыжов на более «благозвучную». В связи с этим в период культа личности имел много неприятностей). Ближайшая задача полка — овладеть участком шоссе Конары — Магерова Воля.

Быстро спускается к реке батальон майора К. А. Будькова. Бойцы и командиры, окрыленные первыми удачами 1069-го полка, спешат включиться в бой, пока противник дезорганизован. Майор Будьков — опытный командир; он отлично разбирается в сложившейся обстановке и понимает, что для успешного развития прорыва требуется только одно — быстрота и натиск.

За первым батальоном — третий, капитана В. Д. Топорова. Батальон двигается бодро и смело.

Вот показался второй батальон. Его ведет майор А. А. Семирадский, стройный, подтянутый, отличный офицер. Увидев меня, приветливо машет рукой. Мы давно и хорошо знаем друг друга. Не раз попадали в переплеты, но он никогда не терял самообладания, оставаясь спокойным и уверенным в себе. Я не переставал удивляться, как в этом еще очень юном человеке удивительно гармонично сочеталась мягкая душевность с огромной силой воли и мужеством.

В успехе дивизии не последнюю роль сыграл командир 122-мм артиллерийского дивизиона майор И. Е. Улыбышев. Артиллерист высшего класса, наделенный огромным чувством ответственности, среди командиров стрелковых подразделений и частей он пользовался большим уважением и любовью. Он постоянно находился в боевых порядках полков и батальонов и, как мастер своего дела, следя за полем боя, всегда знал наверняка, каким ходом ответит противник на действия нашей пехоты. Улыбышев умел разглядеть хорошо замаскированные огневые точки там, где другие их не видели. Каждый его снаряд достигал цели. Самое главное — он никогда не ждал просьб на огонь от тех, кого поддерживал. Следя за наступлением стрелковых рот, дивизион своевременно давил огнем все, что мешало продвижению пехоты. Такие артиллеристы, как майор Улыбышев, сохранили сотни человеческих жизней, прокладывая пехоте огнем своих батарей дорогу вперед.

Тревоги и опасения остались позади. Приятно было осознавать, что, форсируя Вислу, мы правильно оценили и силы противника на избранном направлении, и фактор внезапности в данных условиях обстановки. Река оказалась нашим добрым союзником. Ее ледяной покров был не настолько прочен, чтобы вызвать у немцев беспокойство, и не настолько слаб, чтобы заставить нас отказаться от форсирования.

О результатах боя надо было немедленно доложить по телефону командиру корпуса. Выслушав мой доклад, генерал-майор Сиязов сказал:

— Подождите минутку....

Не отрывая трубки от уха, я слышал, что командир корпуса кому-то передает содержание моего доклада. Не прошло и минуты, как я услышал в трубке голос командующего армией:

— Повторите все, что вы доложили командиру корпуса.

Я повторил слово в слово.

— Скажите, каким образом ваши полки могли оказаться за Вислой? Вы, очевидно, пьяны или что-то безнадежно путаете, — возмущался и недоумевал командующий.

С началом наступления, увлеченный боем дивизии, я забыл, что командующий разрешил форсировать Вислу только одним батальоном, опасаясь провала неокрепшего льда. Резкий тон командующего и его сомнения в правдивости моего доклада напомнили мне всю предысторию этого дела и подтвердили то, о чем я раньше только догадывался, а именно, что приказ штаба корпуса до Военного совета не дошел. Не сразу нашел я, что ответить. Не хотелось подводить командира корпуса. Однако после небольшой паузы коротко, не вдаваясь в подробности, я

доложил, каким образом наши полки форсировали Вислу и оказались там, где их совсем не ожидал противник.

— Я не поверю вам до тех пор, пока своими глазами не увижу пленных у себя на командном пункте, — уже немного мягче сказал командующий.

Я заверил его, что пленные будут немедленно отправлены к нему, но для того, чтобы убедиться в достоверности моего доклада, надо через десять минут взглянуть на западную окраину Острувек, где передовые подразделения 1069-го полка обозначат линию своего фронта ракетами зеленого огня. Командующий согласился, его голос потеплел, видно, он все понял и поверил. А у меня отлегло от сердца.

Тут же на наблюдательном пункте дивизии перед отправлением в штаб армии был допрошен обер-лейтенант Эрих Вайс, здоровенный мужик лет сорока, член национал-социалистической партии. На вопрос, почему немцы без особого сопротивления сдались в плен, он ответил:

— Вы применили новое оружие, уничтожающее все живое. Ни один человек не способен выдержать такого жестокого испытания. Это бесчеловечно.

Ответ гитлеровца возмутил и одновременно рассмешил нас. Слова о бесчеловечности из уст фашиста звучали кощунственно. Его вывели из землянки и, указав на 45-мм пушки, сказали:

— Вот, погляди на наше новое оружие.

Он посмотрел, покачал головой, но ничего не сказал. Зато здорово посмеялись над незадачливым воякой пушкари-пехотинцы.

В результате первого дня боя части дивизии расширили прорыв до 3 км по фронту и 6 км в глубину, овладев при этом сильно укрепленными пунктами Острувек, Пулько и отм. 118.2 (южной). Бойцы, сержанты и офицеры проявили высокий воинский дух, образцы героизма и мужества.

Особенно отличились в боях: командир батальона майор Д. П. Маматов, погибший смертью храбрых на поле боя, командир роты саперного батальона старший лейтенант С. Ф. Денисов, командир 45-мм орудия истребительного противотанкового дивизиона старший лейтенант Лобода, командир стрелкового отделения красноармеец И. Г. Кайдан, командир огневого взвода 120-мм минометной батареи лейтенант Ф. Д. Липатов и многие другие^[23].

15 января в 9 часов 30 минут, после 30-минутной артиллерийской подготовки, части дивизии перешли в наступление и полностью очистили от противника остров Кемпа Конарска, овладели населенным пунктом Подгужице, выс. 118.2

(сев.), шоссеиной дорогой севернее Магерова Воля и завязали бои за Конары и рошу, что южнее Марынин^[24]. В ночь на 16 января противник, подтянув из резерва части 251-й пехотной дивизии и до 50 танков, неоднократно переходил в контратаки, но все его усилия были напрасны. С утра дивизия, разгромив остатки охранных батальонов и до двух батальонов 251-й пехотной дивизии, овладела населенным пунктом Конары, городом Гура Кальварья и, преследуя противника, вышла на рубеж Сабикув, Чаплинек, создав серьезную угрозу окружения Варшавской группировке немецких войск.

С этого дня, окончательно сломив сопротивление врага, дивизия совместно с соединениями 89-го стрелкового корпуса перешла в решительное преследование противника^[25]. Для более полной оценки результатов внезапных действий 311-й дивизии следует привести некоторые данные о потерях в личном составе. В первый день потери дивизии, действовавшей в более сложных условиях обстановки, составляли 26 % от потерь 23-й дивизии, во второй день — 44 % и за трое суток ожесточенных боев — 45 %, т. е. в два с лишним раза меньше по сравнению с дивизией, наступающей слева^[26]. Таким образом, инициатива командования дивизии, поддержанная командиром корпуса, оправдала себя полностью. Несколько позже командующий 61-й армией дал следующую оценку действиям дивизии: «311-я дивизия, форсировав ночью Вислу, нанесла внезапный и умелый фланговый удар противнику».

Характеризуя дальнейшие боевые действия, командир корпуса генерал-майор М. А. Сиязов писал: «... в период преследования с 16 по 28 января 1945 года, дивизия с боями прошла 400 км при незначительных потерях в личном составе и технике и **первая вступила на территорию Германии**. Совершив сложный маневр в лесистой местности, при яростном сопротивлении противника и при недостаточном обеспечении боеприпасами, дивизия окружила 5–7-тысячный гарнизон г. Шнайдемюль. В районе Шнайдемюль дивизия захватила большие трофеи: более 30 паровозов с эшелонами боевой техники, продовольствия и военного снаряжения»^[27]. На этом закончились боевые действия дивизии на территории Польши. За успешные боевые действия дивизия была награждена орденом Красного Знамени.

Многие из участников этих боев получили правительственные награды. Указом Президиума Верховного Совета СССР командиру полка подполковнику Закки Хабибуллину, командиру батальона майору К. А. Будькову, командиру роты старшему лейтенанту П. Д. Богданову, комсору

полка лейтенанту И. А. Сокольскому и автору этих строк было присвоено звание Героя Советского Союза.

Командирам батальонов майору Д. П. Маматову, майору А. А. Семирадскому, командиру стрелковой роты лейтенанту А. И. Сидорову и красноармейцу С. Ф. Орел — звание Героя Советского Союза было присвоено посмертно.

Майор Семирадский и лейтенант Сидоров скончались от смертельных ран, полученных в ожесточенных боях западнее г. Шнайдемюль. Там же погиб смертью храбрых командир артиллерийского дивизиона майор Улыбышев.

Успешные действия 311-й стрелковой дивизии в сложных условиях обстановки при очень небольших потерях не были случайным явлением. Они подготавливались всем ходом войны.

День за днем накапливался боевой опыт, совершенствовалось боевое мастерство командного состава и крепла боеспособность войск. Желание драться и побеждать врага стало основным содержанием жизни. Вместе это рождало боевую активность, творческую инициативу и настойчивость в выполнении смелых замыслов.

Мысль о форсировании Вислы пришла в результате всестороннего изучения всех условий, как благоприятствующих, так и затрудняющих выполнение боевой задачи.

Путь через Вислу оказался самым коротким, наиболее надежным и тактически выгодным для всего корпуса. Правильный вывод, сделанный из оценки обстановки, привел к верному решению задачи.

Большой практический опыт дивизии в преодолении водных преград при отличной выучке саперных подразделений позволил командованию дивизии безбоязненно решиться на форсирование реки по недостаточно окрепшему льду.

Не последнюю роль в успехе форсирования Вислы и прорыва обороны противника сыграла продуманная до мельчайших деталей организация огневого обеспечения. Одновременное использование всех групповых огневых средств дивизии в строго централизованном порядке, особенно в начальном периоде боя, дало возможность сконцентрировать на узком участке прорыва огонь исключительной плотности. Необычайность такого огня заставила противника запрягаться в щели.

И наконец, напряженная и целеустремленная подготовка к бою частей и подразделений дивизии, а также умелая мобилизация личного состава на выполнение боевых задач и его уверенность в успехе сказались с первых же минут боя.

Бои в Польше и Германии

После прорыва фронта западнее Вислы 311-я дивизия преследовала части противника, как говорится, на всех парусах. Гитлеровцы были бессильны сдерживать натиск двух фронтов: 1-го Белорусского под командованием маршала Г. К. Жукова и 1-го Украинского маршала И. С. Конева. Там, где противник намеревался удержать выгодный рубеж или город, он попадал в окружение наших войск. Словом, мощной, неудержимой лавиной неслись наши войска на запад.

Наша дивизия, окрыленная успехом преследования противника в составе 61-й армии генерала П. А. Белова и 89-го корпуса генерала М. А. Сиязова, находилась на самом правом фланге армии. 17 января 1945 года 311-я дивизия освободила города Надажин и Брвинув. В этот же день польская армия освободила Варшаву. На пути нашего преследования был освобожден г. Сохачев, а затем 22 января — г. Иновроцлав. В этих городах были захвачены большие боевые трофеи. В тот момент, когда дивизия освобождала окраину города Иновроцлав, в центре города в двухэтажном доме, которое занимало гестапо, по словам очевидцев, творился страшный переполох. Напуганные нашим стремительным наступлением, немцы выпрыгивали из окон в надежде успеть удрать. Не все успели, некоторые попали к нам в руки.

Когда город был полностью освобожден, жители вышли на центральную площадь, чтобы приветствовать своих освободителей. Стихийно возник многолюдный митинг, на котором мне пришлось выступить. Кругом, на площади и соседних улицах, ликовал народ. Люди рвались к нам, обнимали, целовали и пытались добрыми словами выразить благодарность освободителям. Многие — и мужчины, и женщины — не скрывали слез.

Выбраться из толпы было невозможно, как ни старались. Наконец кто-то из офицеров комендантского взвода, используя команду солдат, сумел нас вывести.

Быстро нашли для нас квартиру одного польского профессора, где я смог в спокойной обстановке по личной радиостанции связаться с передовыми частями и поставить им задачи на ночь. Местные власти хотели как можно лучше, удобнее нас разместить. В этой квартире остановились я и мой заместитель по политчасти полковник Хирный. Я быстро связался по рации с передовыми полками дивизии и отдал необходимые распоряжения.

В доме никто нас не беспокоил. Хозяева предлагали поужинать с ними, но мы отказались, чтобы не очень их затруднять. На ночь нам постелили постели. Постельное белье было настолько белоснежным, что мы не решились даже притронуться к нему, так и просидели всю ночь за телефоном и рацией, докладывая начальству о положении дел и ставя задачи подчиненным.

Два наших стрелковых полка находились западнее Иновроцлава, а третий — восточнее. Утром полки первого эшелона дивизии, атаковав арьергардные части противника, начали продвигаться, а второй эшелон дивизии, третий стрелковый полк, вошел в город. Чтобы не ударить в грязь лицом, бойцы и офицеры этого полка надели перед выступлением новое обмундирование, хранящееся в ранцах, и во всем параде с дивизионным оркестром прошли по улицам города. Начальник штаба дивизии полковник Новиков, зам. командира дивизии по политчасти полковник Хирный и я стояли на тротуаре, пропуская полк перед собой. Услышав звуки оркестра, жители высыпали из своих домов и приветствовали проходивший полк. Бойцы подтянулись и шли, не ломая равнение. Мы решили тоже немного пройти по улице, а потом уже сесть в машины и выехать вперед в полки первого эшелона. Когда мы тронулись в путь, люди подбегали к нам, жали руки, кто был подальше — слали воздушные поцелуи, а один из ксендзов схватил полу моей шинели и поцеловал ее. Так исключительно душевно встречали и благодарили нас, а в нашем лице Советскую Армию за освобождение своего города от фашистской оккупации. Тепло было на душе от такого сердечного, доброго отношения польского народа к нам, к нашей армии. Это еще больше вдохновляло бойцов на борьбу с ненавистным врагом.

Продвигаясь по территории Польши, мы сражались с фашистами, но чаще преследовали их. Сейчас я даже не припомню какого-либо значительного боя.

Чтобы не дать возможности отступающим немецким частям оторваться от преследующих их частей нашей дивизии, стрелковые части мобилизовали гражданский конный транспорт. Повозки везли тяжелую солдатскую выкладку, легко раненных бойцов, радистов и телефонистов с аппаратами. Таким образом догоняли отступающего противника, не давая ему возможности где-либо закрепиться.

Вспоминается такой случай. Командир 1069-го стрелкового полка подполковник Закки Хабибуллин, преследуя со своим полком противника, «восседал» (другое слово трудно подобрать) с офицерами штаба на повозке с серебряными украшениями и

большими кистями по четырем углам. Нельзя было без улыбки смотреть на эту картину. Вполне очевидно, что никто из тех, кто ехал на этом катафалке, а это был именно катафалк, не знал о его прямом назначении, полагая, что красивая «колесница» предназначалась для выездов польской знати.

Я, как командир дивизии, видя, как используется мобилизационный транспорт, не считал это нарушением дисциплины. Нельзя было отставать от удирающего противника и давать ему возможность закрепляться на удобном для обороны рубеже. Еще Суворов учил: «Нужно, невзирая на труды, преследовать неприятеля денно и нощно, пока истреблен не будет». За сутки части делали по 40–50 км, а ведь это было нелегко. Мы, командиры, прекрасно понимали это и не только не возражали против инициативы бойцов использовать гражданский транспорт, но и поощряли их.

На это, однако, совершенно иначе смотрел наш командир корпуса генерал Городинский, когда мы еще воевали в Латвии. Тогда нам тоже приходилось преследовать отступающие части противника кто на чем горазд, и благодаря этому мы не давали ему останавливаться и закрепляться. Городинский с 3–4 здоровенными солдатами с топорами выезжал вперед и встречал на маршруте части корпуса. По его приказанию солдаты совершали экзекуцию над всем транспортом. За разведкой двигались колонны полков. Впереди колонны, как правило, в карете, часто старинной, ехали командиры полков. Увидев на дороге командира корпуса, они сходили со своих карет и с докладом подходили к нему. Тот, приняв доклад, приказывал отвести карету в сторону от дороги и отпрячь лошадей, а затем, театральным жестом опереточного артиста указывая рукой на карету, подавал команду своим молодцам: «Руби!» Исполнители с топорами со знанием дела ретиво бросались к карете, которая под их ударами быстро превращалась в щепу. Городинскому, видимо, эта безобразная сцена доставляла радость: он весь сиял от приятного чувства исполненного долга, что пресек страшное зло. Однажды, стоя рядом, я произнес знаменитое гоголевское: «Александр Македонский — герой, но зачем же стулья ломать?» Городинский сверкнул на меня глазами, но не ответил.

Командиры полков и частей, взирая на сцену уничтожения средств передвижения, ждали, что после этого гром обрушится и на их головы, но Городинский, довольный совершенной казнью кареты, милостиво их отпускал. Понурился и наверняка испытывая чувство стыда за всю эту вакханалию, творимую большим командиром, они уходили догонять свои части.

Мои просьбы не лишать уставших командиров транспорта, с

помощью которого они имели возможность немного отдохнуть перед боем и не отставать от своих передовых подразделений, на танках и машинах преследующих противника, были гласом вопиющего в пустыне. Не встречая с моей стороны поддержки, Городинский несколько умирнял пыл в моем присутствии и уже без особого вдохновения «рубил» все нетабельное, что встречалось в колоннах. «Рубил» он не только кареты и повозки, на которых сидели бойцы, уставшие от продолжительного преследования врага, но и велосипеды, которые использовались саперами, связистами и всеми, кому они были нужны. После очередного «наведения порядка в колоннах» на дорогах валялись груды искалеченных велосипедов — результат неумной энергии трех верзил с топорами.

Городинскому не все и не всегда, надо сказать, сходило с рук. Был такой случай. Как-то он пропускал колонну медико-санитарного батальона дивизии, который следовал за войсками на табельных автомашинах. Ястребиный глаз командира корпуса выхватил из потока одну из грузовых машин медсанбата, в открытом кузове которой ехали медсестры, причем одна из них, сестра-хозяйка медсанбата, сидела в кресле. Остановив машину, Городинский приказал вытащить из кузова это кресло. Медсестры не догадывались, зачем это нужно, но исполнили приказание и стащили кресло на землю. Встав в свою любимую героическую позу, чтобы впечатление было еще более неотразимым, Городинский приказал: «Руби!» Сестра-хозяйка, услышав команду, во весь голос закричала:

— Дурак такой! Что ты делаешь?! Это ведь зубоорудное кресло, казенное!

Городинский сразу опешил и от «дурака», и от своей ошибки, но, спохватившись, крикнул сестре-хозяйке:

— Пять суток ареста!

Продолжать начатую экзекуцию ему явно не хотелось, хотя кресло уже было испорчено топорами.

В тот же день на привале Городинский позвонил мне и приказал, чтобы я посадил сестру-хозяйку медсанбата на гауптвахту на пять суток.

— За какую провинность сажать хорошую сестру?

— За грубость, — ответил он.

— А как с креслом быть? Зубной врач остался без своего основного инвентаря, — ответил я командиру корпуса.

— Пусть командир медсанбата подаст заявку в санитарный отдел армии.

Да, подумал я, санитарный отдел будет выдавать кресла, а ты будешь их рубить.

Сестру-хозяйку я, конечно, не посадил, а Городинский после этого ни разу так и не вспомнил о неприятном инциденте. Он, как мне показалось, потерял интерес к этому «очень важному» делу.

Своей кипучей деятельностью он ровным счетом ничего не добился. После очередной маршевой проверки все в частях оставалось без изменений: появлялись снова кареты, тарантасы, повозки, самоходы и прочие гражданские средства передвижения. Как сейчас вижу: солдат-связист с тяжелой катушкой кабеля лихо катится по грязи на велосипеде, у которого только половина руля. Мы с моим шофером были поражены его виртуозности. А как здорово бойцы освоили езду на самокатах! Диву давался, когда и где они успевали этому научиться.

Именно благодаря, с точки зрения командира корпуса, маршевой недисциплинированности, дивизия своевременно выходила в назначенные пункты и быстро разворачивалась для боя. Не случайно же за умелые действия в Прибалтике дивизия была награждена орденом Суворова II степени и получила наименование «Двинская».

Преодолев, как говорится, «на рысях поляну», 27 января дивизия подошла к германской границе (бывшей) и в ночь на следующий день пересекла государственную границу Германии в районе города Шнайдемюль. Этот город — крупный узел железных и шоссейных дорог, сильный оборонный рубеж противника, прикрывавший с юго-востока подступы к Померании. Нас обогнали соединения 2-й танковой армии генерала Богданова. 311-я дивизия, используя успех танковой армии, прорвавшей оборону противника восточнее Шнайдемюля, вошла в прорыв, захватила железнодорожную станцию и блокировала город. На железнодорожной станции города дивизия захватила 25 эшелонов с техникой и военным интендантским имуществом. Одних только теплых на меху сапог было несколько тысяч пар. Они, видно, предназначались для летчиков и танкистов.

Дивизии была поставлена задача овладеть городом, который немцы здорово обороняли. В помощь нам прибыли командующий артиллерией 61-й армии и несколько артбригад и артполков «катюш» артдивизии Н. А. Зернова. Наступление частей дивизии для овладения городом было организовано довольно быстро. Вся приданная и поддерживающая артиллерия и артиллерия дивизии и полков обрушилась на город. Немцы оборонялись с большим упорством, по их обороне можно было судить, что силы в городе были немалые.

На третий день нашего — почти безрезультатного — наступления на этот город меня вызвал к телефону командующий 61-й армией генерал-полковник П. А. Белов. Он был очень

недоволен тем, что дивизия плохо действует в городе, где, как он выразился, всего две-три сотни немцев, а мы столько времени возимся, и результатов никаких. Я не мог ответить доказательно на его упреки, так как у нас не было еще «языка» и, следовательно, никаких данных о противнике. Но по тому, как он оборонялся на всех направлениях города, было очевидно, что перед нами крупная немецкая группировка. Я все-таки высказал свое мнение командующему армией, что мы имеем дело, скорее всего, не с сотнями, а с тысячами немцев и одной дивизии мало, чтобы овладеть городом.

Как уже потом стало известно, «гарнизон Шнайдемюля насчитывал до 28 тысяч солдат и офицеров, более 100 полевых орудий, 84 зенитных пушек, 26 самоходок, 18 танков и около 100 минометов». Группировка противника была подчинена командиру 14-го танкового корпуса, а в нашей 311-й дивизии, когда она блокировала город, насчитывалось около 4 тысяч солдат и офицеров. Если бы в те дни противник не отсиживался в окруженном нами городе, превосходя нас в семь раз по численности, а действовал более активно и решительно, думаю, нам пришлось бы несладко.

После 3 февраля мы получили задачу сдать блокаду 47-й армии и быстро выйти в район Шепланке, где располагался командный пункт 80-го стрелкового корпуса генерала Верасбицкого, в подчинение которого мы временно вошли. Верасбицкого, хорошо подготовленного командира, я знал еще до войны, по Дальнему Востоку. Мы оба командовали под Благовещенском разведбатами в разных дивизиях, но в одном корпусе. Он немного изменился внешне — сейчас он носил очень красивую бороду.

Дивизию в срочном порядке вывели в район Шепланке, чтобы остановить и уничтожить контратакующего противника. Штабу корпуса, в силу сложившейся обстановки, приказывалось отойти назад, сменить свой командный пункт, а 311-й дивизии — занять оборону в районе Шепланке и отразить танковые контратаки противника.

Прежде чем продолжить рассказ о последующих действиях нашей дивизии, хочу остановиться на том, чем же закончились бои за Шнайдемюль.

Как стало известно позже, войска правого крыла 1-го Белорусского фронта значительно продвинулись на запад и пресекли все попытки противника оказать помощь и вывести из окружения свои войска, блокированные в городе. Нашу дивизию, о чем я писал выше, сменила оперативная группа 47-й армии в составе трех стрелковых дивизий под руководством командира

корпуса генерала Кузьмина.

Утром 13 февраля командир 14-го танкового корпуса противника Штейнер, который возглавлял оборону города, приказал гарнизону пробиваться из окружения в северном и северо-западном направлениях вдоль реки Кюддов и соединиться с главными силами гитлеровских войск в районе Ландек. Из окружения противник выходил пятью группами до 20 тысяч человек с танками, артиллерией и автомашинами. В ночь на 14 февраля 1945 года шнайдемюльский гарнизон прорвал оборону блокирующих его частей и начал продвигаться в северном и северо-западном направлениях, по назначенным ранее маршрутам. Это очень осложнило обстановку в районе Шнайдемюля. Только после того, как противник оставил город, соединения нашего корпуса смогли овладеть им, очистив от специально оставленных здесь разрозненных вражеских групп.

Уничтожение прорвавшейся группировки противника было возложено на 79-й стрелковый корпус. Враг принес много неприятностей нашим тыловым частям, которые не ожидали его появления. В течение 5–6-дневных боев вырвавшаяся из окружения шнайдемюльская группа противника была уничтожена.

После всего этого генерал П. А. Белов, мой командующий корпусом, никогда не напоминал мне о шнайдемюльских боях и своей оценке сил противника.

Продолжаю прерванный рассказ. Мы, не теряя ни минуты, разведали наиболее опасные направления контрудара противника, заняли оборону на указанном нам рубеже, организовали систему огня всех видов, особенно противотанкового, и выслали вперед разведку. Наблюдательный пункт дивизии разместили на бывшем НП командира 80-го стрелкового корпуса.

Наступил вечер, стало темнеть, как вдруг на наш НП неожиданно прибыл генерал А. И. Яновский. Мы представились друг другу, хотя я сразу узнал его и он, видимо, узнал меня тоже. Видя его улыбку, я спросил, помнит ли он меня.

— Конечно, я вас узнал, — ответил Яновский. — Я помню вас еще совсем молодым командиром 1-й Кавказской стрелковой дивизии, — и назвал мою фамилию.

Яновский рассказал, что является заместителем командира 80-го корпуса и возвращается от передовых частей, которые, подвергшись танковому удару противника, дрогнули, но ему удалось остановить части корпуса и дать отпор неприятелю.

Я знал Яновского в бытность мою в Батуми в 1925–1926 годах на должности командира стрелкового взвода в 1-м Кавказском

стрелковом полку, а Александр Иванович в те годы уже командовал 1-й Кавказской стрелковой дивизией, в состав которой входил и наш полк. Он носил два ромба, часто бывал в полку, собирал нас, молодых офицеров, и проводил командирские тактические занятия. Пройдя всю гражданскую войну, вошел с советскими войсками в Закавказье в должности командира дивизии. Это был образованный, интеллигентный человек, всегда спокойный, ровный и очень доброжелательный по отношению к своим подчиненным, на удивление простой в общении. Будучи командиром дивизии, перед каждым большими тактическими учениями в поле он писал брошюры, в которых доходчиво излагал, как надо действовать, решая те или иные тактические задачи. Их печатали в дивизии и рассылали всем командирам рот.

Помню, как в тридцатые годы проводился набор молодых командиров на переподготовку для железнодорожных частей, в том числе и по службе тяги. В молодые годы я увлекался техникой и решил сдавать предварительные экзамены, которые проводились в помещении штаба дивизии. Письменные и устные задания оказались очень легкими, и я за все получил «отлично».

Но последнее слово оставалось за командиром дивизии. Выдержавших предварительные экзамены оказалось немного, и командир дивизии вызвал нас к себе для беседы. Первым в кабинет к Яновскому вошел я. Он похвалил меня за хорошие оценки и сказал, как всегда в своей манере, ровным, спокойным голосом:

— Вам я не советую уходить в железнодорожные части. В стрелковых частях вы на месте. Из вас в конечном счете получится хороший командир, и вы будете, судя по вашей работе в полку, хорошо продвигаться по службе. Нам нужны в дивизии хорошо подготовленные офицеры. Я не хочу отпускать вас в железнодорожные войска. Вы нужны нам, нашим войскам «царицы полей». Я вычеркну вас из списка сдавших предварительные экзамены, — сказал он и вопросительно посмотрел на меня.

Я не стал возражать, и он аккуратно вычеркнул из списка мою фамилию. Я до сих пор благодарен Александру Ивановичу Яновскому за то, что он удержал меня от необдуманного шага и в той или иной степени определил мою дальнейшую судьбу.

Неожиданная встреча со своим бывшим командиром дивизии очень обрадовала меня. Мы всю ночь вспоминали «дела давно минувших дней», то время и наших бывших однополчан. Он был рад, что оказался прав в отношении моей военной карьеры: мы оба теперь были генералами и я сейчас, как он тогда, был

командиром дивизии. Проговорили всю ночь.

На рассвете Яновский уехал в штаб 80-го стрелкового корпуса. Впоследствии Александр Иванович часто приезжал ко мне на КП или НП дивизии и всегда был очень желанным гостем.

После окончания войны в 1946 году, когда я, как и многие фронтовики, учился на Высших академических курсах при Академии Генерального штаба в Москве, мы случайно встретились с Яновским на Арбате. Были страшно рады увидеть друг друга живыми и невредимыми. В то время он уже был доктором технических наук, профессором и преподавал в одном из высших учебных заведений. Он предложил мне после академических курсов работать с ним вместе и одновременно готовить меня на кандидата, а потом и на доктора военных наук.

— Я вам буду помогать и уверен, что вы без особого труда справитесь с этой подготовкой, — уговаривал он меня.

Я поблагодарил его за предложение, но отказался. Мне был 41 год, тянуло в войска. Я был не готов к научной карьере. Окончив курсы с оценкой «отлично», я отправился в войска, где командовал стрелковым корпусом.

Когда я бывал в Москве, мы часто встречались с Александром Ивановичем, и я всегда был рад видеть его здоровым и бодрым, хотя он был уже совсем немолодым человеком, лет на двадцать старше меня, но в моей памяти он остался навсегда одним из тех командиров, на которых хотелось походить.

В боях в районе Шепланке мы взяли много пленных трех различных частей. Наша дивизия затем наступала в направлении города Арисвальде, где оборонялась большая группа немецких войск. На флангах дивизии, сжимая кольцо окружения г. Арисвальде, действовали соединения 9-го гвардейского и 80-го стрелкового корпусов. Дивизия наша наступала непосредственно на город. Противник упорно, как в Шнайдемюле, оборонял его. Нам удалось овладеть небольшой окраиной города, где находилась мельница с огромными складскими помещениями и такими же бетонными подвалами. В этих подвалах мы организовали свой КНП. Наученный, видимо, опытом предыдущих боев под Шнайдемюлем, командующий 61-й армией генерал-полковник Белов уже не делал преждевременных оценок противника и решил усилить дивизию несколькими дивизионными 152-мм гаубицами и 160-мм минометами. Теперь мы были во всеоружии.

Чтобы не терять при штурме города людей, я решил использовать всю дивизионную и приданную артиллерию на прямой наводке. С командирами 152-мм дивизионов договорился легко, хотя гаубицы, как правило, на прямую наводку не ставятся.

Первый залп огня давался из всех орудий по противнику, который засел в зданиях и подвалах в 100–150 м от нас. Несколько дальше вели огонь 160-мм минометы. Больше всего немцев было в подвальных этажах, окна которых чуть выступали над уровнем земли и использовались ими как бойницы. Интересно, в Германии в восточной ее части все окна подвальных этажей смотрели главным образом на восток. Это было предусмотрено в прошлом на случай войны с восточным соседом. В западной части Германии с той же целью такие окна выходили на запад. Как мне было известно, это правило соблюдалось при строительстве всех зданий, чтобы легче было обороняться в населенных пунктах.

После первых двух залпов огонь переносился на 100–150 м вперед, соответственно перемещалась и артиллерия. Пехота быстро продвигалась сначала до рубежа разрывов снарядов, выковыривая полуоглушенных, обезумевших немцев из укрытий. Так, шаг за шагом без больших потерь проникали мы глубже в город, пока гитлеровцы ожесточенно сопротивлялись. Надо сказать, что их сопротивление после нескольких скачков нашей артиллерии ослабевало, а здания превращались в руины. Наш огонь, против которого не было защиты, действовал на фашистов убийственно. Мы же сохранили сотни солдатских жизней, что в конце войны имело особое значение.

Потом уже стало известно, что около 7–8 тысяч фашистов вышли из города Арисвальде в северном направлении и вне его стен были пленены, а сопротивляющиеся — уничтожены. В самом городе немцы понесли большие потери, что было видно из показаний генералов и офицеров, взятых в плен нашими войсками.

«Моя дивизия, — показывал пленный полковник Каппе, — имевшая перед боями в районе Арисвальде более 10 тысяч личного состава, была разбита и перестала существовать в течение пяти дней».

Овладев Арисвальде, 311-я дивизия продвигалась в северо-западном направлении, ведя бои на всем протяжении до г. Штаргарда. Очень тяжелые бои шли на рубеже Шенвардер до реки Ина. На шоссе на дорогах устанавливались заграждения и особенно густо ставились противотанковые мины. Все населенные пункты были предварительно приспособлены к круговой обороне. Плотный огонь из пулеметов велся как с верхних этажей домов, так и из полуподвальных помещений. Населенные пункты располагались густо: преодолев с большими трудностями один, чуть ли не сразу натывались на другой. У себя дома немцы дрались ожесточенно, со звериной злостью, часто неразумно контратаковали и гибли.

Шел февраль. Грязь была всюду. Обувь сырая, обмундирование заляпано грязью. В первых числах марта 1945 года, наступая на штеттинском направлении, мы подошли к городу Штаргарду, крупному узлу немецкой обороны. До 4 марта дивизия в тесном взаимодействии со всеми соединениями 61-й армии, в составе которой находилась, дралась за этот город и наконец овладела им. Здесь была освобождена большая группа пленных из западных стран и много советских людей, угнанных фашистами в рабство.

Когда я вошел в город, первое, что бросилось в глаза, был пух, летающий всюду. Я невольно вспомнил статью И. Эренбурга, где он писал, что настанет день, когда от фашистов полетит пух. Эренбург пользовался большой любовью у солдат и офицеров, и, как только появлялась его очередная статья, газеты немедленно расхватывались. Писал он остро, целенаправленно и доходчиво. Статья настраивала бойцов на месть, что было осуждено Центральным Комитетом КПСС. Но бойцы решили воплотить в жизнь то, о чем писал Эренбург. Они вспарывали перины, подушки и высыпали их содержимое на улицу. Командиры пытались прекратить эту самодеятельность, но было уже поздно. В воздухе носились хлопья белого пуха, словно хлопья снега.

Возвращаясь от командующего армией, который вызывал меня на свой КП для того, чтобы поставить перед дивизией дальнейшую боевую задачу, я отправился через Штаргард далее на запад, рассчитывая, что части дивизии должны быть много западнее города. Со мною, как всегда при переездах, шли три машины: на одной — я с радистом личной радиостанции и адъютантом, капитаном Ивановым, на двух других — несколько человек комендантского взвода и мой ординарец Веня Смирнов.

Мы уже выехали далеко за город. Наших частей нигде не было видно, и я забеспокоился. По расчету времени они должны были находиться здесь, западнее города. Я приказал остановить машину, вышел из нее и, отойдя шагов на десять, стал смотреть в бинокль. Вдруг слева, не далее 500 м от дороги, я увидел два немецких орудия, направленных в нашу сторону. В тот же миг прогремели два выстрела, снаряды разорвались возле наших машин. Сразу же после выстрелов орудия снялись с позиций и исчезли.

Когда я подошел к машинам, то увидел, что мой ординарец Веня Смирнов и два бойца комендантского взвода убиты. Моя машина вся изрешечена осколками снарядов, особенно передок, а лежащая на сиденье моя карта пробита осколками.

Только после того, как из оставшихся бойцов было организовано круговое наблюдение за местностью, я увидел

начальника штаба 1071-го полка майора К. Д. Юркина с ротой разведчиков. Мне не хотелось спрашивать Юркина, почему задержался полк, было ясно, что причиной тому были бесхозные табачные склады.

Так как Штаргард брали в основном с флангов, город разрушен не был. Многие жители покинули его, бросив дома и магазины, как только наша разведка приблизилась к городу. Фашисты рассказывали им байки о нашей жестокости, но с течением времени оставшиеся местные жители уже сами могли судить о нас. Во время боев они укрывались от снарядов в своих крепких подвалах, а после того как мы выгоняли гитлеровцев, спокойно возвращались в свои дома.

Гибель Вени Смирнова и двух бойцов комендантского взвода, которых я тоже хорошо знал, стала настоящим горем для меня. Я не находил себе места. Веньку любил, как родного сына, а он видел во мне отца. Мы очень привязались друг к другу. Венья был непосредственным, мягким, ласковым, заботливым. Ему было около 20 лет, но, по сути, это был ребенок без какой бы то ни было хитрости или лукавства. Хорошо играл на гармошке и в редкие свободные минуты все порывался научить меня, но мне «медведь на ухо наступил», и ничего не получалось, что его очень огорчало.

Мне не везло с ординарцами, а может, им со мной. Первого — Степана Антоненко — я отпустил в отпуск на несколько дней, когда мы дрались под Псковом. Возвращаясь, он не сумел найти дивизию, она была уже в пути. Второй — Николай Ворожцов — погиб от пули снайпера, и вот теперь третий, к которому я привязался всей душой.

Какой-то рок их преследовал, и я решил отказаться от постоянных ординарцев.

Когда в Латвии погиб Николай Ворожцов, которого я очень ценил как замечательного человека и прекрасного ординарца, офицеры дивизионных частей нашли в противотанковом дивизионе Веню Смирнова и направили его ко мне в блиндаж для, так сказать, собеседования. Он явился, вытянулся и доложил:

— Прибыл в ваше распоряжение красноармеец Смирнов.

— Хочешь быть ординарцем у командира дивизии? — спросил я его.

— Нет, не хочу, товарищ генерал, — ответил он.

— Почему же не хочешь? — спросил я. У него было светлое, почти детское лицо.

— Потому что вы злой, — но тут же поправился: — Очень строгий.

— Злой я на врагов наших и еще на тех, кто дерется плохо, а

строгим я обязан быть, как положено каждому командиру. Давай так договоримся: ты побудешь у меня суток трое, а потом поступишь, как хочешь. Неволить тебя я не буду.

И Веня Смирнов остался. Уже через сутки он вполне освоился со своим новым положением. Я был доволен им, и чем дальше, тем больше. Все, что надо было делать, делалось им без напоминания. У меня всегда было курево, спички, чистый носовой платок. Иногда он снабжал меня трофейными леденцами, аккуратно завернутыми в чистую бумагу. Он любил сладости и думал, что все их любят. Я его не разочаровывал.

Насколько я помню, Веня был единственным сыном у матери. Она писала ему на фронт нежные, ласковые письма, которые заканчивала словами: «Целую твои беленькие ручки».

После гибели Венки я поручил офицерам отделения кадров дивизии написать его матери очень теплое письмо. Я понимал, что горе этой женщины не смягчить ничем. Сам пытался выбрать время, чтобы написать ей, но не смог найти нужных слов и боялся еще больше разбередить ее рану. До сих пор, сколько уж лет прошло, не могу простить себе, что так ей и не написал.

После овладения Штаргардом наступление частей нашего корпуса продолжалось на штеттинском направлении. Успехи наших войск в целом и 34 дивизий в частности достигались смелым маневром частей и подразделений и созданием превосходства в силах и средствах над противником на главном направлении. Кроме того, дивизии достаточно полно усиливались артиллерией, танками, и их боевые действия хорошо обеспечивались авиацией. Например, нашу 311-ю стрелковую дивизию поддерживала целая артиллерийская дивизия генерала Н. А. Зернова, два полнокровных танковых батальона (один из них тяжелый) и полки штурмовой авиации.

Чем дальше мы гнали и теснили немцев, тем плотнее становились их боевые порядки. У себя дома они отбивались зло, упорно, с ожесточением загнанного в угол зверя. Оборонялся каждый рубеж, каждый населенный пункт. Наступая, мы ориентировались по картам, которые очень неточно отображали местность: если на карте был показан чистый лес, на самом деле в этом лесу могли находиться заводские и фабричные постройки, коттеджи. Вести бой в таком «лесу» было тяжело, так как все каменные постройки были приспособлены к ведению огня из пулеметов и пушек. Оборонявшийся в лесу неприятель стремился заставить нас развернуть как можно больше сил на подступах к населенному пункту и навязать нам длительную борьбу с уже ослабленными силами на его окраинах. По мере нашего продвижения к населенному пункту сопротивление противника

нарастал, и поэтому возрастала напряженность боя.

Главная роль в боях за населенные пункты отводилась штурмовым группам. Они использовались для уничтожения гарнизонов противника, оборонявших отдельные здания. Состав штурмовых групп, в зависимости от объекта, был следующим: стрелковый взвод или рота, отделение или отделения саперов, химики с ранцевыми огнеметами, двумя танками или взводом танков и несколькими орудиями от среднего до крупного калибра, часто самоходно-артиллерийские установки.

Перед подготовкой боя в штабе дивизии мы тщательно продумывали способы борьбы с противником за тот или иной населенный пункт, а также инструктировали командиров штурмовых групп или отрядов.

Теперь мы действовали со знанием дела, имея за плечами богатый опыт войны. Надо сказать, что боевые успехи достигались четкой подготовкой боя. Большое внимание уделяли организации взаимодействия частей дивизии с приданными и поддерживающими частями, соседями, первых и последующих эшелонов.

Надо сказать, что противнику редко удавалось нарушить наши организованные удары, и они, как правило, проводились без каких-либо значительных изменений.

Основными моими помощниками при подготовке, организации и проведении боев были инициативный и смелый начальник штаба дивизии полковник Т. Я. Новиков, хорошо подготовленный офицер начальник оперативного отделения подполковник А. В. Неретин, исполнительный, очень симпатичный и скромный начальник инженерной службы подполковник Н. М. Ваганов, с которым всегда было приятно общаться, и, конечно, начальник разведки дивизии подполковник Е. Г. Шуляковский, друг Ваганова и такой же исполнительный и скромный человек, наделенный огромным чувством ответственности за порученное дело и безмерной отвагой. В работе по подготовке и мобилизации личного состава деятельное участие принимали офицеры политотдела дивизии, возглавляемого полковником В. И. Хирным.

Большую помощь оказывали нам начальник тыла дивизии подполковник Урюмов и его начальник штаба Л. Н. Хашковский. Они освободили меня и штаб дивизии от всех забот по обеспечению частей дивизии продовольствием и даже боеприпасами. Они образцово справлялись с материальным обеспечением частей дивизии.

Хуже было дело с артиллерией. После тяжелого ранения командующего артиллерией полковника Н. П. Кляпина

артиллерию дивизии возглавляли недостаточно подготовленные офицеры, поэтому основную работу по подготовке артиллерии к бою приходилось перекладывать на свои плечи. Не раз в штабе дивизии вспоминали мы добрым словом Кляпина и очень жалели, что не было его с нами.

С 13 по 20 марта чрезвычайно тяжелые бои развернулись на восточном берегу реки Одер, южнее Штеттина. Гитлеровцы держались крепко, каждый метр надо было брать с боем. Трудно было очень еще и потому, что терять бойцов приходилось на последних этапах войны, хотя дрались они с таким энтузиазмом, что даже не приходилось торопить их с продвижением. Надо признаться, я не давал задерживаться командирам полков на наблюдательных пунктах, и, чтобы темпы нашего наступления не замедлялись, мы обеспечивали части дивизии огнем всей наличной артиллерии и танками, вплоть до тяжелых.

Дав некоторое время для продвижения полков, я переходил со своего НП на НП одного из командиров полков, действующего на основном направлении. Я предупреждал командира полка по телефону или рации, что ему пора переходить на новый НП, а сам переходил на его. Так было все время при наступлении на Финкенвальде и Альтдам.

Дивизию в то время поддерживал всей своей артиллерией командир артиллерийской дивизии генерал Н. А. Зернов. Я видел, что ему, как артиллеристу, не были по душе частые смены наблюдательных пунктов. Он считал, что так часто переносить НП дивизии нельзя, и однажды даже пригрозил, что откажется поддерживать нашу дивизию. Я старался доказать ему, что нельзя давать возможность противнику закрепляться на новом рубеже. Кроме того, я постоянно требовал от Зернова не жалеть снарядов, которые он расходовал очень экономно, для поддержки наступления полков.

Наконец населенные пункты Альтдам, Хонендорф и Финкенвальде были нами захвачены. Целыми колоннами по железнодорожному мосту через Одер немцы удирали в Штеттин. И тут вся артиллерия Зернова, сэкономившая снаряды при нашем наступлении, всеми своими артбригадами открыла по удирающим такой массированный огонь, какой мне редко приходилось видеть и слышать.

Как же зол я был на Зернова! Он экономил снаряды, уверяя меня в ограниченном их количестве, когда они нам были очень нужны для успешного наступления, а теперь расходовал не жалея. Не берусь судить, кто из нас был прав.

Выйдя на восточный берег Одера, южнее Штеттина, дивизия расположилась в складках местности, укрывшись от наблюдения

противника, и по приказу командующего занялась подготовкой передового батальона 1071-го стрелкового полка к форсированию реки. Нашей целью был захват дамбы на западном берегу Одера у населенного пункта Лунов. Ширина поймы реки в этом месте более 700 м при глубине от 30 до 70 см. Мы понимали, что при таких условиях форсирование Одера представляло собой огромную трудность. По мелководью переправочные средства до основного русла реки нужно было тащить на себе на виду у противника, под его прицельным огнем. Я относился крайне отрицательно к решению начальства форсировать устье Одера, так как это грозило огромными потерями личного состава дивизии. Но на войне рассуждать не полагается, получил задачу — выполняй. С командиром корпуса генералом Сиязовым и начальником штаба дивизии полковником Новиковым мы скрепя сердце вынуждены были полученную задачу выполнять и готовить передовой батальон по всем правилам.

17 апреля передовой батальон приступил к форсированию реки, вернее ее поймы. С первых же шагов стало ясно, что нас постигнет неудача и на наших глазах произойдет трагедия, равной которой еще не было. Чтобы все-таки предотвратить бессмысленные потери, я, на свой страх и риск, отказался от дальнейшего форсирования и просил командующего армией дать дивизии другой участок, южнее, где пойма не была столь широкой.

Докладывая командующему армией, я ожидал бурю негодования, но, к моему удивлению, генерал Белов спокойно выслушал все мои доводы и отменил свое решение. Теперь мы должны были форсировать Одер в 6 км юго-западнее города Цеден, где поймы не было. Дивизия передислоцировалась на новое место и 20 апреля почти без потерь форсировала Одер, а затем сосредоточилась в лесу южнее Нойенхаген.

В последующем дивизия повела наступление на город Эберсвальде, прикрывая боевые порядки 61-й армии на подступах к городу от ожидаемых контратак противника. Уничтожив противостоящие части, дивизия подошла к Эберсвальде, довольно большому городу, окруженному хвойными и лиственными лесами.

Чтобы надежнее управлять боем, я решил совместить свой НП с НП одного из командиров полков, который действовал на основном направлении нашего наступления.

Для того чтобы попасть на НП командира полка, надо было пересечь одну из широких просек недалеко от железной дороги. Пересекая ее на своей машине, я заметил в нескольких сотнях метров от нас артиллерийское орудие противника. В этот же

момент грянул выстрел, но снаряд, к счастью, пролетел сзади машины, не причинив никому вреда. Проехав просеку, я тут же по рации передал командиру роты автоматчиков местонахождение этого орудия и приказал, не медля ни минуты, захватить его и обслуживающих это орудие. Вскоре все было сделано.

Во второй половине дня Эберсвальде был окружен частями дивизии и захвачен. Были освобождены сотни пленных французов, поляков и людей других национальностей.

Всю ночь до утра следующего дня шли бои за противоположный берег канала Гогенцоллерн. Мой НП находился в небольшом домишке недалеко от канала. Всю ночь с 24 на 25 апреля город освещался авиационными ракетами, авиация бомбила его так остервенело, что приходилось удивляться: откуда у немцев к концу войны появилась такая авиация? У меня, правда, закралось подозрение насчет того, кто мог так здорово бомбить город. Нашим частям, к счастью, не досталось от бомбежек, так как они находились у самого канала, а кое-кто уже успел переправиться на другой берег, но несколько лошадей из обозов полков погибли. На следующее утро я приказал разведчикам разыскать парашюты осветительных ракет и доставить их мне. На парашютах были наклейки с русскими и украинскими фамилиями: «Заряжал такой-то». Я тут же послал эти наклейки с одним из офицеров к командующему 61-й армией с просьбой выяснить, кто бомбил Эберсвальде накануне ночью. Через несколько часов генерал-полковник Белов сообщил мне, что город бомбил соседний с нами 2-й Белорусский фронт. Они не знали, что Эберсвальде занят нашими войсками. Вот так иногда происходит, когда нет связи с соседями и «свой своего не познаша».

В апреле я получил телеграмму Военного совета армии с поздравлением в связи с присвоением мне звания Герой Советского Союза. Поздно вечером меня вызвали на КП командующего армией, где генерал Белов вручил мне Золотую Звезду. После короткого ужина, на котором присутствовал весь генералитет штаба армии и командир нашего корпуса Сиязов, я срочно выехал к себе в дивизию.

Соппротивление противника в боях за Либенвальде было очень ожесточенным. Преодолев его, дивизия повела наступление на г. Альтруппин. Мы обходили Берлин с севера, сопротивление немцев еще более усиливалось, но и наш нажим на противника возрастал. Обе стороны дрались с нарастающей энергией: гитлеровцы — со злобой и остервенением взбесившихся зверей, понимая, что им приходит конец, а наши бойцы — с надеждой, что еще одно последнее усилие — и войне конец. Создавалось

впечатление, что никто не думал об опасности. Перед нами стояла одна-единственная цель — добить зверя в его же берлоге.

Дивизия, тесня врага, все ближе и ближе подходила к Альтруппину. Недостатка ни в артиллерии, ни в танках мы не испытывали. Дивизия шла в голове боевых порядков армии. Но местность, на которой нам приходилось действовать, была довольно сложной для наступления. Дело в том, что справа и слева от Альтруппина находились озера длиной до 12 км, довольно широкие и, очевидно, глубокие, форсировать которые можно было только на переправочных средствах. Непосредственно западнее и чуть южнее Альтруппина, совсем рядом с ним, находился довольно большой город и железнодорожный узел Нойруппин. Его и Альтруппин соединял единственный мост, по которому дивизия могла продвигаться далее на запад к реке Эльба. Каждый шаг нашего продвижения к мосту требовал титанических усилий, был связан с людскими потерями, но продвигаться было необходимо, чтобы окружить берлинскую группировку войск противника. Чтобы свести потери до минимума, я решил преодолевать сопротивление неприятеля, уничтожая его огнем артиллерии.

30 апреля к вечеру из госпиталя возвратился командир 1069-го стрелкового полка Герой Советского Союза подполковник З. Хабибуллин и явился ко мне. Он бы болен инфекционной желтухой, и мне показалось подозрительным, что его так скоро выписали.

— Где ваши документы о выписке? — спросил я его.

— Я, товарищ генерал, удрал из госпиталя, — ответил Хабибуллин, улыбаясь.

— Напрасно, у вас же инфекционная желтуха, болезнь серьезная и заразная. Вас, наверное, госпиталь разыскивает?

— Я, товарищ генерал, очень хочу принять участие в завершающем этапе войны, в госпитале мне не лежится.

У меня не было времени обстоятельно побеседовать с ним. Я строго приказал ему немедленно отправляться в санчасть и ни в коем случае не вмешиваться в дела полка, которым временно командовал его заместитель.

В тот же вечер, после разговора с Хабибуллиным, я побывал в частях, где помогал командирам полков и батальонов более надежно наладить огонь полковой артиллерии и минометов по яростно оборонявшемуся противнику, а также поставил задачи всем командирам частей на ночь и на следующий день.

1 мая перед рассветом я вышел на свой наблюдательный пункт на чердаке одного из домов Альтруппина, с которого были хорошо видны боевые порядки наших частей и главный объект

атаки — мост через озеро. В это же время Хабибуллин позвонил начальнику штаба дивизии полковнику Новикову и сказал, что звонил комдиву, но его на КП не оказалось.

— Комдив с рассвета на своем наблюдательном пункте, — ответил ему Новиков.

— Я хотел попросить его разрешения принять командование полком, — сказал Хабибуллин, умолчав о нашем с ним разговоре накануне вечером.

— Ну что ж, раз вы вернулись из госпиталя, принимайте свой полк, он сейчас дерется за мост в Альтруппине и прилегающий к нему участок. Я доложу комдиву, что вы приняли полк.

Получив разрешение, Хабибуллин, не теряя ни минуты, отправился в боевые порядки 1069-го стрелкового полка, где одна из рот батальона дралась за мост у Альтруппина.

Части дивизии продолжали теснить противника, уничтожая его артиллерийским и минометным огнем. Со своего НП я следил за ходом боя и был доволен действиями частей и подразделений дивизии. Противник отступал по всему фронту дивизии. Над Нойруппином я увидел на крышах высоких домов белые флаги. Возможно, это была инициатива жителей города без ведома своего командования, так как немецкие части продолжали драться на окраине Альтруппина.

Вскоре Хабибуллин добрался до батальона своего полка, который сражался у самого моста. Стрельба из пулеметов и автоматов шла с обеих сторон. Немцы стремились изо всех сил удержать мост. Пули жужжали, как шмели, невозможно было поднять головы. Улучив мгновение, с криком «За мной!» Хабибуллин бросился к мосту. За ним — бойцы. В то же мгновение автоматная очередь изрешетила его грудь. Он упал замертво, как подкошенный. Бойцы батальона уничтожили немцев, мост был захвачен, путь на запад открыт.

Это был последний бой для прекрасного командира полка, Героя Советского Союза, славного сына Родины Закки Хабибуллина. Это был последний бой и для дивизии. Тело Хабибуллина мы хотели отправить в цинковом гробу на его родину в Казань, но в то тяжелое время не нашлось свободных вагонов, и нам пришлось после короткой траурной церемонии отправить гроб с телом в город Штаргард, где он был захоронен на центральной площади.

Продвигаясь в направлении Эльбы и не встречая сопротивления, дивизия прошла по окраине Нойруппина и расположилась на ночной отдых в лесном районе севернее нашего маршрута, чтобы с рассветом, под прикрытием боевого охранения и разведки, продолжать продвигаться по маршруту

Нойштадт, Штюдениц, Глевен. Навстречу нам с белыми флагами шли большие немецкие колонны — сдаваться в плен. Их отправляли в тыл, где был организован пункт сбора военнопленных.

3 мая мы вышли на восточный берег Эльбы в районе Квитцебель. По всему берегу реки валялась брошенная немецкими частями техника.

Я увидел, как с западного берега Эльбы отчалила лодка. Вскоре она подплыла к нам, и из нее высадились три американских солдата. Они подошли к нам, широко улыбаясь и протягивая нам руки.

В этот день, 3 мая 1945 года, для нашей дивизии и остальных соединений 89-го корпуса закончилась Великая Отечественная война.

notes

Примечания

Архив МО, ф. 4 гв. ск., оп. 7987, д. 5, лл. 13–14.

Архив МО, ф. 4 гв. ск., оп. 7987, д. 5, л. 15.

Архив МО, ф. 4 гв. ск., оп. 7986, д. 19, л. 21.

Архив МО, ф. 4 кв. ск., оп. 7987, д. 19, лл. 23–24.

Архив МО, ф. 4 гв. ск., оп. 7987, д. 19, л. 26.

Архив МО, ф. 4 гв. ск., оп. 7987, д. 19, л. 28.

Архив МО, ф. 4 гв. ск., оп. 7987, д. 19, л. 36–37.

Архив МО, ф. 4 гв. ск., оп. 7987, д. 19, л. 40.

Архив МО, ф. 4 гв. ск., оп. 7987, д. 19, л. 40–41.

Клаузевиц К. О войне.

Архив МО, ф. 4 гв. ск., оп. 7987, д. 19, л. 42.

История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С.
336.

Клаузевиц К. О войне.

Клаузевиц К. О войне.

А. В. Суворов.

Архив МО, ф. 418, оп. 10695, д. 496, лл. 7–11; ф. 551, оп. 16426, д. 2, лл. 5–6.

Архив МО, ф. 311 сд., оп. 73472, д. 2, лл. 5–8.

Архив МО, ф. 89 ск., оп. 48477, д. 6, лл. 45–51.

Архив МО, ф. 551, оп. 16426, д. 2, лл. 40, 41.

Опер. директива штаба 1 БФ № 001 от 02.01.1945 г

Архив МО, ф. 551, оп. 16426, д. 14, л. 25.

Архив МО, ф. 418, оп. 10695, д. 496, лл. 7-11.

Архив МО, ф. 551, оп. 16426, д. 3, л. 16.

Архив МО, ф. 551, оп. 16426, д. 3, лл. 1, 2, 14.

Архив МО, ф. 551, оп. 16426, д. 3, лл. 1, 2, 14.

Архив МО, ф. 551, оп. 16426, д. 3, лл. 1, 2, 14.

Архив МО, микроплёнка, экз. 1, вып. 28, короб. 9, кадр. 543.